

НЕИЗВЕСТНЫЙ КИПЛИНГ

Переводчик и составитель Е.Л. Кузьмишин

Москва 2013

Редьярд Киплинг (1837 – 1936) очень хорошо известен российскому читателю, в первую очередь, как автор великолепных детских и «взрослых» произведений колониального жанра. Все читали или, по крайней мере, видели или слышали о «Маугли», других произведениях из «Книг джунглей» и «Сказок просто так», кое-кто читал его романы «Ким», «Свет погас» и сборник «Инвалид жизни», довольно многим знакомы его эпические, героические или напротив – шуточные и написанные в фольклорном духе стихи.

Хорошо знают Киплинга как «певца колониализма», барда «бремени белого человека», бытописателя конфликта цивилизаций, своеобразного историософа и геополитика.

Многие ценят в нем страстного и мудрого поэта – последнего романтика в преддверии наступления крайне неромантической эпохи.

Но мало кто знает или помнит, что довольно немалую роль в биографии и творчестве Киплинга играла его принадлежность к масонству – викторианскому, консервативному, клубному, типично английскому масонству, в котором он неизменно видел огромный потенциал именно как в острове сохранения братства и высокоученого диалога в надвигающемся кошмаре мировых потрясений XX века.

Большая часть жизни Киплинга была связана с журналистской и конторской работой в обширных в то время колониях Великобритании – в Индии и Южной Африке. В масонский Орден он был посвящен в Ученики в 20 лет, 15 апреля 1886 г. в индийском Лахоре, переведен в степень Подмастерья 6 мая и возведен в степень Мастера – 6 декабря того же 1886 года. Это произошло в ложе «Надежда и Усердие» № 782, где, по словам самого Киплинга, вместе с христианами-англичанами собирались местные индуисты и сикхи. Практически сразу Киплинг начал активно писать в масонских журналах Индии и Англии, стал заметным масонским автором, и к концу 1887 г. он уже был членом организаций высших степеней – ложи Мастеров Метки и капитула Царского Свода, но что важнее всего – сначала ассоциированным, а затем полноправным членом и даже секретарем старейшей в мире исследовательской лондонской ложи «Quatuor Coronati» (Четверо венценосцев), оплота масонской науки, объединяющей наиболее выдающихся масонских ученых.

Р. Киплинг занимал административные посты в Окружных великих ложах Пенджаба, а затем Бенгали, поскольку переехал в Аллахабад, где и издал свои первые сборники стихов и сказок, сразу завоевавшие популярность у читателей всех возрастов в колониях и метрополии. С 1890 г. он уже вел жизнь популярного писателя в Лондоне и участвовал в работе местных лож. Киплинг не разрывал связей с масонством всю свою жизнь – ее можно фактически месяц за месяцем проследить по отчетам о посещении им лож в Англии, Индии, Франции, Южной Африке, США, Германии и других странах. Он принимал участие в качестве журналиста в Первой мировой войне, оставил несколько сборников рассказов о ней, получил Нобелевскую премию по литературе, получил множество почетных титулов в масонских организациях всего мира и всего лишь за 10 дней до смерти был вынужден отказаться принять звание почетного председателя «Писательской

ложи», потому что явно ощущал приближение смерти.

Среди «масонских» произведений Киплинга первое место занимают его героические баллады «Мой неотесанный камень», «Винзорская вдова», «Ложамать», «Дворец» и другие, продолжающие, с одной стороны традицию масонских застольных песен, заложенную Р. Бернсом, а с другой стороны, воплощающие романтические идеалы В. Скотта. Особое место занимает чуть ни единственная получившая в мире известность повесть о масонстве и масонах «Человек, который мог бы стать королем», видимо, не в последнюю очередь потому, что она была гениально экранизирована с Ш. Коннери и М. Кейном в главных ролях.

Но в данном сборнике читателям предлагается впервые познакомиться с рассказами, написанными Р. Киплингом о масонстве и масонах Англии и ее колоний непосредственно после Первой мировой войны, а через речь героев – с их жизнь времен самой Войны. Здесь отразились идеалы Киплинга (столь редко реализуемые в нашем мире вообще) в том, что касается предназначения масонства, его роли духовного стержня и точки сборки для всех свободомыслящих людей добрых нравов и развитого ума. Киплинг вместе с читателем рыдает над искалеченными судьбами героев и жертв войны, воспекает их песней погребальной тризны и вместе с тем – эпическим гимном воскресения и возрождения к счастью.

Кроме четырех рассказов о быте масонской ложи «Вера и Труд» из сборника «Дебет и кредит», здесь помещаются и две иронические философские новеллы о быте персонажей христианской мифологии в годы мировых потрясений начала XX века.

Е.Л. Кузьмишин

Всё для братьев

Я зашел в зоомагазин купить себе канарейку, и там он впервые заговорил со мной и посоветовал взять птичку поскромнее оперением.

- Цвет — он от кормления зависит, - сказал он. - Если не знаете, чем кормить, он и сойдет весь. Уж извините, но я канарейками много занимаюсь. - И вышел. Я даже не успел поблагодарить его.

Это был человек средних лет с сединой в волосах и короткой темной бородкой, похожий на силигем-терьера в серебряных очках. Уж не вспомню почему, но я запомнил его лицо и голос, и поэтому, через несколько месяцев столкнувшись с ним на мостках, до отказа забитых членами клуба рыболовов, спускавшимися к Темзе, узнал его, обернулся и кивнул.

- Спасибо за совет, тогда, насчет канарейки, - сказал я. - Я им воспользовался.

- Правда? - радостно переспросил он через лежащую на плече удочку. - Отлично! - И толпа оттеснила его от меня.

Где-то через год я заглянул в табачную лавку прочистить намертво забившуюся трубку.

- Так-так-так! И как там ваша канарейка? - воскликнул человек за прилавком. Мы пожали друг другу руки и одновременно продолжили: - А как вас зовут?

Его звали Льюис Холройд Берджес из «Берджес и Сын», как я, наверное, уже прочел на вывеске, но сын погиб в Египте. Борода у него, казалось, еще почернела, а волосы еще побелели по сравнению с тем, что было, и глаза немного запали вглубь.

- Так-так-так, - продолжил он. - Надо же, один человек на миллион встречается снова и снова чудесным образом, а остальные вот не встречаются, да? (Потом он рассказал мне, что его сын Льюис погиб и почему его окрестили Льюисом.) Когда человек в годах, что ему остается? Не так и много. Разве что хобби. - Он перевел дыхание. - Мы рыбачили вместе. Ну и с канарейками то же самое. Мы их разводили по цветам, добивались темно-оранжевого окраса. Я потому с вами и заговорил тогда, если помните. Но я всех птичек распродал. Так-так-так. Ну что ж, давайте посмотрим, что у вас там с трубкой.

Он склонился над моей трубкой и приступил к работе уверенными движениями хирурга. В лавку зашел солдат, что-то сказал ему шепотом, выслушал ответ и вышел.

- Ко мне сейчас много солдат ходит, и кое-кто из них принадлежит к Цеху, - сказал мистер Берджес. - У меня сердце разрывается, когда приходится продавать им этот табак. С другой стороны, из пяти тысяч и один-то человек вряд ли по-настоящему знает толк в табаке. Бывает, что разбираются, да, но толка в нем не знают. Вот ваша трубка. Вы бы за ней получше ухаживали, чем раньше. Она того стоит. Во всяком деле нужна последовательность, нужен ритуал. Как будете мимо проходить, пожалуйста, заходите, всегда буду рад. У меня всегда найдется пара вещей, которые вам могут быть интересны.

Я вышел из магазина, и в груди у меня теплилось чувство, свойственное почти исключительно юности — чувство, что у меня появился друг. Не успел я отойти от двери и пары шагов, как меня окликнул инвалид, спросивший, где тут лавка Берджеса. Кажется, в округе это место пользовалось популярностью.

Потом я снова зашел туда, и еще раз, но только придя в третий раз, я узнал, что мистер Берджес владеет половиной «Экман и Пермит», процветающего предприятия по импорту сигар, перешедшей ему от дяди, чьи дети сейчас живут чуть ли не на Кромвель-роуд. Он сказал, что дядя был из биржевиков.

- А я по призванию лавочник, - продолжал он. - Мне нравится сам ритуал, нравится держать вещи в руках, продавать. Магазин всегда приносил какую-то прибыль, и мне нравится жить своим магазином.

Лавку открыл его дед в 1827 году, но тогда она была совсем другой. Полвека спустя сделали ремонт, и уже потом ничего не меняли. Бурые и красные банки для табака в листьях и пудре с коронами, клеймами и тисненными золотом названиями давно позабытых смесей, полированные табачные бочки «Ороноке», на которых сживали завсегдатаи, темно-вишневый тяжелый деревянный прилавок, изящные полки, сигарные ящики с узорами, выложенными из тростника, мельхиоровые весы и голландские латунные пестики и секаторы, - настоящая сокровищница.

- А ведь смотрятся, да? - заметил он. - Вон та большая банка «Бристоля» — вообще единственная в своем роде, насколько я знаю. А вон те восемь баночек для нюхательного табака на третьей полке — это от Доллина, он работал у Уимбла в 40-е годы XVIII века — таких тоже больше не осталось. Вот скажите мне, кто еще из табачников помнит, что такое голландский табак от Романо? Или кто такие Шолтен и Джон Лейн? А вон там — табачная меленка времени Георга Первого, а там — Людовика Пятнадцатого. Да что это я? Тринадцатого, тринадцатого, конечно! В них растирали табак, чтобы получалась совсем мелкая, тончайшая нюхательная пудра. Без них в лавке во времена моего деда не обходились. А на кого все это оставить, ума не приложу — разве что отдать в Британский музей.

Свои трубки — жаль, что не каждый способен их оценить — свои удивительные трубки он хранил в комнате за лавкой, что послужило мне поводом познакомиться с его женой. Однажды утром я снова с завистью осматривал один из его сигарных шкафчиков жакарандового дерева с серебряными замочками и коваными ручками испанской работы, когда в дверь, нарушая нашу уютную идиллию, вошел раненный канадец.

- Ну так, - громко начал он. - Тут у вас верное место?

- Кто дал вам адрес? - спросил мистер Берджес.

- Один человек в Мессине. Но не в том дело. У меня ничего нет: ни дипломов, ни патентов, ничего. Понимаете, я остался ложе должен по взносам семнадцать долларов. Но тот человек в Мессине сказал, что здесь меня пустят и так.

- Ну да, пустят, - сказал мистер Берджес. - Мы собираемся сегодня в семь вечера...

Лицо у незнакомца вытянулось:

- Черт, я же в госпитале лежу, меня не выпустят.

- ...А еще по вторникам и четвергам в три часа дня, - быстро добавил мистер Берджес. - Но вас сначала подвергнут опросу, конечно.

- Ну в этом-то, я думаю, не оплошаю, - раздался радостный ответ. - Ну, до вторника, значит. - И он, сияя, заковылял прочь.

- Кто это такой? - спросил я.

- Я его знаю не больше вашего. Просто судя по всему, он — брат. В Лондоне сейчас полно масонов. Так-так-так. Всем сейчас приходится несладко. Если зайдете вечером на чай, я потом возьму вас с собой в ложу. Будет ложа наставления.

- С радостью. А что за ложа? - Ведь он до сих пор так и не назвал мне ее.

- «Вера и Труд» № 5837, третья суббота каждого месяца. Вообще-то у нас официально собирают ложу наставления каждый четверг, но теперь мы собираемся все вместе почаще, потому что в городе очень много братьев, и у нас наплыв посетителей.

Тут в лавку зашел покупатель, и я оставил мистера Берджеса, и всю дорогу до дома меня не оставляли мысли о разнообразии его увлечений.

К чаю он разделся как в церковь, и заменил очки в серебряной оправе золотым пенсне. Я мысленно возблагодарил небеса за то, что сообразил переодеться во что-то приличное.

- Да, Цех нам многое дает, - заявил он. - Любой ритуал укрепляет. У людей есть естественная потребность в ритуале. И когда все вокруг летит в тартарары, люди льнут к нему. Я терпеть не могу, если ритуал исполняют небрежно. Кстати, ты не против помочь при опросе, если сегодня будут посетители? Они наверняка будут путаться, но ведь дело не в букве, а в духе, который животворит. Посетителям сейчас уделяют очень много внимания: ты же видишь, сколько их теперь в Лондоне. А приходиться им буквально некуда.

- Какой же ты милый! - сказала миссис Берджес, передавая мужу папку и футляр для фартука с инициалами.

- Ложа за углом, - продолжал он. - Только не возмущайся особо по поводу убранства. Там раньше был гараж.

Насколько можно было разобрать в этой унижительной темноте, мы прошли мимо конюшен и оказались во внутреннем дворике. Мистер Берджес неумолимо влек меня вперед, по пути беспрестанно извиняясь и оправдываясь за все, что мне предстояло претерпеть.

- Ты уж не жди... - продолжал он что-то говорить, когда мы наконец уперлись в дверь и, открыв ее, прошли в аккуратное преддверие, завешенное репродукциями картин на масонские темы. На почетных местах я увидел портреты Питера Гилкса и Бартона Уилсона — отцов системы Эмулейшен, а еще портрет Кристофера Рена работы Кнеллера, тот, где он изображен с вензелем Фитц-Джорджей и левой перевязью королевского герба; еще там был шарж Хогарта на Гилкса и его же издательская «Ночь», а также галерея Великих Мастеров от Энтони Сэйера и по

сей день, в симпатичных рамках.

- Это тоже твоё хобби? - спросил я.

- Это — нет, - улыбнулся он. - За это надо благодарить брата Лемминга.

Он тут же и представил меня старшему партнеру «Лемминга и Ортона», чей грязный крошечный магазинчик и не найдешь, даже если захочешь, но чья слава и чьи слова зато бегут далеко впереди своих хозяев.

- Рамки в этих картинках — лучшая часть, - ответил на мои похвалы брат Лемминг. - В храме еще есть. Пойдем, посмотришь. Там у нас большой Дезагюлье висит, его у нас чуть в Айову не забрали.

В жизни своей я не видел лучше оборудованной ложи. От мозаичного пола до потолочного узора, от занавесей до колонн, от скамей до светильников, от Востока до небольшого резного возвышения для фисгармонии на Западе, - все было совершенно до мелочей, в деталях и в общем замысле. И я не стеснялся снова и снова говорить обо всем увиденном то, что думаю.

- Я же тебе говорил: я ритуалист, - сказал мистер Берджес. - Ты только посмотри на резные колосья на спинках кресел Стражей. Так в ложах раньше делали, пока мебельные фабриканты все не испортили. Я их десять лет назад раздобыл у Степни, вместе вот с этим молотком. - Молоток был старинный, из пожелтевшей слоновой кости, явно выпиленный целиком из одного большого бивня. - С Золотого Берега, - добавил он, - из полевой ложи, 1794 года. Видишь надпись?

- Если, конечно, не секрет... - начал я.

- Это всё нам влетело... - с расстановкой произнес брат Лемминг, заложив пальцы в проймы жилета, - в кругленькую сумму в 1906-м, когда мы приступили к строительству. А еще и подрядчик наш, брат Анструтер, по пути вышел из дела. К слову сказать, он мне клялся, что вон тот булыжник — это чистый карьерский мрамор. Я-то сам ничего в мраморе не понимаю. Ну а с начала войны мы сюда вкачали еще более кругленькую сумму, о да. Ну, а теперь нам пора в комнату для опросов, там уже братья собрались.

Он повел меня обратно, но не в преддверие, а в комнатку с ним рядом, разделенную перегородками, по виду напоминавшую исповедальню в католической церкви. (Потом мне рассказали, что это и была исповедальня, которую подобрали на свалке у церквушки близ Освестри.) В ней столпилось несколько человек в форме.

- Это только голова очереди, а хвост — в преддверии, - сказал офицер ложи.

Брат Берджес усадил меня в кабинку за перегородку, напоследок дав наказ:

- Ничему не удивляйся. Кто только ни приходит.

Это предупреждение было не лишним, потому что первым испытуемым для меня стал беглый пациент офицерского госпиталя на Пентонвилл-вей с перевязанной головой. Простыми словами, да еще и на шотландском диалекте, он осведомился у меня, не жду ли я слишком многого от человека, у которого осталось всего шесть зубов и половина нижней губы. В итоге мы сошлись на знаках. Потом был новозеландец из Таранаки. С ним все было наоборот, потому что у него была только одна рука, да и та на перевязи. Следующему — огромному старшине из тяжелой артиллерии — я не поверил, уж больно у него все от зубов отлетало, а поэтому перенаправил его к брату Леммингу в соседнюю кабинку, а уж там и выяснилось, что он был у себя в стране Бывшим Окружным Великим Офицером. Последний испытуемый, я думал, совсем сведет меня с ума. Он вообще ничего не помнил.

- Не твоя вина, - в конце концов пробормотал он. - Я б сам себя не впустил с такими ответами. Но вот тебе мое слово: если я вообще во что-то верил, то только вот в это. Ради Бога, дай мне посидеть в ложе, брат.

По окончании опроса офицер ложи обошел всех нас и раздал запоны — никакой бахромы, никаких серебряных нашлепок, лишь атлас с грубыми завязками с кистями и — если смог доказать свое право на них — с жестяными уровнями. Брат передо мной затягивал пояс на напряженно молчавшем человеке в гражданском с шевроном комиссованного.

- Во-о-от, так-то получше будет, - сказал он. Человек в гражданском кивнул.

- Вот ты где! А ну пошел вон! Ты же обещал! Ну-ка давай отсюда быстро! - воскликнул кто-то рядом и замахал руками ему перед забежавшими глазами.

- Да брось ты, пусть посидит, - вступился за комиссованного тот, кто повязывал ему запон, говоривший с сильным австралийским акцентом. - Ты ж видишь, как он обрадовался.

Судя по всему, это был тот контуженный, которого брат Лемминг все-таки пропустил под честное слово приятеля и — что подействовало на Лемминга больше — под угрозой немедленного припадка, чисто от расстройства. Тот радостно поспешил в зал собраний, явно привычный к обстановке.

Мы вошли внутрь, колонной по двое, по традиции, под звуки чудной музыки, исполнявшейся, как потом оказалось, на старинном и знаменитом в округе органе. Нас было не меньше пятидесяти, и потребовалось какое-то время, чтобы все расселись, особенно инвалиды, которых было не меньше дюжины — для них принесли и расставили шезлонги. Я сидел между одноногим капралом-военврачом и капитаном территориальных войск, который, по его словам «подрался с миной», чуть не разорвавшей его надвое.

- А недурно органист играет Баха, - заметил он. - Я бы с ним пообщался потом. Я же сам подрабатывал тапером.

- Я вас познакомлю после ложи, - сказал один из местных братьев с заднего ряда, грузный человек с окладистой бородой, как оказалось, окружной врач. - С кем же еще тут обсудить Баха? - И эти двое погрузились в рассуждения о музыке, которые для стороннего слушателя были ничем не понятнее тригонометрии.

В наше время ложа наставления — это, в основном, плац, полигон для упражнений в ритуале. В ней запрещено посвящать профанов и повышать заработную плату, можно только заслушивать зодческие работы и тренироваться в проведении ритуалов. Досточтимый брат Берджес, величественно восседавший на Соломоновом Престоле (впоследствии выяснилось, что его тоже подобрали где-то на свалке), обратился к братьям-посетителям с кратким приветствием, сообщив, как их рады видеть здесь сейчас и всегда, а потом попросил их проголосовать, какую церемонию следует подвергнуть сегодня разбору. После объявления решения он спросил, не желает ли кто-нибудь из братьев-посетителей исполнить обязанности того или иного офицера. Они запротестовали, говоря, что все успели позабыть.

- Вот именно поэтому! - заключил брат Берджес под новые приглушенные бахораскаты органа. Мой капитан-музыкант вздохнул и заерзал на стуле.

- Минутку, Досточтимый сэр, - встал у меня за спиной грузный доктор. - Здесь у нас музыкант, нуждающийся в возможности приложить умение. Да вот только, - продолжил он менее высокопарно, - к органу ведут слишком крутые ступеньки.

- Сколько весит сей брат? - в высшей степени торжественно осведомился брат

Берджес.

- Немногим более пятидесяти килограммов, - ответил брат. - Только утром взвешивался.

Бывший Окружной Великий Офицер, он же артиллерийский старшина, борцовской походкой пересек храм, взял этот куриный вес на руки и перенес на помост к органу, где тот уселся и, пока местный органист качал мехи, заиграл, внезапно захватив в плен души всех присутствующих и унеся их в самые небеса.

Когда посетителей наконец удалось заставить занять офицерские места, началась репетиция церемонии. Брат Берджес запретил членам ложи подсказывать. Посетители должны были делать сами абсолютно все, а потом у них отняли и последнюю надежду, отстранив от ритуала артиллерийского старшину как занимающего слишком высокое положение. Тут они совсем запутались. Одноногий справа от меня хохотнул.

- Нравится? - спросил у него врач.

- Нравится? Да я на седьмом небе! Надо же, снова в ложе, я даже начал всё вспоминать, глядя на то, где они допускают промашки. Веры во мне немного, но всю, что есть — я вынес из ложи. - Заметив меня, он покраснел, как бывает, когда понимаешь, что повторяешь одно и то же одному и тому же человеку несколько раз за вечер. - Да, скрытое аллегориями и раскрывающееся в символах, отцовство Бога при братстве людей, а какого черта еще человеку надо? - Он рассмеялся. - Смотрите, смотрите! Они ее всю запутали и узлами затянули. Я б и то лучше сделал, хотя у меня нога осталась во Франции. Да, теперь им, наверное, придется все сначала начинать.

Новый органист попробовал сгладить возникшую неловкость очередным прикосновением к нашим ушам ангельских крыльев.

А когда любительская труппа, краснея и пытаясь, все же закончила, она потребовала, чтобы братья местной ложи теперь показали им пример и проделали все сами с начала. Вот тогда я впервые и понял, что такое отточенный до мелочей в каждом слове и жесте ритуал. По окончании мы все зааплодировали, одноногий капрал - громче всех. Для всех это было настоящее откровение.

- Мы очень гордимся тем, как проводим ритуал, а сейчас у нас еще и отличная аудитория, - прокомментировал доктор.

Затем Мастер прочел небольшую лекцию о смысле некоторых символов и таблиц, изображения которых были в ложе. Тема была изрядно затасканная, но своим глубоким голосом он словно раскрывал ее заново.

- Удивительно, до чего живучи эти старые прописи, - пробормотал доктор.

- Это точно! - украдкой поддакнул одноногий одним углом рта, как школьник на уроке. - Но это те самые прописи, которые нам и в аду на шею навесят. Ты уж мне поверь. Я их в своей жизни столько порвал, что мне можно верить. Тс-с-с! - И он даже подался вперед, чтобы не упустить ни слова.

Между тем брат Берджес коснулся вопроса, который по-разному отражается в ритуале в разных ложах, и попросил братьев поучаствовать в обсуждении.

- Ну вот, например, на Ямайке, Досточтимый сэр... - начал один из посетителей и рассказал, как они делают это у себя в ложе. С разных сторон (и ложи, и мира) разные братья вставали и рассказывали, как принято у них, и когда разгорелась настоящая дискуссия, доктор тихонько передал нам сигареты.

- Вообще-то это нетерпимое нововведение, - пояснил он, обойдя наш ряд и сядя на свободное место капитана-органиста, - но разве может мужчина

говорить и при этом не курить? К тому же это всего лишь ложа наставления.

- Да, я за один вечер узнал больше, чем за десять лет! – Одноногий на мгновение отвернулся от стоявшего в центре мрачного прапорщика в шпорах, который рублеными фразами излагал особенности голландского ритуала. Поднялся сизый дым, беседа оживилась, а орган с возвышения тихо благословлял нас всех.

- Просто восхитительно! – сказал я доктору. – Как вам это вообще удалось?

- Все пошло от брата Берджеса. Когда началась война, он стал заговаривать с покупателями, забегающими к нему в лавку. И потом он рассказывал нам, вечно сонным, что ничего люди так не хотят, как посидеть в ложе, просто посидеть и порадоваться, вот как мы с вами сейчас. И оказался прав. Он почти всегда прав. Война многому нас учит. Ложа для человека значит гораздо больше, чем принято думать. Как правильно заметил наш друг справа, иногда бывает так, что масонство – это единственная практическая вера, которая у нас есть, не считая детства. Пусть это звучит банально, но ведь правда, что оно соответствует всему, что мы считаем хорошим и правильным. – Он вздохнул. – А если эта война не показывает всем людям, что они братья, то... то я тогда ганс.

- А откуда к вам приходят посетители? – спросил я.

- Ну, по просьбе Берджеса, я сказал паре ребят в госпитале, что у нас будет ложа наставления и мы будем рады их там видеть. Они и пришли. А потом рассказали своим товарищам. И те тоже пришли. Это было два года назад, а теперь у нас ложа наставления по два раза в неделю и еще дневные репетиции почти каждые вторник и четверг для тех, кто не может отпрашиваться по вечерам. Да, все это так удивительно. Я и понятия не имел, что Цех столько значит для многих во время войны.

- Я тоже, - признался я.

- Но ведь это естественно, если вдуматься. В Лондоне сейчас, да и во всей Англии, собрались масоны со всего мира, и им некуда податься. Сами смотрите: в неделю у нас в последние четыре месяца бывают в среднем сто сорок посетителей, делим на четыре, и это значит – по тридцать пять братьев за раз. В реестре у нас семьдесят один человек, а на банкеты собираются и восемьдесят четыре. Так что, как видите, у нас тут полна горница людей.

- Еще и банкеты! – воскликнул я. – Они же, наверное, влетают вам в копеечку. А могут братья-посетители...

Доктор рассмеялся:

- Нет. Посетители – не могут.

- Но ведь проведя такой вечер, как сегодня, человек может захотеть...

- Они все так говорят. Никакого с ними сладу. Именно это они всегда нам предлагают, а мы всегда отказываем, а они обижаются.

- Отказываете?

- Дорогой мой, ну чем это тогда кончится? Не могут же они все остаться на банкет? Ну, скажем, сто ужинов в неделю, пятнадцать фунтов, в месяц – шестьдесят, в год – семьсот двадцать. Разве Лемминг с Ортом столько потянут? А Эллис и Макнайт – видишь там такого длинного худого – они поставщики провизии? А Берджес, как ты думаешь, когда устанет выписывать чеки? Копить-то ему уже особенно не для кого. И у Анструтера то же самое. Ты не думай, если нам что-то нужно, мы не стесняемся просить посетителей помочь, если для работы. Ты же заметил, как мы содержим ложу – все эти литые ручки, подвески, мебель и так

далее.

- Не мог не заметить, - подтвердил я. - Порядок, как на корабле, с пола есть можно.

- Ну зайти сюда как-нибудь в будний день посреди дня, гарантирую, увидишь с полдюжины братьев, которые ползают тут на карачках, чистят, моют, натирают все, до чего дотянутся. Я весной вылечил тут контуженного одним лишь тем, что поручил ему следить за подвесками. Он, конечно, чуть номера с них не стер, но зато хоть перестал стрелять по гансам во сне. А если нам нужен человек, чтобы занял престол на Востоке, - ведь по двое дневных работ наш Мастер не выдержит, - у нас выбор из Бывших Досточтимых со всего мира. И кстати, в доминионах отгачивают ритуал гораздо лучше, чем в среднем по Англии, ты это знал? И еще кстати... ой, мы, кажется, закрываемся. Послушай приветствия. Бывает интересно.

По удару молотка мы встали: снова последовали шум и шорох с первых рядов, где сидели инвалиды. Затем артиллерийский старшина хорошо поставленным голосом передал приветствия ложе «Вера и Труд» от братьев своего тропического округа. За ним говорили другие и разными голосами - от рева до писка. Я расслышал названия «Хаураки», «Иньян-га-Умбези», «Алоха», «Южный Свет» (откуда-то из Пунтас-Аренас), «Ложа Грубого Камня» (представлявший ее ньюфаундленский брат так и выглядел), две или три какие-то там «Звезды», с полдюжины кардинальных добродетелей в разных сочетаниях, территориально расположенных от Клондайка до Калгурли, какая-то полковая ложа с какого-то фронта (ее представлял мой знакомый с перевязанной головой, и я ничего не понял), - и далее везде, разнообразно и запутанно, как сама Империя. В самом конце поднялся шум в задних рядах. Заерзал брат, который до сих пор все время молчал, и его сосед пытался его успокоить.

- Оставь, оставь его! - профессионально резким окриком остановил его доктор, мой сосед. Молчаливый брат дернулся, встал и наконец выпалил что-то нечленораздельное, что не смог перевести даже его приятель. Но тут вперед протиснулся маленький смуглый Бывший Досточтимый Мастер.

- Все в порядке, - сказал он. - Он просто пытается произнести... - И он пророкотал какое-то валлийское слово длиной с ярд. Он пояснил: - Это значит Пемброкские доки, Досточтимый Сэр. У нас и в Уэльсе живут хорошие братья-каменщики. - И молчаливый брат снова кивнул.

Доктор и бровью не пошевелил:

- Бывает. *Hespera panta fereis*, не так ли? Звезда ведет их домой. Надо будет разузнать потом, что с этим парнем такое. Я знаю, вам музыка безразлична, - продолжил он, - но боюсь, придется еще немного потерпеть. Сейчас будет парафраз из Михея, наш органист переложил его для исполнения антифоном на два голоса, мы и поем вместо закрытия работ.

То, что последовало затем, смог оценить даже я. Мелодию вели около полудюжины хорошо поставленных голосов, на два голоса, словно спрашивая и отвечая, пока наконец на последних строках к ним не присоединились все.

*О, человек! реку тебе - добро
Есть то, к чему Господь тебя призвал,
Он тебе слушать совесть завещал,
Творить лишь справедливость и закон,
И милосердьем славить его Трон,
Ходить пред Ним смиренно и мудро,*

Как всякий вольный каменщик обязан.

Потом спели еще под тихий аккомпанемент Песнь Ученика, и я заметил, что члены ложи не снимали облачения, пока не пропели:

*И короли, и герцоги, и принцы
С мечами все готовы распротиться.*

Потом они стали медленно переходить в преддверие, где уже были накрыты столы, под звуки финала:

*Самый почтенный закон наш от века:
Вовсе не в месте почет человека.*

Брат, оказавшийся моим соседом за столом, приземистый священник, рассказал, что это был «забавный обряд, который кто-то выдумал, уж не вспомню, кто именно», под вдохновением от некой старинной легенды. И вообще, добавил он, масонство представляет собой нечто вроде «интеллектуальной абстракции». Офицер-инженер не согласился с ним и рассказал, как в прошлом году во Фландрии десять-двенадцать братьев провели ложу на руинах церкви, и кроме сотни грубых камней и символов брэнности бытия человеческого, другой мебели там не было.

- Я думаю, вам это пошло только на пользу, - не растерялся священник. - Достаточно одной идеи, без реквизита.

- А я вот так не думаю, - возразил офицер. - Нам стоило большого труда сделать облачения из обрывков обмундирования и маскировочной материи, которые удалось стянуть, а клейноды мы отлили из ржавого металла. Я храню их у себя, они скрасили нам не одну неделю.

- Но вы же были абсолютно иррегулярны и незаконны. У вас хоть был патент? - спросил брат из полковой ложи. - Великая Ложа должна вас...

- Будь у Великой Ложи хоть капля мозгов, - вмешался рядовой через три места от нас, - она бы выдавала полковым ложам во фронтовой зоне патенты с правом перемещения и приставляла бы к ним первоклассных лекторов.

- И что, посвящать ты тоже стал бы всех подряд? - спросил сварливый шотландец.

- Ну если бы попросили... Да пол-армии сразу же вступило бы.

Он покрутил эту идею под тем углом и под другим, и как ни крути, выходило, что при таком притоке новых членов Великая Ложа только радовалась бы доходам.

- Мне тут подумалось вдруг, - задумчиво обронил офицер-инженер, - а ведь я могу разработать полный комплект оборудования для полевой ложи весом меньше сорока фунтов.

- Ошибаешься. Точно тебе говорю. Мы как-то попробовали, - ответил брат из полковой ложи. И они погрузились в расчеты, каждый в своем блокноте, переключаясь через стол.

Сам же «банкет» был сама простота. Многие ели в спешке, торопясь обратно в госпиталь, но из окружающего полумрака тут же выдвигался еще кто-то из братьев, чтобы занять освободившиеся места. Заходили и те, кто бывал здесь раньше и не нуждался в предварительном опросе. Вбежал и еще один - в каске,

португее, ботинки во фландрской грязи, - только что с поезда.

- У меня пересадка здесь на два часа до следующего поезда, - объяснил он, - я и вспомнил, что у вас тут собрание. Боже мой, вот повезло!

- А откуда и куда ты едешь, когда поезд? - спросил священник и получил подробный ответ. Потом он снова обратился к солдату: - Отлично, так что будешь есть?

- Да что угодно. Все подряд. Я теперь до самого Фолкстона на сухом пайке.

Минут десять он набивал живот, не проронив ни слова. А потом, все так же молча, внезапно упал лицом на стол рядом с тарелкой. Священник, ничуть не удивившись, поднял его за ослабевшую левую руку и отвел на кушетку, где солдат немедленно развалился и захрапел. Никто и не обернулся.

- Вы к этому тоже привыкли? - спросил я.

- Ну а почему нет? - ответил священник. - Сегодня моя очередь будить их всех на поезд. У нас строго, в сутане ты, не в сутане - а будь добр неси дежурство.

После этого он снова повернулся ко мне своей широкой спиной и вернулся к обсуждению с братом из Абердина какого-то положения из работ Митилена, позволившего ему развить совершенно новый взгляд на Откровение Святого Иоанна на Патмосе.

А я попал в лапы старшего сержанта пулеметной роты, дамского портного по профессии. Он сообщил мне между делом, что «английские дамы столько же теряют на корсетах, сколько приобретают на других деталях туалета» и что «сам сатана не спасет женщину, которая носит тридцатишillingовый корсет под сорокафунтовое платье». Но тут, к моему огорчению, его взял за пуговицу и отвел в сторонку лейтенант его же собственной роты, и он в одно мгновение снова превратился в сержанта.

Я немного походил по преддверью, разглядывая репродукции на стенах и реликвии в застекленных витринах, вполуха прислушиваясь к гулу беседы за столом. Компания мало-помалу редела, пока не осталось всего с дюжину братьев. Мы сдвинули стол и пересели к камину, пока наша фландрская птичка свистела на кушетке в дыру в своей каске, упавшей на лицо.

- Ну как тебе? - спросил доктор.

- Целый новый мир, - честно ответил я.

- Так и есть. - Брат Берджес убрал золотое пенсне в футляр и снова водрузил на нос серебряные очки. - То есть если немного поднапрячься, именно так и получается. Когда подумаешь, какие возможности открываются здесь перед Цехом, уму непостижимо... - Он уставился на огонь.

- Это точно, - согласился старший сержант задумчиво, - я, в целом, наверное, соглашусь. Масонство может очень многое.

- Как вспомогательное учреждение, но не как замена религии, - вмешался священник.

- Да Господи! Оставь религию в покое на минутку, - пробормотал врач. - Она-то как раз ничем не помогла. Ну извини, извини, извини.

Священник надулся.

- Камрад! - воздел руки мудрый старший сержант. - Конечно, это не замена религии, но ведь это настоящий план на жизнь. Поглядев на то, что творится на фронте, я теперь в этом убежден.

Брат Берджес отвлекся от своих размышлений:

- В Лондоне нужно открыть еще дюжину... даже двадцать лож, чтобы работали

каждый вечер, и не только лож наставления, но и чтобы проводили посвящения. Ведь столько молодежи стремится вступить. Почему же они не могут этого сделать? Они делают всё то, чему мы все время учим. Так-так-так, ну а почему бы нам не сделать то, что мы можем? Какая польза от старого масона, если он не помогает молодым?

- Точно! – сказал старший сержант и повернулся к доктору. – А какая, к черту, польза от брата, если ему не дают помочь?

- Ой, ну пусть будет по-твоему, - устало кивнул доктор. Судя по всему, тот уже несколько раз подходил к нему. Он взял что-то из рук старшего сержанта и положил в карман, снова кивнув. Потом он шепнул мне: - Я был неправ, хвастаясь тебе нашей независимостью. Иногда им удается настоять на своем. Вот на это, - он хлопнул себя по карману, - мы поедим в четверг. Хотя обычно на дневных работах мы никого не кормим. Сюрприз будет. Ты не стесняйся, главное – попробуй вон тот сэндвич, с ветчиной, они самые вкусные. – И он подвинул ко мне тарелку.

- Согласен, - ответил я. – Я уже попробовал, штук пять или шесть съел. А потом упустил их из виду, спасибо.

- Рад, что тебе нравится, - раздался голос брата Лемминга. – Я ж их сам кормил, сам лечил... они росли у меня на ферме в Беркшире. Вот этого, например, звали Шарлемань. Кстати, док, мне на следующий месяц привезти еще одного такого же?

- Само собой, - с набитым ртом ответил доктор. – И пожалуйста, немного пожирнее этого. И еще не забудь, что обещал привезти каперсов. Они идут просто нарасхват.

Брат Лемминг кивнул сквозь клубы дыма своей трубки и не спеша приступил ко второму ужину. Между тем священник бросил взгляд на часы, мгновенно выхватил у меня прямо из-под носа с полдюжины сэндвичей, завернул их в промасленную бумагу и осторожно подкрался к спящему на кушетке.

- С ними нужно быть настороже каждый раз, - пояснил доктор. – Кто ж знает, как он будет просыпаться. Нервы, знаешь ли...

Священник на цыпочках пробрался к кушетке и встал за головой солдата, вытянул руку и постучал костяшками пальцев по каске, закрывавшей его лицо. Спящий подскочил, как на пружинах, и начал спросонья шарить вокруг руками в поисках винтовки, а священник отпрянул назад.

- У тебя полчаса до поезда. – Священник передал ему сэндвичи. – Давай, шагай.

- Вы все так добры, большое спасибо, - говорил солдат, затягивая негнущуюся португую. Он отдал честь и пропал во тьме.

- Он кто такой? – спросил Лемминг.

- Да какая разница. Ну не знаю, - равнодушно протянул доктор. – Он тут уже бывал. Какой-то Бывший Досточтимый откуда-то там.

- Так-так-так, - сказал брат Берджес, кляня носом. – Все сделали что могли. Закрывать не пора?

- Интересно, - сказал я, застегивая пальто, - а что будет, если Великая Ложа прознает, что у вас тут творится?

- А что? – поинтересовался Лемминг.

- Ложа наставления открывается три раза в неделю по вечерам и два раза по утрам в ту же неделю, а также в ней едят и спят. Неплохо, конечно, но что-то не припомню такого у нас в регламенте.

- А никто просто не обсуждал еще, - ответил Лемминг, подумав. – После войны

обсудим и утрясем. А пока пусть все идет как идет.

- Их же сотни и сотни, - продолжал брат Берджес по дороге домой. - Лондон просто кишит масонами, и им совершенно некуда идти, негде собираться. Ты только подумай, какие открываются возможности! Подумай только, как само масонство могло бы что-то делать для развития масонства по всему миру! Не подумай, что я брюзжу, но мне иногда кажется, что Великая Ложа проворонила свой шанс, появившийся во время войны, точь-в-точь как и Церковь.

- К счастью для нас всех, брат Тамворт отведет того парня на Кингс-кросс, - сказал брат Лемминг. - А то бы тебе пришлось. Тамворту тоже непросто, он же все время обязан думать, соответствуем ли мы масонским законам. Думается мне, он со дня на день на нас наступит. - Доктор и Лемминг обернулись. - Ну, спокойной ночи.

- Да-да, спокойной ночи. - Брат Берджес взял меня под руку: - На чем я остановился? Ах да, точь-в-точь как Церковь. Но может быть, это просто я такой прожженный ритуалист...

Я ничего не ответил. Я размышлял, как бы мне опередить брата Тамворта и тщательно, обстоятельно наступать на ложу «Вера и Труд» № 5837.

*В Винчестере Джейн покоится – Боже, храни ее тень!
Слава Тебе за каждый прожитый ею день,
За каждое слово, за каждую книгу, за каждую строку в ней.
Сколько стоит Винчестер, мы не забудем Джейн!*

В палате наставления, работавшей при ложе «Вера и Труд» № 5837, о которой я уже писал, вечер субботы отводился уборке, на которую приглашались все братья-посетители, и там они работали под руководством дежурного офицера ложи, получая в награду легкий полдник и общение с соратниками.

В тот вечер осенью двадцатого года дежурил Бывший Досточтимый Мастер брат Берджес. Видя, что команда подобралась сильная, он воспользовался этим случаем, чтобы поснимать и выколотить все занавеси, вручную вычистить каждый квадратный сантиметр мозаичного пола (каменного, а не тряпочного), а также начистить колонны, клейноды, орудия труда и орган. Мне выдали на чистку офицерские клейноды – чудные образчики георгианской серебрянойковки, подрастерявшие имперский лоск от постоянного трения об одежду. С ними мне пришлось забраться на возвышение для органа, потому что мозаичный пол напоминал кварталдек линкора вечером перед офицерским балом. С полдюжины братьев уже успели отполировать его до зеркального блеска, свойственного нефам Гринвичской часовни, бронзовые литые капители блистали как золотые, и им отвечали отблесками медные эмблемы на креслах; угрюмый одноногий брат подновлял символы брэнности бытия человеческого, как мне показалось, при помощи румян.

- Я вот как думаю, - остановил он проходившего мимо брата Берджеса, - тут по цвету надо что-то между спелым абрикосом и трубочной пенкой. Мы их так красили в моей ложе – любо-дорого посмотреть.

- Признаться, я никогда не видел, чтобы на *это* наводили блеск, - сказал я.

- Ты еще орган не видел, - откликнулся брат Берджес. – Когда закончат, в него можно будет смотреться, когда брешьшься. Я поставил там главным брата Энтони, таксиста, ты его видел месяц назад. А с братом Хамберстоллом ты, по-моему, не знаком, так?

- Не помню... - замялся я.

- Знал бы – запомнил бы. Он парикмахер у нас теперь, работает где-то на задворках Эбери-стрит. А служил в гарнизонной артиллерии. Дважды подрывался.

- И как, по нему это заметно? – спросил я уже с первых ступеней органного возвышения.

- Не-е-ет, не больше, чем по Лазарю – что он лежал когда-то мертвым.

Брат Берджес умчался распоряжаться дальше. Брат Энтони, низкорослый, смуглый и сутулый, насвистывал, как юный пастушок, смазывая толстые акациевые панели, которыми был отделан орган ложи, каким-то священным тайным раствором собственного изготовления. Под его руководством Хамберстолл, огромный плосколицый брат, чьи плечи, ребра и бедра наглядно демонстрировали, что Королевская Гарнизонная Артиллерия способна переносить вручную заряды для трехсотого калибра, а глаза были как у озадаченного сеттера, втирал состав в дерево. Я присел на скамейку перед

органом и принялся за свое дело, пока бархатную подушку от моей скамьи пылесосили внизу.

- Так, - подытожил Энтони пять минут ожесточенной деятельности Хамберстола, - наконец-то у нас получается нечто, что и людям показать не стыдно. Теперь давай передохнем, и ты мне доскажешь, что ты там говорил про этого Маклина.

- Да я... я ничего против него не имею, - ответил Хамберстолл. - Ну разве что у него такие барские замашки с рождения... но они наружу не особо и вылезают, пока он не напьется в стельку. Ну совсем в стельку. Когда он просто пьяный, слегка, ну, просто бывает, что валяет дурака. Но как только напьется до состояния риз - все наружу так и вылезает. А когда трезвый, он очень мне хорошо разъяснял, как и что нужно делать официанту.

- Хорошо, хорошо, это понятно, но кой черт тебя дернул возвращаться в траншеи? Ведь тебя комиссовали вчистую, все по-честному, после того, как тот склад рванул под Этаплем, правда?

- Да ну, комиссовали, не комиссовали, какая разница? Ну не было у меня никаких сил сидеть дома. Мать носится как зайчиха из комнаты в комнату, - а их всего три, - каждый раз, когда «Гота» закладывают вираж над вокзалом Виктории, чтоб отбомбиться, а сестра на следующий день пишет тетушке про это всё страницы на четыре. Я подумал-подумал... это что же, так теперь будет до самого конца войны? Ну уж дудки! Ну и ушел с первой маршевой ротой: в семнадцатом они особо не разбирались, кого брать, главное, чтобы по возрасту подходил, - и я снова оказался на фронте, догнал часть где-то у Лапульёна какого-то. - Хамберстолл помолчал и нахмурился. - А потом я там заболел, ну, плохо стало, мне потом сказали... ну, я доложил, мол, вот, прибыл в расположение, а мой старший сержант на батарее и говорит, что меня уж и не ждали назад, ну и там слово за слово, - короче, послали к майору, а майор... ну вот, отлично, скоро и свою фамилию забуду...

- Да не бери в голову, - перебил Энтони, - давай дальше, по ходу разговора вспомнишь.

- Момент... Ну вот же, на языке вертится...

Хамберстолл отбросил в сторону тряпку и, сдвинув брови, погрузился в глубокие раздумья. Энтони обернулся ко мне и внезапно разразился живым и веселым рассказом, как его такси на днях занесло метра на три по грязи и оно врезалось в парапет Мраморной Арки.

- Машину сильно повредил? - спросил я.

- Да не особо, рама, болты, подвеска - все нормально выдержало, она поскрипела, конечно, но на кузове ни царапины и ничего не отвалилось, ну, ты понимаешь. Ведь тут сразу и не поймешь, пока не началось, едешь себе, а потом - р-р-раз! И понесло башкой вперед. - Он стукнул себя по лбу, показывая, как ударился.

- Итак, твой майор сильно тебя пропесочил? - снова обернулся он к Хамберстоллу, который, медленно покачивая головой, постепенно выходил из ступора.

- Ну, он тоже мне сказал, что меня не ждали и что не мог же он со всей частью ждать меня, пока я вернусь. А еще он мне сказал, что моя «Шкода», гаубица-десятидюймовка, где я был в расчете третьим номером, пока в Этапле склад не взорвался, теперь под завязку забита, а мне места нету. Но, он сказал, как только

какие потери – он сразу ко мне. А пока, говорит, побудь официантом.

«Я, конечно, дико извиняюсь, сэр, - говорю, - но я не затем сюда вернулся».

«И я, конечно, дико извиняюсь, Хамберстолл, - говорит, - но уж так вышло, что я тут на батарее начальник. Вы, - говорит, - человек острого ума, а мы в столовой уж и пострадали от официантов-кретинов. С этого момента поступаете под командование Маклина. Кругом, - говорит, - и шагом марш».

Ну так вот, этот парень, о котором я говорил, Маклин, он мне рассказывал и показывал, что делать... Хэммик! Я ж говорил, что вспомню! Хэммик звали нашего майора. А капитана – Мосс. – Воодушевившись победой над собой, Хамберстолл еще яростнее напал на органныю панель, которую полировал, положив на колено.

- Ты поаккуратнее там, продавишь, - замахал руками Энтони.

- Извиняюсь. Мне еще мать говорила, что я своей силы не чувствую. Но вот что странно. Этот наш майор, я начал вспоминать, был какой-то знаменитый адвокат по разводам, а Мосс, капитан, был главным в Бюро частных детективов Мосса. Слыхали про такое? Ну там, слежка за женами, пока вы в отъезде, и все такое. Эти двое друг с другом постоянно пересекались по работе, были друг о друге наслышаны, а вот только на войне познакомились. Конечно, в столовой у них только и разговоров было, что про напумевшие дела, в которых они участвовали. Хэммик, бывало, рассказывает все, что происходило в зале суда, прения сторон там, всякое такое, а потом Мосс рассказывает, как все происходило у сторон до суда на самом деле, по гостиницам всяким и так далее. Сроду ничего интереснее не слышал, чем разговоры у нас в столовой, ни тогда, ни потом. Недаром говорят, что в артиллерии все ученые служат.

- Да черт бы их всех побрал! - сказал Энтони. - Если с ними что-то случается, они сразу пишут книжку. А про то, как у тебя грузовик сдох прямо посреди Святой Земли, - про такое никто и не напишет. Умники...

- Ну ладно, - продолжал Хамберстолл, - давай я расскажу про тайное общество, о котором уже начал тогда говорить. Вот эти двое, Хэммик и Мосс, заканчивали, бывало, говорить о своих семейных делах, а я тебе скажу честно – они почти никогда не повторялись, - и сразу начинали обсуждать свое тайное общество в честь какой-то женщины – Джейн. Это единственная женщина в мире, которую они считали достойной доброго слова. По их словам выходило, что Джейн «не такая». Я и не понимал еще тогда, что она – это такое тайное общество. Я и слушал-то их поначалу вполуха, потому что еще слушал, что мне говорит этот Маклин. А вот когда я ей всерьез заинтересовался, - это когда там появился новый лейтенант. Его называли Гусаком, уж больно он на него в профиль был похож – ну точно как птица. Он на гражданке был страховым статистиком, высчитывал, сколько людям жить осталось. Ни Хэммик, ни Мосс с ним тогда в столовой и словом не перекинулись. Они продолжили разговор, как ни в чем не бывало, и сразу, или не сразу, не помню, но все равно возвратились к этой Джейн. И тут Гусак наострил свое большое обмороженное ухо и даже пальцами прищелкнул.

«Боже мой! – говорит. – Джейн?»

«Ну Джейн», - отвечает Хэммик, свысока и холодновато так.

«Слава Тебе, Господи! – говорит тогда Гусак. – Там, откуда я сюда загремел, давали «Пузырьки» (это спектакль какой-то, что ли).

Ну, нельзя сказать, чтобы Хэммик или Мосс были уж слишком вежливые или добродушные, но не успел Гусак это договорить, как они уже жали ему руки через стол, это зеленому-то летёхе, и тут же заказали на всех еще портвейна. Это явно

был пароль! И они все трое тут же снова заговорили о Джейн, уже без чинов, на равных. Я и прислушался повнимательнее. И вот Хэммик говорит...

- Стоп, минутку! – вмешался Энтони. – А что ты вообще делал в столовой?

- Мы с Маклином крепили тенты для мешков с песком у входа в блиндаж, на случай газов. Никогда же не знаешь, когда они их пустят в траншеи, правда ведь? Но мы знали, что они уже несколько дней готовились, так что решили быть тоже настороже, на всякий случай. Но тут Хэммик и говорит, что, мол, очень жаль, что Джейн умерла, не оставив потомства.

«Не согласен, - отвечает Мосс. – Я утверждаю, что она была весьма плодовита в самом высоком смысле слова!» А уж в чем – в чем, а в этом Мосс знал толк.

«Я склонен согласиться с Хэммиком, - встречается тут Гусак. – В любом случае, она ведь не оставила после себя прямого законного наследника». Из-за того, что произошло потом, я весь их разговор запомнил слово в слово. На Маклина я вообще внимания не обращал, а то заметил бы, конечно, что он в стельку. А тут он взял и влез в их разговор, еще и облокотился на снарядный ящик, а у самого лицо как у дохлой селедки, еще и светится.

«Пр-р-аш-шу-у прщения, гспда, - говорит Маклин, - но вы обсуждаете вопрос, в котором я более-менее сведущ. Она оставила законного наследника в лице единственного сына, и зовут его Генри Джеймс».

«От кого? Докажите!» - воскликнул Гусак, не успели старшие офицеры и рта раскрыть.

«А и докажу!» - говорит Маклин и еще большие пальцы им показывает. И заметьте, никто из них и слова ему не сказал! Я уже забыл, кого он там назвал, ну, от кого она родила этого Генри Джеймса, но он перед ними с четверть часа разглагольствовал про эту Джейн. Я это точно знаю, потому что моя «Шкода» тогда каждые десять минут пускала снаряд по траншеям гансов, и от ее выстрелов у нас в блиндаже гасли свечи. А я их снова зажигал. Ну, этот Маклин закончил говорить и как упадет прямо мордой на стол. Прямо вот праздник у человека. Я ж говорил, в стельку!

«Уведите его, - говорит мне тут Хэммик. – Не видите что ли, контузило парня».

Ну, короче говоря, тогда мне это впервые в голову-то и запало. А тебе бы не запало? Да будь Маклин и в чинах у масонов...

- А он не был что ли? – озадаченно спросил Энтони.

- Нет, он говорил, что выше Мастера не поднимался никогда. Но ты себе представь: он разглагольствовал перед старшими офицерами, чуть ли не дураками их обзывал через слово голосом своим барским. Я всё это сам видел и слышал. И всё, что ему сделали, - это приказали мне отнести его в кровать! И все из-за Джейн! Вот ты бы такое допустил у себя, будь ты начальник? Я бы тоже. На следующее утро, когда у него в животе все улеглось наконец, я зажал его в углу и не отпустил бы, пока он не рассказал, как это у него сработало. Да будь ты хоть трижды барчук, надо же и меру знать. Сперва он отмалчивался, все говорил, что я, мол, недостойн принятия в Общество Джейнитов. Ну, в итоге сошлись на пяти шиллингах – итого он мне оказался должен пятнадцать.

«Давай догоним до фунта, - он мне говорит. – И так цена бросовая. Ты же видел, что я могу командовать всей частью. Ну и?..»

В общем, тут он был прав. И за фунт он мне сообщил пароль первой степени – «Тилни и люки-ловушки».

«Я знаю, что такое люки-ловушки, - говорю, - а что такое это твое Тилни?»

«Слушай, что тебе говорят! – ответил он. – И когда в следующий раз я тебя спрошу, о чем ты думаешь, отвечай, но так, с улыбочкой и хитровато, что думаешь о Тилни и люках-ловушках. Я, – говорит, – тебя об этом спрошу, когда придет время. А пока держи язык за зубами».

Мы так с ним беседовали, пока он чистил картошку на обед у отвода траншеи под маскировочной сеткой. Боже, как же там воняло краской! Но вообще-то там было неплохо, потому что вышло солнышко и светило сквозь тряпичные листья сетки, и ветер колыхал траву в зеленке. Ну, там то одно, то другое, – в общем, до вечера больше ничего не происходило. Мы вообще-то старались все делать по высшему классу в столовой, да и вообще в части так было принято. Я прислуживал Моссу за столом во время перекуса – обедом я б это не назвал. А Мосс сидел и набивал себе портсигар, потому что ему на дежурство вечером. И тут выходит Маклин из бокового перехода, как будто не видит, что там Мосс сидит, и задает мне свой вопрос. Я ему – ответ, тихонько, но отчетливо, и тоже делаю вид, что на Мосса не смотрю. Мосс как сидел с портсигаром в руке, так и замер, и на меня посмотрел, а потом вытащил полдюжины сигарет, – а у него они были лучшего турецкого табака, – положил на стол и вышел. Я их, конечно, прибрал и разделил с Маклином.

«Видишь? – Маклин говорит. – Работает. И еще скажи теперь, что потратил фунт впустую».

«Да нет, пока нормально, – говорю, – но только если они мне опрос устроят, я поплыву. В этом Обществе Джейн, наверное, еще куча всего, что я не знаю».

«Не просто куча, а кучища, – отвечает. – Но чтоб ты наконец понял, что я человек доброй души, я сейчас посвящу тебя сразу во все высшие степени джейнитов, со всеми наставлениями. И всего лишь за фунт сверху. Но придется потрудиться, дружок».

- А у тебя этих фунтов, как я посмотрю, куры не клюют, – неодобрительно протянул Энтони.

- А на что тратить-то? Гусак нам говорил, чтоб мы не загадывали на фронте дальше, чем на полтора месяца вперед, я и не загадывал. Но мне тогда пришлось по-настоящему туго, потому что для начала Маклин меня усадил и начал рассказывать все-все про эту Джейн.

- А, так Джейн – это живой человек? – переспросил Энтони, переглянувшись со мной. – А то сразу и не поймешь.

- Еще как живой! – голос Хамберстола даже задрожал. – Джейн! Это была такая маленькая старая дева, которая написала с полдюжины книжек лет сто назад. Ничего такого особенного в этих книжках, вроде, нет. Уж я-то знаю. Мне их пришлось прочитать. Там ни приключений, ни похабства, да и не особо интересные они. Всё про девчонок лет семнадцати, они тогда все были молодые да ранние, ну, вы понимаете, и всё-то они там не могут решить, за кого им замуж пойти. Ну и всё такое про их балы, игру в карты да пикники, а еще там парни всякие, которые скачут верхом в Лондон, чтобы постричься и побриться. Это в те времена было дело на целый день, если ты привык к одному парикмахеру. А еще у них все аптекари и священники носили парики. Вот это мне было интересно, я же этим сам занимаюсь, да и в армии каждые полмесяца стриг кое-кого. Маклин надо мной подсмеивался все время за то, что я парикмахер, и отпускал всякие шуточки.

Тут Хамберстола процитировал кусочек того, что, видимо, считалось у них

тогда вершиной остроумной отповеди и завершалось пассажем: «Ты ленивая вшивая надушенная парикмахерша в штанах».

- И ты молчал? – Энтони стрельнул глазами в Хамберстолла.

- Ну да, я же хотел получить все, за что заплатил, а Маклин, он такой, если уж за что взялся, до доведет дело до конца. Да и если б я его всего лишь толкнул, он бы умер. Его и так наш старший сержант чуть не убил. Этот Маклин, он все время отпускал шуточки о том, кто чем занимался на гражданке. Ну и ляпнул как-то, что старший сержант, мол, на паях с женой-китайкой держал опиумную курильню при борделе с той стороны Саутваркского моста, которая выходит на трущобы. Доказать-то он ничего не мог, но... - Хамберстолл замолчал, предоставляя нам возможность делать выводы самостоятельно.

- Это мне напоминает, - пожевал губами Энтони, - как я месяц назад слегка сцепился с пассажиром. Он, понимаешь, сказал, что у меня «паразитский Фордер». Я ему вежливо ответил, что у меня машина своя и что я ее содержу в чистоте. Но он не успокоился и все спрашивал, а что ж тогда она ползет, как гусеница.

- И что потом? – спросил я.

- Ну, потом какой-то пузатый бездельник из послевоенных полицейских, - ну, как всегда, делать-то им на посту нечего, - стал требовать, чтоб мы любезничали потише. И мой шутник возьми и крикни ему кое-что по-арабски. Тут мы, конечно, сразу подписали перемирие. Он оказался егерем из Глостерширского Егерского, который весь подчистую перебили, а до того я участвовал в их передислокации в апельсиновой роще под Яффой, в Святой Земле.

- А что потом? – снова спросил я.

- Да ничего, собственно. Я только знаю, что он живет в Хендоне, или в Криквуде. Я его дотуда довез. Ну, мы о чем-то еще поговорили, о сионизме что ли, потому что на следующее утро часов в семь мы оказались в Сент-Олбанс, где пытались выцыганить хоть сколько бензина у тамошнего молочника, а он не давал. Эта война, знаете ли, приносит неудобства, причем, много, но ведь не поспоришь с тем, что она временами и значительно облегчает жизнь. В итоге оказалось, что молочник тоже отрубил свое в Иордании на верблюдах, а потому дал нам и бензина, и рома, хоть залейся.

- Это как нужный пароль сказать, - заметил Хамберстолл.

- Именно! У нас таким паролем было «имши кельб»¹, это будет попроще, чем ваши штуки про Джейн.

- Да про Джейн было не очень сложно, по крайней мере, Маклин умел объяснять, - продолжил Хамберстолл. - Нужно было запомнить только шесть названий. Я их заучил наизусть в том порядке, в каком мне говорил Маклин. Сначала там было, вроде бы, что-то про рассудок, а потом еще что-то, и наконец про какое-то аббатство – и не выговоришь сразу. Но я уже говорил, ну просто вообще нечего сказать про книжки, ну вообще никакие, ни о чем, честно вам говорю.

- Ну уж ты-то их от корки до корки прочел, конечно, - сказал Энтони.

- Да люди там просто – оторви да брось! Точно такие же, как на улице встречаешь каждый день. Был там один священник – преподобный Коллинз, вечно невесту богатую себе искал, за девчонками ухлестывал. Потом там был бойскаут, и то ли он сам, то ли брат его был вожатым. И еще была высокомерная и

¹ «Пошел вон, пёс» (араб.) – Прим. перев.

грубая герцогиня, или баронетова жена, которая всегда проклинала каждого, кто не делал так, как она говорила, потом еще леди... леди Кэтрин... сейчас, минуточку... де Блев, что ли. Пока мать не купила мне парикмахерскую в Лондоне, знавал я одну даму, жену зеленщика из Лейстера, - я-то сам из Лейстершира, - ну точную ее копию. А еще... да, конечно, еще там была мисс Бейтс, такая старая дева, которая вечно носилась, как курица с отрубленной головой, и языком мела, как помелом. У меня тётя - точь-в-точь как она. Милейшей души женщина, но сами понимаете...

- О да! - с чувством согласился Энтони. - А ты так и не узнал, что это были за Тилни? Вот я, например, не могу успокоиться, пока все про всех не прознаю.

- Да, это был такой генерал-майор, отъявленная свинья, отставник, тоже все время за девчонками увивался. У Джейн они все там втихую за девчонками бегают. Сам-то он себя считал таким джентльменом, что ох, а сам все время вел себя как пес последний. Известный тип. Сперва приветит девушку у себя в доме, думая, что она спуталась с его сыном, а потом погонит ее прочь, потому что у нее денег нет.

- Так все время и происходит, - сказал Энтони. - Да моя родная мать...

- Точно! И моя тоже. Но этот Тилни-то мужчина, и Джейн уж так его расписала во всей красе, что, признаться, стыдно было читать. Я обещал Маклину, что буду хорошим джейнитом. И не его вина, если мне это не удалось. С другой стороны, мне сильно пошло на пользу, что в шестнадцатом я с траншейной стопой провалялся в водолечебнице в Бате, ведь там удалось выучить названия улиц, которые Джейн описывала. Ну да, там была Лаура, потом еще какое-то женское имя... и Маклин говорил, что это всё - все равно что святая земля.

«Если бы тебя посвящали по-настоящему, - говорил он, - у тебя колени бы дрожали всякий раз, когда бы ты ходил по священным камням этих мостовых».

«У меня и так ноги тряслись, - отвечал я. - Да только не из-за Джейн. Ничего в ней нет такого особенного».

«Господи, дай мне терпения! - воскликнул тут он, загребая свои космы пальцами. - Для настоящего упертого джейнита особенное - это все, что только связано с Джейн. Ведь там как раз мисс... он-то имя помнил, а я забыл... спустя девять лет возобновила помолвку с капитаном... ну, его тоже как-то звали...». И он заставил меня выучить наизусть целых полторы страницы из книжки Джейн, все-таки, по-моему, «Доводы рассудка» она называлась.

- А ты что, легко заучиваешь наизусть? - спросил Энтони.

- Обычно нет, но в тот раз пришлось, потому что Маклин что умел - так это читать наставления. Говорят, он одно время учителем работал, ну и умел так заставить голову работать, что она или запомнит, ну или лопнет попросту. Это было как раз незадолго до того, как старший сержант на него налетел из-за того, что он пускал слухи про его жену-китайку и про бордель.

- А что такого Маклин по правде-то наговорил? - чуть ли не хором спросили мы с Энтони. Хамберстолл рассказал немного. Вряд ли это стоит публиковать на обозрение всего набожного послевоенного мира без цензуры.

- А кем по правде был ваш старший сержант до войны? - спросил я под конец.

- Старшим бальзамировщиком в большой похоронной фирме где-то в Мидлендс, - ответил Хамберстолл. - И конечно, когда ему представилась возможность, он своего не упустил. Помню, он тогда пришел рано поутру и все губы облизывал.

«На этот раз ты попался, - говорит он Маклину. - Теперь никуда не денешься, профессор».

«Как так, ваша доблесть? - Маклин ему. - За что?»

«А за те не-пре-станности, которые ты написал на десятидюймовке!» - отвечает старшой. А это у нас была такая Шкода, я про нее еще не рассказывал. Мы ее называли «Кровавой Элизой». У нее опорная плита совсем стерлась и пропускала сильно. Я по лицу Маклина понял, что старшой где-то прокололся, но он ему только и сказал, что «отлично, майор, давайте это обсудим в учительской». Старшой и так-то не выносил, когда Маклин начинал с ним свысока разговаривать, а тут вообще обозлился и пошел прочь, громыхая что твоя рында в шторм, как на флоте говорят. А Маклин сразу ко мне кинулся и стал спрашивать, что я такого сделал. Он всегда как чуял, что у меня на уме: читал меня как раскрытую книгу. А я всего-то и сделал, что орудия мелом чистил, - а я уже говорил, что он был ответственным за чистку. Хэммик никогда не возражал, чтобы мы на пушках писали, кто что хотел. Он говорил, это подогревает интерес к работе. Ну мы все и писали, кто во что горазд, и на казенниках, и на лафетах, и на опорных плитах.

- А что вы там писали? - хитро спросил Энтони.

- Ой, да что обычно пишут, мол, как «Кровавая Элиза», или там «Джим-плевака», мы так обозвали десятидюймовку, себя чувствует сегодня, ну, всё такое. Но в то утро я постоял там, подумал, ну и решил... наверное, я больше всего хотел Маклина порадовать, так мне сейчас кажется... что пора уже джейнитам показать себя. Я взял и перекрестил их всех три по-своему. «Джим-плевака» стал у меня «Преподобным Коллинзом», - это тот священник, о котором я вам уже рассказывал, - а корабельная пушка с обрезанным стволом стала у меня «Генералом Тилни», потому что уродливее нее я сроду ничего в жизни не видел. А наша Шкода, - и вот тут-то я как раз и прокололся, по-моему, - стала «Леди Кэтрин де Блев». Я тут же признался Маклину во всем. А он меня только по плечу похлопал:

«Достоинно, - сказал он. - Ты у нас прямо взошел, как зелень, и показал плод. Ты добрый джейнит. Но вот с орфографией ты явно напутал, - и тут он даже по ляжке себя хлопнул. - Поэтому наш достославный старший сержант и впал в подозрения. Или ты все-таки написал «Де Бург»? Или нет?».

Я ему признался как на духу, и он помчался к Шкоде, чтобы поправить слово, а когда вернулся, сказал, что там уже Гусак успел побывать и все поправить. Но нам теперь так и так придется идти к майору на рапорт после обеда. Мы и пошли. Хэммик развалился в одном кресле, Мосс - в другом, а перед ними стоял старший сержант и докладывал, что обвиняет Маклина в том, что тот писал на службе непрерывные выражения на боевом оружии. Но как только выяснилось, что это я, а не Маклин, это сделал, старшой как-то сразу весь обмяк и растерялся. Он настолько запутался, что не нашел ничего лучше, чем начать убеждать Хэммика в том, что нельзя поддерживать в части дисциплину, если не устраивать примерные наказания, и для этого как раз подходит Маклин, конечно.

- Да уж, я знаю, как это бывает, - презрительно ухмыльнулся Энтони. - И хуже всего, что все оказывается правдой.

- Но Хэммик довольно резко призвал его к порядку и прочитал нотацию о законах военного времени, которые должны быть еще справедливее, чем на гражданке.

- Боже мой! – презрительно воскликнул тут Энтони.

- Так все и было.

«По неписаному закону частей тяжелой артиллерии, - продолжал Хэммик, - батарейным расчетам не возбраняется писать на орудиях при условии соблюдения пристойности при письме. Однако, с другой стороны, нами еще не были разработаны ограничения и составлены списки должностных лиц и прочего персонала, имеющего на это право. Моя точка зрения заключается в том, что данное право должно быть сохранено исключительно для боевого и строевого штатного состава».

«С разрешения высокого суда, - вмешался тут Мосс, тоже судейский по профессии, - я бы попросил слова для прений по данному вопросу. Подсудимый находится относительно судопроизводства в штатно не определенном и сомнительном, с точки зрения юрисдикции суда, положении, а также не имеет в данном суде законного и полномочного представителя».

«Ну и отлично, - заключил Хэммик. – Итак, подсудимый Маклин оправдан».

«Но с разрешения вашей чести, - добавил Мосс, - я намерен доказать, что он является соучастником совершенного деяния».

«Как вам будет угодно, - ответил Хэммик. – Но тогда не сообщите ли вы высокому суду, кто в таком случае принесет нам, черт возьми, портвейна, которым я бы желал в настоящий момент проставиться?».

«Нет возражений, - согласился Мосс. – Суду предлагается направить подсудимого для исполнения данного распоряжения под непосредственным надзором высокого суда».

Хэммик тоже не возражал. Маклин пошел принес всем портвейна, и сержант тоже получил стакан. Хэммик и Мосс продолжили спорить, могут ли нестроевые, раненые и больные служащие тоже писать на пушках. Хэммик в итоге совсем запутался, но потом сказал, что он тут старший офицер – ну и всё. В общем, нас с Маклином сурово отчитали за присвоение себе прав строевого личного состава, а сержанту сказали, что если он хоть еще раз нас за такими делами застанет, то пусть обходится с нами по всей строгости и по совокупности проступков. За это время они уже пропустили по паре стаканчиков и развеселились. Потом пришла моя очередь, и пока Маклин бегал им за чаем, Хэммик меня провел по всем джейнитским степеням до самого верха. Вряд ли такое у меня в жизни еще повторится.

- Хорошо, но что ты им сказал? – вмешался Энтони. – Я за твоим враньем не поспеваю.

- А тут и врать-то нет причины. Я им рассказал, что как глянул на зияющий ствол Шкоды, так сразу и подумал про леди де Блев. Они это приняли как должное, но указали мне на несправедливость, совершенную в отношении генерала Тилни. Они настаивали, что флотскую пушку надо было назвать «Мисс Бейтс». Я сказал, что так-то оно так, да уж больно генерал противный, - вот я и решил, что или никак ее не называть, или «Генералом Тилни». А вот в случае «Преподобного Коллинза» - девятидюймовки – они даже не нашли, к чему придраться, все было правильно.

- И ты с ними просто так болтал про все это? – рыжие брови Энтони поползли на лоб.

- Ну, я попутно еще помогал Маклину разливать чай, а так – да, болтал. Я так понял, что это они мне экзамен устраивают, вот и старался показать, что я

настоящий джейнит.

- И... и что они тебе сказали потом?

- Они сказали, что мы оба проявили себя с наилучшей стороны. А поскольку я не пью, они мне отсыпали где-то под сотню сигарет.

- Господи! – снова воскликнул Энтони. – Ну у вас и батарея была!

- Да пробы ставить негде. Я б ее ни на какую другую не сменял.

Хамберстолл с тяжелым вздохом помог Энтони вставить органную панель на место. Мы все посмотрели на нее с минуту, восхищаясь результатами работы, пока Энтони убирал в карман свой тайный раствор в маленькой табакерке. Я так заслушался Хамберстолла, что забыл о своей работе, и Энтони тихонько вытащил у меня из-под руки подвеску Секретаря и тряпку. Хамберстолл гляделся в ореховую панель, как в зеркало.

- Ну... почти... - подытожил он, склонив голову набок. – Если только безопасной...

- Никогда не слышал про такое в армии, - сказал Энтони. – Ну, может, в гражданских силах безопасности только...

Как и предсказывал брат Берджес, глядя в панели органа, теперь можно было бриться чем угодно.

- А ты с ними потом встречался? – спросил Энтони Хамберстолла.

- Да не осталось почти никого, не с кем встречаться-то. В артиллерии оно как? Или грудь в крестах, или голова в кустах. Ну вот у нас голова в кустах и оказалась, не повезло нам.

- Ну ладно, ладно, ты-то вон, гляжу, живой... - твердо, но ласково сказал Энтони. Но Хамберстолла это не утешило.

- Это так, но знаешь, иногда думаю, а как оно лучше бы было? - вздохнул он. – Я нигде так счастлив не был, как там, ни до, ни после. Когда гансы перешли в наступление в марте восемнадцатого, тут нам и настал конец. Кто ж знал? Нас как раз перевели почти в самый тыл на переформирование и починку, а наш старый паровоз, который таскал нас туда-сюда по ночам, как раз тоже угнали на ремонт. Мы даже маскировочные сетки снимали, разве что Хэммику оставили. Он тогда сказал бригадиру, что не знает, что там они себе думают в штабе армии, но он как ведущий адвокат по бракоразводным делам не даст им отнять у себя последний аргумент. Вот у него одного и осталась маскировочная сетка в узенькой траншее за колючкой рядом с лесом, он эту сетку сам проверял. Тряпичные листья на ней пооблетели, да еще она и клеевой краской на солнце воняла жутко. Но зато было похоже, что идешь как будто по театру за кулисами. И я был там счастлив, счастлив! Думаю, если б нас вовремя переставили на гусеницы, как теперь делают с шестидюймовыми гаубицами, то они б нас хорошо запомнили. Но у нас на батарее было только лабасовское старье, которое прицепляли к паровозам и гнали по рельсам, к концу войны оно только в переплавку и годилось. Ну и, если честно, попали мы тогда, господи – то есть братья!

Дело было так. Как-то вечером я стоял и смотрел, как Гусак объясняет новобранцам, как наводить «Леди Кэтрин». И тут смотрю – у нас над головами наша же масксетка рваная летит, а из-за нее мотоциклист вылетает, прямо по воздуху, прямо как тот парень – помните, который полетел на велосипеде с брайтонского пирса? И плюхается прямо чуть ли не новобранцам на голову.

«Черт побери, - Гусак говорит. – Кто ж так докладывается? Что стряслось?»

«Ну, для начала, я об распорки от вашей сетки хребет себе сломал, - тот ему

отвечает с земли. – А кроме того, фронт прорвали».

«Глупости», - отвечает ему Гусак. Но не успел он продолжить, как того парня сильно вырвало, и он отключился. При нем была куча пакетов от бригадиров и от начальников батарей, которые все писали, что отрезаны от своих, и просили дальнейших распоряжений. Короче говоря, оказался он кругом прав: по поводу и своего тыла, и нашего фронта. Весь фронт на Соме смели подчистую – вот так! – и он прихлопнул своей огромной ладонью по колену.

- Мы в Святой Земле про то слышали, - сказал Энтони. - Что, правда вот так, моментом, все и случилось?

- Еще быстрее! Вот смотри: мотоциклист прилетел около шестнадцати. Потом мы пытались получить какие-то распоряжения, но ничего так и не узнали, кроме того разве, что весь транспорт занят и нам не светит. И что прикажете с этим делать? И вот часов в девять вечера приезжает молоденький такой штабной в кожаных крагах. Вот уж кого совсем не ждали. Он говорит, весь укрепрайон эвакуируют, ну и вы, мол, давайте, двигайтесь.

«Куда?» - спрашивает Хэммик коротко.

А он ему: «Да вон туда, к Амьену. Ну, то есть это не точно, до Амьена-то тут далеко, но, в общем, туда куда-то». Точно так и сказал, слово даю. И еще крагами своими помахал. И тогда Хэммик приказал Гусаку строить личный состав и идти маршем по дороге через Амьен на Дьепп, а там... уж и не вспомню, наверное, покупать билеты до Ньюхейвена, а там окапываться прямо за Сифордом и уже оттуда воевать. Гусак говорит – да чтоб меня черти разорвали, если пойду. А Хэммик ему – что его тогда еще до чертей трибунал порвет. А Гусак ему – что как это солдаты, как он себе думает, сейчас все бросят и пойдут пешком в Амьен? А пушки они что, в портянке понесут? Хэммик говорит – он и слова не сказал про портянки, а если кто захочет с пушкой идти, то пусть себе идет, а так их тащить с собой вовсе не обязательно. И Гусак отвечает ему, мол, портянки там, не портянки, но никто, вот те крест, с места не сдвинется, если только он сам, Хэммик, впереди не пойдет.

«Да тут бунт, как я погляжу, - отвечает Хэммик. - Ну вы и сволочи. Но что ж поделаешь, сейчас же кругом демократия. А эти твои «никто» не будут возражать, если я их попрошу хотя бы углубить профиль окопа до полного?»

«Нет, - говорит Гусак, - с этим все нормально. Старший сержант их и так уже как терьеров натаскивает все последние три часа – уже копают».

«Ну если так, - говорит Хэммик, - то скажи Маклину, пусть нам притащит по стаканчику портвейна».

Тут, конечно, сразу Мосс откуда-то вылез: он портвейн чуял за милю. И он сказал, что и без нас в Амьене уже столпотворение, а тут еще мы всей толпой прискачем. А если мы тут тихонько полежим, говорит, то гансы нас могут и не задеть. Хотя, если по-честному, то они в тот день уж кого только могли, всех позадевали.

Во всей округе не смолкал грохот, и в нашем болоте небо все было в заревах, куда хватало глаз, светло было как днем всю ночь напролет. Только и оставалось, что лежать тихо. Думаю, мы бы как-нибудь переждали это все, если б нас оставили в покое, хотя вокруг что-то свистело время от времени, но так, ничего особенного.

Но вот где-то за полночь сваливается к нам в траншею маленький такой кругленький господинчик в очках, лысый как колено, в форме, и говорит, что

хотел бы у нас слева сформировать оборонный фланг из своего батальона, с которым сюда добрался. Хэммик говорит, что будь он на его месте, он вряд ли стал бы чего-то там формировать.

«Как вы можете так говорить? – Господинчик чуть язык не проглотил от удивления. – Как же так, вы, артиллерия будете без поддержки?»

А Хэммик ему ответил, что батарея наша в ее нынешнем положении не боеспособнее общественной уборной, так что господинчику с его батальоном лучше, говорит, двигаться к Амьену и там уже обороняться.

«Ни в коем случае! – завелся пехотинец. – Мы с моими ребятами сейчас вам тут сформируем оборонный фланг!»

И тут он, как кролик из цилиндра, выскакивает на бруствер – и ну махать руками «своим ребятам» и что-то им щебетать. Бог знает, где их таких набрали – чуть ли не подростки почти все, они кинулись к нему и облепили со всех сторон, ну точно воскресная школа на прогулке, и маячили там на открытом месте какое-то время, и галдели все время. Тут совсем рядом рвануло очень сильно, и десять минут было тихо. Мы уж думали, как раз их и накрыло.

«Мы следующие, – сказал Мосс. – «Гота» уже полчаса над этим районом барражируют, наверное, надеются паровозное депо накрыть. Так что сейчас на новый круг зайдут – и по нам долбанут».

«Ну и исходя из того, что звук сейчас пошел довольно низкий, – вставил Хэммик, – я полагаю, что это летит как раз наш».

«Боже мой, – сказал Гусак. – По-моему, вы правы, сэр». И это последнее, что я от них услышал.

- Вас накрыло? – в нетерпении воскликнул Энтони.

- Ну да. Наверное, Мосс был прав, и они нас приняли за паровозное депо. Когда я пришел в себя, я лежал вообще за колючкой, а траншею почти совсем засыпало. «Преподобный Коллинз» держался молодцом, а вот «Леди Кэтрин» и «Генерала» было уже не отмолить. Я там полежал еще немного, приходя в себя, пока не замерз, а тогда приподнялся и огляделся. Оказалось, что от одежды на мне мало что осталось, если не считать ботинок. Вот я встал и пошел найти себе что-нибудь прикрыться, да и холодно было. И тут вижу – гриб, не гриб из земли торчит, – а это оказалась лысая голова того господинчика, пехотного. Я по ней похлопал – ну точно, все полегли. Уж не знаю, откуда они таких понабрали, в спешке выпихнули их из Англии, а они и окопаться-то толком не умели. Собрал там с них одежду, у кого что нашел, закутался в офицерскую шинель и пошел к колючке. И тут мне кто-то кричит оттуда:

«Копай! Копай, зараза! Там Гусака завалило!»

Уж я копал, копал, а потом меня вырвало кровью со слизью, и я отвалился передохнуть. А они как раз вытащили Гусака – мертвого – и ко мне рядом положили. Хэммик тоже погиб: старший сержант сказал, его чуть ли не пополам порвало, но забавно, он, пока не помер, болтал без умолку, а ниже пояса у него уже и не было ничего, как мне рассказали. А Мосса мы так и не отрыли. Он, когда рвануло, стоял у «Леди Кэтрин», а ее свалило набок вместе со всеми сетками и опорами.

- А что с Маклином?

- Да не знаю я. Он рядом с Хэммиком был. Думаю, его вообще на куски разнесло первой же бомбой. Вот я из джейнитов один и остался. Мы тогда потеряли половину состава, или сразу, или когда их откопали, а они потом сразу

перемерли. Старшой тогда слегка головой тронулся: он все бегал от одного к другому, за плечи тряс и кричал: «Как мы их! Как мы их всех, а? Мы же молодцы, да?». И плакал. Ну и кто остался в живых, постепенно разбрелись кто куда, я остановил попутку на дороге, там и так было полно народу, но они меня взяли и увезли к своим.

- Ну а то! – горделиво отозвался Энтони. – «Как что не по тебе – прыгай в такси!» Слыхал, как люди говорят?

- Ну и вот. Потом мы долго ехали в тыл, потом пришлось немного пройти пешком, а там уже стоял санитарный поезд. Я к нему – а навстречу мне сестра, такая, в годах уже, с красными руками, и она мне машет и криком кричит, что места уже нет и она в поезд и вошь не всунет. Мне было уже все равно. А она не могла остановиться и все говорила и говорила... про то, что у нее папа в Лэдброк-Гроувз, а она тут в своем возрасте вон чем занимается, и как это все ей странно, и что то ли еще будет на следующей войне, потому что ей сказали, что сестер заставят носить форму цвета хаки, со штанами, как у тех девчонок, которые в береговой обороне, и что если б она мной занялась по-настоящему, она бы мне яичек сварила, потому что у нее была ферма куриная... ну вы не поверите, что люди вообще так разговаривают, так только у Джейн бывает. Я как про это вспомнил, так и заржал, и не мог остановиться. К нам потом другая женщина подошла, печатающая шаг, такая, в очках, с носищем, с зубами, все дела.

«Что тут происходит? – спрашивает. – Чего вы хотите?»

«Да ничего, - отвечаю, - разве что прошу вас заткнуть эту мисс Бейтс, а то я помру сейчас».

«Какую мисс Бейтс? – спрашивает. – Почему вы ее так назвали?»

«Да потому что мисс Бейтс она и есть», - говорю.

«Вы понимаете, что говорите?» – она меня спрашивает и костлявой своей рукой тянет с земли подняться.

«Еще как понимаю, - отвечаю. – А знай вы Джейн так же, как я ее знаю, и вы бы понимали».

«Ну ясно, - говорит она тогда. – Поедете с нами этим поездом, даже если мне для этого придется начальника состава придушить».

Она действительно пристроила меня на поезд, я разлегся на носилках прямо у кухни. Так что снова сработали мои пароли! Она пожала мне руку, сказала, что я сходу раскусил сестру Молино, да потом еще стащила мне дополнительное одеяло. Насколько я понял, это вообще был ее поезд, она была кем-то вроде леди Кэтрин де Бург в тех краях. Ну вот. Короче говоря, ничего интересного со мной больше не происходило.

- А тебе что, было мало? – не понял Энтони.

- Ну наверное. Если б я остался в части, то был бы с ними, когда их переформировали, и они опять попали на фронт, уже незадолго до перемирия. Старшой был прав. Молодцы мы были, отличная батарея, никого счастливее нас на всем фронте не было. И Хэммик с Моссом, и Гусак, и этот чудной парень Маклин, и старшой, - они все у меня постоянно мелькали перед глазами, пока я там лежал без сна несколько ночей. Они погибли, а я лежал и вспоминал их. Никогда ни у кого не бывало такой батареи, как наша, - никогда.

Энтони отдал мне сияющий секретарский клейнод.

- Да уж, - сказал он. – Не могу не согласиться с тем, что твои джейнитские дела оказались полезнее римского орла и ордена Подвязки. Жалко, что у нас в Святой

Земле не было никого из ваших джейнитов. Я не встречал, по крайней мере.

- Ну, Маклин говорил, что это очень закрытое общество для избранных, и чтобы туда попасть, нужно быть джейнитом в сердце, а иначе ничего не получится. Но ведь меня-то он сделал джейнитом! Я ведь теперь прочел на досуге все ее шесть книжек, в перерывах между работой, - и каждая строчка меня возвращала туда, обратно, и снова пахло раскаленной на солнце краской на масксетке. Вы мне поверьте, братья, если где никто не говорит о Джейн, то это плохое место. Благослови ее Бог, кто б она ни была.

Досточтимый брат Берджес отозвал нас всех от труда к отдыху. Хамберстолл поднялся и пошел по лестнице вниз: он был сам так похож на угловатую пушку на лафете, что все невольно ждали, что он заскрипит шарнирами. Он сказал, что на чай не останется, потому что обещал матери пить чай у нее, а поэтому она уже, наверное, стоит перед дверью ложи и ждет его.

- За ним все время кто-то приходит, то одна, то другая, - пояснил мне Энтони. - Он иногда забывается.

- Напивается что ли?

- Да сейчас! Он от рождения ни алкоголя, ни женщин не пробовал. Нет, он просто иногда теряет рассудок, по-тихому. Это как-то приступами у него, началось после того, как у него склад взорвался в Этапле. Если бы не контузия, он бы уже был старшим сержантом.

- Ого! - ответил я. - А я все понять не мог, почему его после возвращения на батарею в официантах держали. Теперь все понятно.

- Его сестра рассказывала, что взрывом у него отшибло все, чему он научился в артиллерии, но он и слушать никого не хотел, только все рвался обратно в свою часть. Только Бог знает, как ему это удалось, но ведь удалось же! Она говорила, что он чуть ли не зайцем на корабле сбежал из Англии, и когда они там увидели, в каком он состоянии, им не хватило жесткости отправить его в госпиталь, вот и держали его при батарее, как талисман что ли. Это все чистая правда. Мне так его сестра сказала. Я, правда, не могу гарантировать, что все, что он тут наплел про джейнитов, - это правда. Но с другой стороны, он в последний раз врал в шесть лет. Его сестра сказала. Ты что думаешь?

- Вряд ли он мог сам такое выдумать, - ответил я.

- Ну а где ты видел, чтобы люди так сходили с ума по каким-то книжкам? Он даже сестру пытался заставить их читать. А она на все готова, только б его порадовать. И она говорит, их мать - тоже такая же. А ты-то сам что-нибудь слышал про эту Джейн?

- Мне всегда казалось, что Джейн, пока была жива, умела сводить людей друг с другом, - ответил я. - Хочешь - сам почитай.

- Уж не сомневайся теперь, - ответил Энтони и покраснел.

Мадонна в Окопах

*Все, что ни скажете в сердце про бога,
Люди, сыны человека, всё бренно.
Бог же нам милость с любовью нетленной
Снова и снова являет с порога.*

*Счастье мое, и любовь, и отрада!
Прочь унесли тебя времени ноги.
Нет утешенья, надежды не надо.
Только лишь раз это делают боги.*

А. Суинберн «Утопленники»

Видя, сколько психически неуравновешенных солдат, вернувшихся с фронта, приходило в палату наставления при ложе «Вера и Труд» № 5837 в послевоенные годы, приходилось только удивляться тому, что случаи, когда дела принимали дурной оборот, бывали редко: ведь солдаты постоянно встречались там с точно такими же ветеранами, и эти встречи немедленно и резко возвращали их в прошлое, совсем недавнее и еще очень яркое в их памяти. Но наш круглый и окладистобородый брат-доктор Кид, Первый Блюститель, всегда был настороже и умел справляться с истерическим припадком до того, как он разовьется и выйдет из-под контроля; если мне приходилось подвергать предварительному опросу перед входом в ложу какого-либо брата, которого я не знал лично и за которого никто другой не мог поручиться, я сообщал ему все, что казалось мне подозрительным. Он отслужил военврачом в Южно-лондонском батальоне в последние два года войны и постоянно узнавал среди посетителей своих сослуживцев и просто знакомых того времени.

Брат Клем Стренджвик, молодой высокий новопосвященный, прибыл к нам из какой-то ложи в Южном Лондоне. Бумаги у него были в порядке, на вопросы он отвечал достойно, но глаза у него были красные, а взгляд – неуверенный и как будто удивленный. Это могло значить, что человек сильно нервничает, и я на всякий случай переправил его брату Киду, который узнал в нем штабного посыльного своего родного батальона, поздравил с выздоровлением (его комиссовали по болезни) и немедленно погрузился с ним вместе в воспоминания о жизни на Сомме.

- Но я же правильно поступил, да, Кид? – спросил я, пока мы облачались перед собранием.

- Да, конечно. Я сразу вспомнил, что лечил его в восемнадцатом в Фампу, когда

ему пришлось совсем худо. Он был посыльным.

- Контузия? – спросил я.

- Вроде того, но он хотел меня убедить в другом. Нет, он не симулировал, у него был совершенно жуткий тик, с судорогами, но он выучился изображать другие симптомы, чтобы я заподозрил у тика другую причину, чем была по правде. Насколько было бы легче лечить людей, если бы они нам не врал!

После ложи Кид отвел его на место впереди, в паре рядов от нас, чтобы он в полной мере наслаждался лекцией об ориентации Храма Царя Соломона, которую некий усердный брат считал наилучшим средством занять вынужденную паузу между работами и чаем с бутербродами, который мы высокопарно именовали «банкетом». Даже при активном пользовании табачными изделиями всем было скучновато. Примерно через полчаса Стренджвик, уже несколько минут ерзавший и раскачивавшийся, отъехал на стуле назад, скрипя ножками по мозаичному полу, и крикнул: «Тётя, тётя! Я больше не могу!». Под громовой одобрительный смех он пробежал мимо нас и выскочил вон, споткнувшись за порог и чуть не упав по пути.

- Так я и думал, - прошептал Кид. – Пошли.

Мы перехватили его в коридоре, где он дугой выгнулся на полу. Руки и ноги его хаотично подергивались. Кид с моей помощью поднял его, отвел в привратническую – крошечную каморку, где хранили не использовавшиеся мебель и облачения, - и запер дверь изнутри.

- Я... я в норме! – начал мальчик жалобно.

- Само собой. – Кид открыл ящик шкафчика (я уже видел, как он делал это раньше), аккуратно растворил в граненом стаканчике нюхательную соль в воде и, пока Стренджвик пил, ласково подталкивал его к кушетке. – На этот раз все в порядке, даже маме написать, собственно, не о чем. Я видал тебя в десятки раз хуже. Это, наверное, тебе наши разговоры что-то напомнили.

Он подвинул себе ногой стул, взял руку пациента в свою и сел. Стул скрипнул.

- Хватит! – застонал Стренджвик. – Не выношу! Какой же жутко мерзкий скрип! И когда... когда оттепель... их только лопатой обратно и забьешь! Ты-то помнишь сапоги французов под настилом? Что делать? Ну что мне с этим делать?

Кто-то постучал в дверь, справляясь, все ли в порядке.

- Да-да, - ответил Кид через плечо. – Но мне понадобится эта комната на некоторое время. Задерни шторы, пожалуйста.

Мы услышали звяканье колец шторы, закрывающей дверь от взглядов братьев, проходящих по коридору из ложи в банкетный зал, по балке, и звуки снаружи стали тише. Стренджвик, ерзая на кушетке, все говорил – снова и снова – о замерзших трупах, которые скрипят под ногами.

- Он опять играет, - прошептал мне Кид. – Тут не в этом дело, как и тогда.

- Но ведь подобные вещи очень сильно западают в память, - ответил я. – Помнишь, в октябре...

- Здесь дело в другом, и очень интересно, что именно у него на уме. – И он добавил уже громко: - О чем ты думаешь?

- О Французском квартале и Мясницком переулке, - пробормотал Стренджвик.

- О да, там их было полно. А было б еще больше, если б мы под бомбежкой просто лежали, а не палили по самолетам изо всех стволов. – Кид подмигнул мне, чтобы я подстраивался под него и начал подыгрывать.

- А что такое «Французский квартал»? – начал я.

- Это под Фампу был такой траншейный профиль, который нам передали французы. Они, конечно, вояки хоть куда, но жутко неопрятные. Они и снаружи и изнутри обложили стенки траншеи трупами, чтобы укрепить, потому что во время оттепели все потекло и пообваливалось. Нашим тоже приходилось так иногда делать, но что творилось в Мясницком переулке Французского квартала, - просто глаза б мои не смотрели. Благо, мы вскоре оттяпали у гансов новый кусок земли и с ноября уже не нуждались во французских траншеях. Помнишь, Стренджвик?

- Как не помнить? Господи, если там не было настила, ты по ним идешь, а они скрипят!..

- Ну а как же им не скрипеть? Кожа же, - ответил Кид. - Нервирует, конечно, но...

- Нервирует? Это невыносимо! - простонал Стренджвик.

- Ну, в твоём возрасте это вопрос еще пары лет, за которые ты все забудешь. Выпей-ка еще успокоительного, а потом спокойно поговорим обо всем этом, хорошо?

Кид снова открыл шкафчик и аккуратно накапал в раствор чего-то темного, что явно не было нюхательной солью: - Через пару минут успокоишься, - сказал он. - Лежи тихо и не говори ничего, если тебе не хочется.

Потом он посмотрел на меня, пощипывая себя за бороду.

- Да-а-а, в Мясницком переулке было страшновато. Как только увидел Стренджвика, у меня все сразу всплыло в памяти. Забавно! У нас был замкомвзвода во втором... Как же, черт возьми, его звали?.. Почти совсем старик, он, наверное, наврал, как истинный патриот, о своём возрасте, чтобы его взяли в армию, но из всего сержантского состава он был самым дельным, и просто невозможно было себе представить, чтобы он в чем-то ошибся. В январе восемнадцатого его отправили домой на две недели, на побывку. А ты, Стренджвик, состоял тогда при штабе батальона, так?

- Да, я же был вестовым. Только это был январь двадцать первого. - Стренджвик говорил медленно, с трудом ворочая языком, глаза у него горели. Что бы за лекарство это ни было, но оно действовало.

- Наверное, я могу ошибаться, - продолжал Кид. - Ну так вот, этот сержант, вместо того, чтобы, как все нормальные люди, вылезти, как стемнеет, потихоньку из траншеи, пробежаться до дивизионной группы управления и вскочить в тот маленький смешной вагончик, которым наших возили до Арраса, решил сначала погреться. И вот он забрался в Мясницкий переулок, где был старый французский пункт первой помощи, и забился между двумя угольными печками. На его несчастье это оказался чуть ли не единственный блиндаж с дверями, которые открывались внутрь, - я думаю, это французы для защиты от газов их так соорудили, - и насколько можно понять, пока он грелся, они распахнулись от ветра. В общем, к поезду он не явился. Его тут же кинулись искать. Мы не могли себе позволить вот так просто разбрасываться замкомвзводами. Утром его нашли. Свою дозу газа он получил. Его пулеметчик тогда нашел, правда, Стренджвик?

- Никак нет, сэр. Капрал Грант, минометный взвод.

- Ну, значит так. Да-да, именно, Грант. Грант, Грант... шейная киста... всё правильно. А у тебя все в порядке с памятью, кстати. Как, говоришь, звали того сержанта?

- Годсо. Джон Годсо, - ответил Стренджвик.

- Именно. Меня утром вызвали осмотреть его: он так и торчал там в блиндаже, можно сказать, замерз между двумя печками. И при нем не нашли ни одной бумажки, ни листочка, ни документика. Я тогда сразу заподозрил, что это не вполне несчастный случай.

Лицо Стренджвика вытянулось, окаменело, и он отчеканил по-военному:

- Осмелюсь доложить, сэр, он прошел мимо меня, точнее, прямо передо мной, вниз по настилу в окоп, как только я сообщил ему о времени отбытия поезда. Я счел, что он пойдет, как все ходят, через Попугайский окоп, но он, вероятно, по пути свернул во Французский квартал, там, где была старая баррикада, которую разбомбили.

- Да, теперь припоминаю. Ты же был последним, кто его видел живым. Так значит, это было двадцать первого января, правильно? И именно тогда Дирлав и Биллингс привели тебя ко мне совершенно съехавшим с катушек? – И Кид мягко, но увесисто положил руку Стренджвику на плечо, совсем как частные детективы в журнальных рассказах. Мальчик поднял на него удивленные затуманенные глаза:

- Меня привели к вам вечером двадцать четвертого января. Вы что же, думаете, что я его пристукнул?

Глядя на смущение Кида, я не смог сдержать улыбки. Но он быстро нашелся:

- Тогда скажи сам, что у тебя было в голове в тот вечер, пока я тебе не сделал укол.

- Все это... все вот это, что было в Мясницком переулке... Я все время об этом вспоминаю. У меня же это бывало раньше, вы же сами видели, сэр.

- Да, но я и тогда знал, и сейчас знаю, что ты врешь. У тебя и тогда с головой было все в порядке, и сейчас тоже. Ты просто что-то скрываешь, а вот что именно, я не знаю.

- Как вы догадались, доктор? – задохнулся Стренджвик.

- Помнишь, что ты мне сказал в тот вечер, когда Дирлав и Биллингс тебя держали, пока я тебя колол?

- Про Мясницкий переулок?

- Да нет же! Конечно, ты напел с три короба про скрипящие трупы, это точно, но где-то между всхлипами ты мне успел сунуть телеграмму и спросить... Ну вот честно скажи сейчас, что я должен был подумать, когда ты меня спросил: «Когда я боролся с офицерскими зверями, какая мне польза, если мертвые не воскресают?»².

- Я что, правда сказал «с офицерскими зверями»?

- Еще как правда. А между тем в тексте чина отпевания этого нет.

- Ну, наверное, слышал где-нибудь. Точно, слышал. – Стренджвика все еще потряхивало.

- Ну ладно. А что за гимн ты распевал во весь голос, пока не заснул? Что-то про милость и любовь – помнишь?

- Попробую вспомнить, – покорно прошептал мальчик и начал бормотать нечто наподобие этого: - Что скажет человек в сердце своем про Господа своего, истинно, истинно говорю вам, от века дарует Бог снова и снова ему славную милость Свою...и какую-то там любовь... - Он закатил глаза и снова вздрогнул.

- А это ты откуда взял? – не отставал от него Кид.

- От Годсо, двадцать первого янва... Ну как я мог кому-то сказать, что он

² «Когда я боролся со зверями в Ефесе, какая мне польза, если мертвые не воскресают?» 1 Коринфянам, 15:32. Стих входит в чин отпевания Англиканской церкви. – *Прим. перев.*

собрался делать? – внезапно вскрикнул он неестественно высоким голосом, срываясь на писк: – Я ведь уже знал, что она умерла!

- Кто умерла? – спросил Кид.

- Моя тетя Армин.

- И об этом была телеграмма, которая пришла тебе в Фампу? И это ты мне хотел рассказать сейчас, когда я тебя поймал в коридоре, а ты сначала кричал «Тётя!», а потом, когда я схватил тебя за шиворот, перешел на «Боже!», так ведь?

- Доктор, вы меня насквозь видите. Это все она. Ну откуда мне было знать, что он там задумал с этими печками? Мы все ими постоянно пользовались. Богом клянусь, я сначала так и подумал, что он просто хочет погреться перед отъездом. Откуда же мне было знать, что дядя Джон решит всерьез заняться семьей? – Стренджвик рассмеялся страшным смехом, и из глаз у него потекли слезы. Кид подождал, пока тот успокоится, и продолжил:

- Так. Почему ты назвал Годсо дядей? Он вправду был твоим дядей?

- Нет, - ответил Стренджвик, закрыв лицо руками. – Но мы его знали с рождения. Он давний папин знакомый. Они дружили с папой, и с мамой, и со всеми остальными, вот мы и звали его дядей, как все дети.

- Что он был за человек?

- Самый лучший на свете человек, сэр. Отставной сержант с небольшими сбережениями, довольно зажиточный, самостоятельный и очень гордый. У них в гостиной была целая выставка индийских диковинок, и они с женой позволяли нам с сестрой их рассматривать, если мы себя хорошо вели.

- А он не слишком ли стар был для фронта?

- А его этим не смутить. Он в первые же дни войны нанялся сержантом-инструктором в батальон, а когда батальон послали на фронт, он с ним и увязался. А когда я из учебки выпустился в семнадцатом, он меня сразу записал к себе во взвод. Я думаю, его мама попросила.

- Я и не знал, что вы были так близко знакомы, - заметил Кид.

- А он этого и не показывал. У него во взводе не было любимчиков, но зато он маме во всех подробностях писал и про меня, и про все, что у нас творилось. Знаете, - Стренджвик снова заерзал на кушетке, - мы же были знакомы всю жизнь, жили через дорогу и вообще... Ему было сильно за пятьдесят. Боже мой, Боже мой! Как же все, черт возьми, сложно, если ты молодой! – Он заплакал. Но Кид не давал ему спуску и продолжал допрос:

- Итак, он часто писал твоей матери про тебя, так?

- Да. У мамы было плохо с глазами после бомбежек. Там сосудики полопались, у нее в глазах, когда она сидела в подполе, а вокруг падали бомбы. Она очень плохо видела, и ей наши письма читала тетя. Вот сейчас я про это вспоминаю и думаю, что...

- Это та самая тетя, которая умерла и про которую была телеграмма? – не отставал Кид.

- Да, тетя Армин, мамина младшая сестра. Ей было под пятьдесят. Надо же! Меня ночью разбуди и спроси – я бы сразу сказал, что она вся была как открытая книга, у нее в жизни не было ничего, что все вокруг не знали бы, причем все всё знали всегда, она никогда ничего не скрывала. Она присматривала за нами с сестрой, когда ее просили... ну мало ли что, коклюш, корь... Она помогала маме, и мы у нее дома дневали и ночевали. Дядя Армин был краснодеревщиком и еще приторговывал старой мебелью, и мы у него в сарае все время играли. У них не

было детей, и когда война началась, она говорила, что это даже к лучшему. Но она редко пускалась в рассуждения о своих чувствах. Все держала в себе, ну, вы понимаете. – Он искательно заглядывал нам в глаза.

- А она что была за человек? – спросил Кид.

- Большая такая женщина, в молодости была красивой, кажется. Но мы ее видели с рождения и ничего особенного в ней не замечали, разве вот только... Мама ее звала по имени – Белла, а мы с сестрой – только «тетя Армин».

- Почему?

- Нам казалось, это имя ей больше подходит, она вся была такая медленная, уверенная, двигалась мощно, как армия.

- И это она читала твоей матери письма?

- Каждый раз, когда приходила почта, она переходила дорогу, брала ее и шла к маме. И больше мне нечего про это сказать. Вот кто бы меня ни спросил, я только это и могу сказать. Как они могли все это на меня взвалить тогда? Потому что... потому что если мертвые не воскресают, то что будет со мной и со всем, во что я верил? Вот вы мне скажите, что? Я... я...

Но Кид не давал себя сбить:

- Сержант ей все про тебя написал, правда?

- Да что он мог такого уж особенного про меня написать? У нас дел было невпроворот. Но он про меня ей писал, да, и это очень маму радовало. Я-то сам едва пару слов могу связать в письме. Я берег все до побывки, мне же были положены две недели отпуска каждые полгода, и еще каждый раз день сверху... мне повезло больше, чем всем.

- И приезжая домой, ты рассказывал и про сержанта, да? – продолжал Кид.

- Наверное, они от меня этого ждали, но я как-то об этом не думал тогда. Я слишком был погружен в свои дела. Дядя Джон, когда я бывал на побывке, всегда писал, что там у них происходит и чего мне ждать по возвращении в часть, и мама просила ей это тоже читать. А потом я должен был ходить к его жене и пересказывать всё ей. А ведь еще была девушка, на которой я собрался жениться, если выживу, после войны. Мы даже ходили по магазинам вместе, приценивались...

- Но ты же так и не женился на ней, правда?

- Нет! – его снова затрясло. – Еще до конца войны я узнал, как оно в жизни-то бывает по-настоящему. Я... я и представить себе не мог, что так случается. Ей было под пятьдесят... тете моей! И ничего не было заметно до самого конца! Вы не понимаете что ли? Она только и сказала-то под конец моего отпуска на Рождество восемнадцатого года, когда я зашел попрощаться... тетя Армин только и сказала-то, что «Ты скоро увидишься с мистером Годсо?». Я говорю: «Раньше, чем хотелось бы». И она мне: «Передай ему, что я разделаюсь со своей незадачей к двадцать первому числу, а потом сразу хотела бы с ним свидеться, как можно скорее».

- А что это у нее была за незадача? – поинтересовался Кид.

- У нее была какая-то опухоль в груди, по-моему. Но она никогда не разговаривала ни с кем о своем здоровье.

- Ясно. Ну-ка повтори, что она тогда тебе сказала.

- «Скажи дяде Джону, что я надеюсь разделаться со своей болячкой к двадцать первому числу, а потом сразу хотела бы с ним свидеться, как можно скорее». А потом рассмеялась и говорит: «Но я же знаю – у тебя голова что решето. Давай-ка

я тебе это напишу, а ты ему записку передай при встрече». Она написала записку, я ее поцеловал на прощанье – она всегда меня любила больше всех других, - и поехал обратно в Фампу. И скоро думать про это забыл. А потом снова оказался на передовой – а я же был вестовым, я говорил уже, - и наш взвод стоял в траншее Северная Гавань, и у меня был приказ минометчикам, которыми командовал капрал Грант. И он тогда прочел приказ и взял из взвода пару солдат, повернуть там надо было этот их миномет, или еще что-то. И я тогда передал дяде Джону записку, а капралу Гранту дал сигарету, и он прикурил от угольной печки. И тогда Грант мне говорит: «Ох, не нравится мне это!» - А сам пальцем на дядю Джона незаметно показывает, который уже записку-то тетину читает. А знаете, сэр, вот с кем вам надо было поговорить – так это с Грантом, как он умудрялся все наперед знать. Особенно когда Рэнкин застрелился из ракетницы.

- Я и поговорил, - ответил Кид и пояснил мне: - У Гранта было шестое чувство, черт его возьми. Солдат это пугало. Вообще-то я даже был рад, когда его подстрелили. Так что было потом, Стренджвик?

- Грант и шепнул мне: «Гляди-ка, чертов англичанин, его уже повело». А дядя Джон прислонился к стенке окопа и бормотал себе под нос тот гимн, который я вам пытался пересказать. Он вдруг весь лицом переменялся, как после бритья. Я про такие вещи ничего не знаю, но я сразу одернул Гранта, мол, что это он разговорился, а вдруг офицер мимо пройдет, а сам пошел себе дальше. А когда я проходил мимо дяди Джона, он мне кивнул и улыбнулся, что он нечасто делал, а потом убрал записку в карман. «Вот это по мне. Я двадцать первого – в отпуск».

- Это он так тебе сказал? – переспросил Кид.

- Точно так, я все слово в слово помню. Само собой, я ответил, что положено в таких случаях, мол, рад за него, и вскоре уже вернулся в штаб. Да и забыл про это все. Это было одиннадцатого января, через три дня после того, как я вернулся с побывки. Вы ведь помните, сэр, вокруг Фампу ничего не происходило с обеих сторон в первую половину месяца. Гансы готовили форсированную атаку, но пока у них было все тихо, мы тоже их решили не задирать.

- Я помню, - ответил Кид. – А что было с сержантом?

- Наверное, я с ним встречался все эти дни, бегая туда-сюда по траншеям, но мне это в память не запало. Да и с чего вдруг? А двадцать первого его имя значилось в отпускном листе, который я должен был отнести начальнику отпускной команды. И я это заметил, конечно. И в тот же самый вечер гансы решили испытать свой новый полевой миномет, и пока наши опомнились, они положили мину аккурат нам в отвод траншеи и накрыли с полдюжины солдат. Их как раз выносили, когда я бежал наверх к управлению, и они там полностью заняли Малый Попугайский, ну, как всегда и получалось в таких случаях, помните, сэр?

- Еще бы! А за навесом там стоял крупнокалиберный пулемет, если туда добраться. Мимо него можно было проскочить, - ответил Кид.

- И я это тоже помню. Но было уже темно, и с Ла-Манша нанесло туману, вот я и выпрыгнул из Малого Попугайского и срезал по открытой местности до того места, где тогда сложили тех четверых из Уорикского пехотного. Но в тумане я сбился с пути и оказался вдруг в полупрофильной траншее по колено, которая вела от Малого Попугайского до Французского квартала, прямо свалился в нее, на пулеметную платформу рядом со старым котлом и парой скелетов зуавов. От этого я пришел в себя и пошел прямо по Французскому кварталу, - а настила там

не было, - в Мясницкий переулок, где молокососы французские лежали по шестеро в глубину по обеим сторонам, только переборками слегка прикрытые. Они там подмерзли, так что перестало капать и начало скрипеть.

- В тот момент это тебя беспокоило? - спросил Кид.

- Нет, - ответил мальчик, стараясь, чтобы это звучало презрительно. - Если вестовой такие вещи замечает, грош ему цена как вестовому. И вот прямо в середине переулка, около старой перевязочной, о которой вы, сэр, говорили, мне вдруг показалось, что рядом с переборкой стоит точь-в-точь тетя Армин, словно она стоит там и ждет перед дверью. И я еще про себя подумал: вот была бы потеха, если б ее жизнь туда забросила, куда она сейчас забросила меня. Через секунду я уже разобрался, что это просто тень да еще какие-то тряпки, висевшие на газовом навесе. В общем, я добрался до отпускной команды и предупредил их там обо всех, о ком было положено, включая дядю Джона. Потом пошел по Кочерге к передовой, чтобы на первой линии обороны тоже всем все передать. Я особо не торопился, потому что думал, пусть, пока я иду, гансы поуспокоятся там. Потом я столкнулся с командой деблокировщиков, и у них офицер разорался по поводу каких-то там прожекторов на фланге и начал им всем показывать кузькину мать, так что мне самому пришлось искать отпускников по всей траншее. Тут то одно, то другое, - в общем, обратно я прибежал только в полдевятого. И в тылу натолкнулся на дядю Джона: он чистился от грязи, уже побрился - такой был весь сияющий, как на праздник собрался. Он спросил про аррасский поезд, и я ответил, что если гансы не проснутся вдруг, то он в десять часов отъедет. «Отлично! - он мне говорит. - Я тогда с тобой». И мы пошли по старой траншее мимо перекрестка с Халнекером, назад к блиндажам нестроевых. Ну, вы знаете, сэр.

Кид кивнул.

- И тогда дядя Джон что-то начал мне говорить про то, что, мол, увидится с мамой и всеми остальными через пару дней, и не хочу ли я им что-нибудь передать. И тут уж кто меня за язык тянул, не знаю, но я его попросил передать тете Армин, что уж вот не ожидал я ее встретить в наших краях. И еще засмеялся. Это я тогда в последний раз в жизни засмеялся. «Ага, а ты, значит, ее видел тогда?» - он мне говорит как ни в чем не бывало. И я ему сразу рассказал и про тень, и про тряпки, и про то, как принял их за тетю. «Очень похоже на то», - он мне отвечает и только грязь со штанов дальше счищает. А мы между тем уже подошли к повороту, где была старая баррикада и вход во Французский квартал за ней - это пока его не разбомбили, сэр. Ну он на нее залезает, и пошел себе дальше. Я говорю: «Нет уж, спасибо, я там сегодня уже был». А он даже не слушает. Он куда-то руки сунул, а как выпрямился, вынимает - а в каждой руке по угольной жаровне, полной.

«Давай, Клем, - говорит (а он очень редко называл меня по имени). - Не бойся. Это маленькая траншея, и если гансы снова начнут, они на нее боезапас тратить не станут».

«Это кто тут боится?» - спрашиваю.

«Ну я, например, - он отвечает. - Не хочу себе в последний момент портить отпуск». Тут он обернулся и произнес тот кусок из чина отпевания.

Кид зачем-то повторил эти слова медленно и торжественно:

- «Когда я боролся со зверями в Ефесе, какая мне польза, если мертвые не воскресают?»

- Именно так, - подхватил Стрендживик. - И вот мы пошли вместе по Французскому кварталу, все вокруг стихло, и только под ногами скрипело. И я помню, что думал...

Он заморгал.

- Не думай! Говори, что было! - приказал Кид.

- Ой, простите. Он шел и шел с жаровнями в руках и напевал этот гимн. Прямо в Мясницкий переулок. И не доходя до старой перевязочной, он остановился, поставил жаровни и спросил: «Так где, говоришь, она стояла? У меня-то глаза уже не те, что были...».

«Да дома, я думаю, она стояла, - говорю. - Пошли отсюда, холод смертный, да и я-то не в отпуску...»

«А зато я в отпуску, - он мне отвечает, - и я...». И тут - вы мне не поверите, - я перестал его голос узнавать, он изменился, и главное, он так шею вытянул и говорит: «Белла! - говорит. - Белла! Слава Богу!». Все так и было. И тут я увидел - честное слово, увидел, - тетю Армин. Она собственной персоной стояла у двери старой перевязочной, как и тогда, в первый раз, когда мне показалось, что я ее видел. Он на нее смотрел, а она - на него. Я это все увидел, и у меня в душе все словно перевернулось, потому что все, во что я тогда верил, полетело кувырком. Мне буквально не за что стало ухватиться, понимаете? А он смотрел на нее, как на живую, ну, как люди друг на друга смотрят, и она так же смотрела на него. И потом он говорит: «Надо же, Белла, мы с тобой за все эти годы только второй раз остались наедине». И тут я вижу, она протягивает к нему руки на этом жутком морозе. А ей под пятьдесят, и она моя родная тетя! Можете меня завтра сами сдать в психушку, но я сам, своими глазами все это видел, я видел, что он с ней говорил, а она ему отвечала. Он потянулся снять винтовку с плеча, потом отдернул руку: «Нет, Белла! - говорит. - Не искушай меня! У нас впереди Вечность. Пара часов погоды не сделают». Потом он берет свои жаровни и идет в перевязочную. На меня он больше и не поглядел. Полил их бензином, чиркнул спичкой, зажег и пошел внутрь. А тетя Армин так и стояла с протянутыми к нему руками все это время - и она так смотрела!.. Я и подумать не мог, что такое бывает или вообще может быть. А потом он выглянул из блиндажа и крикнул: «Заходи, дорогая!». И она пригнулась и в блиндаж пошла, а на лице все то же выражение... И он закрыл дверь изнутри и, я слышал, еще ее заклинил. Я это все видел и слышал своими собственными глазами и ушами, и да поможет мне Бог!

Он повторил эту клятву несколько раз, и после продолжительной паузы Кид спросил, что он может вспомнить следующим.

- У меня все смешалось в голове тогда... По-моему, я дальше побежал по делам, - мне так говорили, по крайней мере, но я был весь... я чувствовал... весь в себе, в общем, ну не знаю, знакомо ли вам такое чувство. Я как бы отсутствовал все время. А наутро меня разбудили, потому что он не явился к поезду. А кто-то видел, что он со мной идет. До обеда меня уже все, кто только мог, успели обо всем допросить и расспросить. И я тогда вызвался заменить Дирлава, у которого палец на ноге заболел, чтобы отнести пакет на передовую, потому что мне надо было все время что-то делать, понимаете? Потому что мне не за что было ухватиться. А уже там, на передовой, Грант мне и сказал, что дядю Джона нашли за заклиненной дверью, еще и заваленной мешками с песком. Я от него такого не ждал. Мне и того хватило, что он начал дверь заколачивать... прямо как папин гроб...

- Мне никто не докладывал, что дверь была заклинена, - вставил Кид.

- Ну так а зачем чернить память о покойнике, сэр?

- А самого Гранта что привело в Мясницкий переулок?

- Да он заметил, что дядя Джон таскает уголь помаленьку уж целую неделю и складывает за старой баррикадой. И когда поднялся шум и объявили розыск, он туда прямо и пошел, а как в дверь перевязочной толкнулся и понял, что заперто, так сразу все остальное тоже понял. Он мне рассказал потом, что мешки сам пораскидал, а потом руку в щель просунул и клинья сдвинул, чтобы дверь открыть, пока никто другой не видел. Это все ему с рук сошло. Вы и сами тогда сказали, сэр, что дверь, наверное, от ветра распахнулась.

- И Грант, выходит, знал, что задумал Годсо? – выпалил Кид.

- Грант знал, что Годсо решился это сделать и что если уж он решил – то он сделает, и ничто на Земле его не остановит. Он мне так и сказал.

- А что потом?

- А потом я так и служил, наверное, пока в штабе мне не передали телеграмму от мамы, что тетя Армин умерла.

- Когда умерла тетя?

- Утром двадцать первого. Утром двадцать первого! Все сходится, видите? Каждый раз, как начинаю про это думать, вспоминаю, что это как раз то самое, о чем вы нам лекции читали в Аррасе, пока нас держали там на реформировании в казармах, обо всех этих ангелах Монса и тому подобных штуках. Но эта телеграмма снова мне все перевернула.

- О, галлюцинации! Как же, помню. И их перевернула телеграмма, да?

- Да! Разве вы не понимаете? – он приподнялся на кушетке. – У меня, черт его совсем раздери, вообще ни-че-го не осталось, ничего нету, на что опереться, ни тогда, ни до сих пор! Если мертвые воскресают, – а я это видел, – то почему? Почему это все происходит? Разве не понимаете? – Он уже вскочил на ноги и угловато жестикулировал. – Я же видел ее! – снова и снова повторял он. – Я видел и его, и ее. А она умерла еще утром, а он убил себя прямо у меня на глазах, чтобы с ней вместе уйти в Вечность, а она к нему протягивала руки! Я хочу знать, кто я и где я! «Для чего мы ежечасно подвергаемся бедствиям?»

- Бог знает, – пробормотал Кид себе под нос.

- Может, позвонить? – предложил я. – Он же, неровен час, совсем теперь разбушует.

- Не разбушует. Это последний взбрык, а потом оно сработает. Уж я-то знаю, как эта штука действует. Во-о-от.

Стренджвик стоял с вытянутыми назад напряженными руками, с остановившимся взглядом, и из его рта несло – странным высоким и монотонным голосом отвечающего урок школьника:

- Только лишь раз это делают боги...

Он повторял эти слова, а потом внезапно закричал в совершенно безумном гневе:

- И да будь я проклят, если со мной они это сделают хоть раз! И наплевать, куда мы там с ней ходили прицениваться! Пусть в суд подает, если захочет! Она же не знает, как оно все по-настоящему! А я-то знаю! Я все сам видел! Я такой, я что захочу – все так и сделаю, так всегда было, но до того, как я увидел, какое у нее было тогда лицо... такое лицо... я теперь – всё. Я теперь знаю настоящие жизнь и смерть. Со смерти все и начинается, понимаете? Она не понимает. Да пошла ты тогда к черту со всеми адвокатами своими! Я уже сыт по горло, по горло!

Он замолчал так же внезапно, как начал кричать, и лицо его, смягчившись, снова стало таким, как обычно. Кид взял его за руки и отвел обратно к кушетке, куда он свалился как выжатая тряпка. Потом Кид снял с вешалки какую-то расшитую мантию и аккуратно накрыл Стренджвика.

- Да-а-а, ну, наконец-то оно самое, - удовлетворенно протянул Кид. - Он все рассказал и теперь наконец спокойно поспит. К слову сказать, кто его сюда привел?

- Пойти спросить? - предложил я.

- Да, и приведи его сюда, если найдешь. Нам-то с тобой какой смысл с ним тут сидеть до утра?

Я вышел в банкетный зал, где торжество было в самом разгаре, и меня немедленно схватил за рукав пожилой и весьма занудный брат из Южного Лондона, который сразу же пошел за мной, не переставая извиняться и выражать озабоченность. Кид постарался его успокоить.

- С мальчиком совсем беда, - говорил посетитель. - Я так удручен тем, что он вам тут устроил номер. Я-то надеялся, что он будет держать себя в руках.

- Наверное, это всё мои с ним разговоры о нашем прошлом, - отвечал Кид. - Такое бывает.

- Может быть, может быть. Но у Клема и после войны тоже не все в порядке.

- Он что, работу не может найти? Нехорошо, если это мешает ему жить, и он тянет на себе это бремя все время. Пора бы и сбросить! - неожиданно задорно закончил Кид.

- Да не совсем в этом дело, на жизнь ему хватает, но... - Посетитель покашлял, прикрыв рот сухонькой ручкой. - Вообще-то, досточтимый сэръ, он... он замешан в одном дельце о нарушении брачного обязательства...

- А, это другое дело, - сказал Кид.

- Да, и довольно серьезное. Не приведено обоснованных причин, вы же понимаете. Молодая леди безупречна со всех сторон, и она стала бы ему отличной женой, если мне было бы позволено давать советы. Но он несет что-то непотребное про то, что она не его идеал, или что-то в этом роде. Разве разберешь, что нынче в головах у молодежи, не правда ли?

- Да вряд ли, - ответил Кид. - Но одно могу тебе сказать точно: ему уже лучше, он заснул. Посиди тут с ним, а когда проснется, потихоньку отведи домой... И не бери в голову: мы тут привыкли уже, что ребята, бывает, устают. Нас не за что благодарить, брат... брат...

- Армин, - ответил посетитель. - Он мой племянник по жене.

- Только этого не хватало! - пророкотал Кид.

Брат Армин удивленно приподнял брови, и Кид поторопился пояснить:

- Я же говорил, ему только выспаться и не хватало! А теперь выспится. В общем, посиди с ним здесь в тишине.

Друг семьи

В тот теплый апрельский вечер 1919 года работы в ложе «Вера и Труд» № 5837 несколько затянулись. После трех посвящений и двух возведений, каждое из которых было разыграно со всем вниманием к деталям и по полной форме, как это всегда было принято в нашей ложе, братья притихли и пребывали под сильным впечатлением от музыки, звучащей во время собрания.

- Есть две мелодии, которые нужно раз и навсегда запретить к исполнению, - сказал один из братьев, когда все расселись за банкетным столом. - «Последняя заставка» - это раз...

- Нет, «Последнюю заставку» еще можно выносить, - возразил второй. - А вот

«Типперери» - это уже слишком. Но тут уж не угадаешь: каждый сам несет по жизни свое клеймо.

Я обернулся, посмотреть, кто говорит. Это был рекомендатор одного из возведенных сегодня в Мастера братьев, толстый человек с рыбьим безразличным лицом, явно преуспевающий. Занимая места за столом, мы познакомились. Его звали Бевин, и у него была птицеферма близ Челфонт-Сент-Джайлс. Также у него были договоры с парой высококлассных лондонских гостиниц на поставку кур, а еще он планировал в ближайшем будущем еще и начать выращивать пряные травы.

- На пряности сейчас спрос, - говорил он, - но все зависит от того, как с оптовиками договоришься. У нас в этом нет никакой системы. У французов дело поставлено гораздо лучше, особенно в горных областях на границах с Италией и Швейцарией. Они больше пользуются приправами, чем наши. У нас-то оптовые фирмы все это дело убили. Но какой-то спрос еще есть, так что важно связаться с правильными людьми. Я вот и собираюсь этим заняться.

Рослый ухоженный брат, сидевший через стол от него (его звали Пол, и, судя по всему, он был то ли юристом, то ли инженером), вмешался в разговор и начал рассказывать о каком-то пустыре за Типвалем на Сомме, где по никому не известным причинам на целом акре перекопанной воронками земли вдруг разрослась какая-то могучая и высокая трава.

- Там только надо порыться, чтобы ее найти, потому что и сорняков там море, да еще и мины встречаются, бомбы и всякое такое, потому что никто до сих пор там ими не занимался и не вывозил никуда.

- Когда я там был в последний раз, - сказал Бевин, - я думал, там так все и останется до Страшного суда. Ну, ты знаешь, как оно все было там в овраге за сахарным заводом. А через два дня все разбомбили, просто сровняли с землей, да даже еще хуже - буквально в пыль разнесли. Они думали, что сент-фирминский арсенал накрыли.

Он взял бутерброд и стал не торопясь жевать, время от времени отирая лицо, поскольку ночь стояла душноватая.

- Да уж, - протянул Пол. - Я иногда думаю, что мир таков, каков он есть, потому что Судный день все не наступает и постепенно теряется вера в справедливость. Нам же, по сути, ничего потом уже было не нужно - только чтобы справедливость восторжествовала. А если этого нет, то как будто тебе из-под ног выбивают опору.

- И я того же мнения, - ответил Бевин. - Нам все эти разговоры и переговоры потом были до лампочки. Мы тоже хотели только справедливости. Ведь как ни крути, кто-то всегда прав, а кто-то неправ. Нельзя же так просто: все поссорились, потом все помирились, поцеловались - и как будто не было ничего.

Сидевший справа от меня худой смуглый брат, воздававший должное холодному пирогу со свининой (с нашими пирогами никакие другие не сравнятся, потому что у нас они свои, домашние), вдруг поднял на нас длинное лицо, на котором поблескивал недобрый безумным огоньком стеклянный глаз.

- Я так скажу, - произнес он, - больше никогда. Это теперь мой девиз. Больше - никогда.

- Вот именно, у меня такой же, - отозвался Пол. - По крайней мере, до следующего раза. А ты из Сиднея что ли?

- Как ты догадался?

- Считаю, ты сам и сказал, - улыбнулся Пол.

Бевин тоже усмехнулся и добавил:

- Ваш акцент ни с каким другим не спутаешь. Ну как вы там, сделали уже себе республику?

- Нет пока, но еще сделаем.

- Ну вперед, кто ж вам мешает?

Австралиец нахмурился:

- Да это-то понятно, что не мешает. Потому мы... потому мы так на вас и злимся. - Он откинул голову назад и внезапно беззаботно рассмеялся. - Что ж это у вас за империя такая, которой все равно, кто что делает?

- И это я тоже от ваших уже слыхал, - со смехом сказал Бевин. - Я ваших как облупленных знаю.

- А где ты их столько перевидать-то успел? А я, кстати, Ортон, но не из тичборнских Ортонов.

- В Галлиполи. Правда, они, в основном, были там мертвые. Мы с моим батальоном там войну начинали. Потеряли около половины.

- Это вам повезло. Нас они всех подчистую выкосили за пару дней. А помнишь госпиталь на пляже? - спросил Ортон.

- Да. И еще человека без лица, который там проповедовал. - Бевин выпрямился на стуле.

- Ну да, пока не помер, - понизил голос австралиец.

- А потом... - еще тише продолжил Бевин.

- Боже мой! Ты что, был там в ту ночь?

Бевин кивнул. Австралиец собирался еще что-то сказать, но закашлялся, а потом брат справа отвлек его разговором о лошадях, а Бевин снова погрузился в разработку планов по организации плантации пряных трав вместе с ухоженным братом напротив.

В конце застолья, когда разожгли трубки, австралиец снова через мою голову окликнул Бевина, а чуть позже, когда все стали кучковаться по интересам, мы трое оказались в большом преддверии, завешенном репродукциями в рамках. Вскоре к нам вошел тот брат, который сидел через стол от Бевина, и присел рядом, прямо под портретами отцов-основателей системы Эмулейшен Питера Гилкса и Бартона Уилсона.

Австралиец разразился традиционным для жителя любой молодой страны горестным монологом о национальных проблемах, мол, англичане не ценят и унижают его народ, в то время как пресса истерит по поводу их самоопределения и пустословит о якобы мнимом величии новой нации.

- Ну уж нет, тут ты неправ, - помолчав, сказал Пол. - Нам же вообще некогда было вами заниматься. Мы же воевали, тут о выживании шла речь. А вы там теперь просто болеете обычными болезнями роста. Лет через триста, не больше, вы ими переболеете. Если, конечно, вообще столько протянете.

- А кто, интересно, нам помешает? - огрызнулся Ортон.

Разговор снова вышел на магистраль глобальной стратегии и открывающихся перед молодой страной тактических возможностей, причем с обеих сторон выдвигали обоснованные предположения и спорили беззлобно и спокойно, иногда, впрочем, повышая голос - но только потому, что в дальнем конце преддверия вокруг пианино собралась другая группа братьев, настроенных попеть не просто безголосо, но еще и громко. Мы с Бевином просто слушали спорщиков и помалкивали.

- Нет, ничего-то я в таких вопросах не понимаю, - сказал наконец Бевин. - Они мне не по зубам. Но вот чего бы я точно не хотел, так это заиметь себе врага из ваших.

- С чего это? - уставился на него Ортон стеклянным глазом.

- Ну вы все немножко... как это сказать-то... мстительные, что ли... жестокие. Мне, по крайней мере, так показалось. Это все от того, наверное, что вы цифирь хлещете по четыре раза в день после еды. Нет, вот вы мне хоть что говорите, а ссориться с австралийцем - слуга покорный!

Слово за слово - и была рассказана эта история.

Началась она с того, что некий австралиец по имени Хикмот или Хикмер (Бевин называл его то так то эдак), чей батальон почти весь уничтожили в Галлиполи, пристал к остаткам батальона Бевина и так с ними дальше и служил, поначалу никем не замеченный и потому не изгнанный. Он рассказывал сослуживцам, что до тридцати лет ни разу не видел ни скатерти на столе, ни фаянсовой тарелки, ни дюжины белых людей, собравшихся в одном месте, а потом пошел в Брисбейн записываться в армию и шел туда пешком два месяца. Тут Пол не выдержал и сказал, что не верит.

- Но это правда, что ж тут поделаешь? - возразил Бевин. - Этот парень родился среди черных в двухстах милях от железной дороги и в десяти тысячах миль - от милости Господней, где-то там, в Квинсленде, на границе пустыни.

- Ну конечно, - согласился Ортон. - У нас люди по-всякому живут. А что?

- Да ничего особенного. Но смотри сам, к тому времени, как ему исполнилось двенадцать лет, этот парень, Хикмот, уже успел со своим отцом наездить, находить, наводить, нагонять... я правильно сказал? Он овец гонял... тысячи и тысячи миль, причем делал все это в компании черных парней, к которым вот лично я бы спиной не поворачивался. Того и гляди голову оттяпают и спасибо потом не скажут. И больше он ничем другим до призыва не занимался. Он вообще был как бы не из нашего мира, понятно? И нам он тоже казался не совсем человеком, что ли.

- А что такого? Нормальный квинследский овцегон, обычное дело, - сказал Ортон.

- Не совсем. Я так скажу: понимаете, обыкновенно люди замечают других людей, которые вокруг них, правда? Ну, как обычно замечаешь человека, который стоит, сидит или лежит рядом с тобой. Мне так кажется. Все всех замечают. А Хикмота никто не замечал. Вот где он ни пройдет - никто потом его не помнит. В голове не удерживается - и всё. Он был все равно что природа вокруг, или предметы, понятно?

- А как солдат-то он был ничего? - вмешался Пол.

- Да нормальный он был солдат, ничего плохого не могу сказать, - ответил Бевин. - Я у него был взводным. Он обычно сам ни на какое дело не вызывался, но если разведгруппа уходила за линию фронта - то и он с ней уходил, а когда те, кто оставался в живых, возвращались, - и он с ними. И никто его не замечал, а он рот держал на замке про все то, куда ходил и что делал. Тут ведь как: вы сами скажите, посреди английского батальона парень, который всю жизнь прожил среди черных и овец, должен быть заметным, правда ведь?

- Его жизнь научила не высовываться. Однако ты ж его заметил, - с подозрением заметил Ортон.

- Не сразу. Но потом - да. Если я вообще его и заметил, то только по причине

его незаметности, как замечаешь, что у лестницы нет нижней ступеньки, когда спускаешься и думаешь себе, что она там есть.

- Да, - сказал Пол. - Это и есть вечное таинство личности. За исключением Бога. «Нет твари, сокровенной от Него, но все обнажено и открыто пред очами Его». Кое-кому удастся, однако, скрывать свою личность очень просто: они как выключатель поворачивают туда-сюда. Ой, прости, перебил. Продолжай.

- Ничего-ничего, - ответил Бевин. - Я понял, что ты имеешь в виду. Я до призыва тоже думал, что неплохо изучил человеческую природу.

- А кем ты работал до того? - спросил Ортон.

- О, я был первый парень на деревне. Вратарь в местной футбольной команде, секретарь сельского крикетного клуба, и стрелкового тоже. И еще - Господи! - актер театрального кружка. Мой отец был в нашей деревне аптекарем. И как я там выступал! Как говорил! И чего я только не знал! - Он горделиво оглядел нас всех.

- Да ты и сейчас говоришь сносно, - сказал, откинувшись на спинку кресла, Ортон. - Но давай уже, дальше рассказывай. Что у вас с тем странным парнем произошло?

- Он прослужил у нас во взводе до конца войны и едва пару слов за все это время обронил, я даже не помню, как его голос звучал. При его образе жизни до войны, да при его воспитании, я и не знаю, в каком разговоре и на какую тему он вообще мог поучаствовать. Вот он и молчал все время и совершенно сливался с пейзажем. То есть буквально. Если где лежала куча грязи, или какая яма попадалась на пути, или воронка, или еще что-нибудь, можно было быть совершенно уверенным - Хикмот уже там. Он только так и любил.

- Что любил? Маскироваться?

- Вот именно! Он все время и всюду маскировался. Самое правильное слово. Поймите, ребята во взводе даже прозвища ему никакого не дали! А потом, со следующим пополнением, к нам привезли парня из моей деревни по фамилии Вигорс. Берт Вигорс, я еще, так уж вышло, был обручен с его сестрой. И не успел Берт у нас и недели прожить, как его уже прозвали Бедой. Отец у него был совсем уже старый. Они торговали огородной продукцией, ну, вы понимаете, элитные овощи, парники, всякое такое... Ты в этом разбираешься? - обратился он к Полу.

- Не особенно, - ответил тот, - но я в курсе, что они дорого дерут за эту элитность, овощи плохо берут поэтому, и они пускают парники под цветы.

- Ну, считай, что ты всё про них знаешь. Так оно всё и было. Берт был у старика единственным сыном, и кто ж станет его винить за то, что он всеми силами старался уберечь его от призыва? Ведь все только ради семейного дела. Но попал он по полной. Суд и слышать ничего не захотел в день его совершеннолетия, когда ему сразу пришла повестка. Они забрили Берта, а кое-кто из старперов на скамье присяжных еще и разразился по этому поводу патриотическими речами. У нас же как принято? Все решают бумажки.

- В таких случаях очень иногда хочется, чтобы гансы на пару недель все-таки захватили Англию, - сказал задумчиво Пол.

- *Муа осси!*³ И главное, тот же самый суд, который забрил Берта, дал полное освобождение от призыва хозяину другой лавки - фермеру по фамилии Маргетт, который со своими двоими сыновьями был отцу Берта конкурентом в этом их овощном деле. Он их даже специально чуть ли не насильно в это

³ И мне! (франц.)

семейное дело втянул, чтобы от армии этих оболтусов спасти, и все в деревне про это знали. Но у Маргетта был хороший адвокат, в отличие от Вигорса. Так что все было по закону, суд был открытый, и даже в местной газете про него написали. Ну, там все как положено, «пищевые продукты как гарантия пищевой безопасности страны», «орала нужнее мечей», и эти ребята со скамьи присяжных, которые забрили Берта, уже все сидели сытые да довольные и ласково улыбались Маргетту, набив сараи даровыми капустой да горохом с его огорода. И что в итоге вышло: у папаши Вигорса дело накрылось, а Маргетты удвоили прибыль. Это и была беда Берта, и он, когда к нам попал, всем про нее рассказывал. Вот его и прозвали Бедой. Я-то все знал и был на его стороне; но ведь я еще был его начальником, поэтому надо было держать его в узде. Ведь обычно же как бывает? Один парень со своей бедой, другой парень — со своей, и пошло-поехало, боевой дух падает, эти плаксы сдруживаются между собой, образуют свои компании, и во всей части становится как-то неуютно, и у всех глаза на мокром месте. К счастью, писать письма Берт не любил и при любой возможности просто заливал свое горе из бутылки. А потом они стакнулись с Хикмотом, и только Бог знает, что они друг в друге нашли. Нет, отставить! Про Бога — это я неправильно сказал. Не в Нем дело было, а в овцах. Берт про овец много знал, ну, как и я тоже, а этот агнец кентерберийский все помалкивал да слушал, как он про них часами рассуждает, перемежая рассказ плачем о своей беде. Так они и болтали: иногда Хикмот раскрывал рот и тоже говорил про овец, и Берт был единственным во взводе человеком, с которым он хотя бы словом перемолвился. Берт ему рассказывал свои горести, тот ему — про овец, вот и все. И вот я их слушал, слушал, да еще и подначивал иногда. Потому как интересно же! Только представьте себе: этот Хикмот сроду не видал нормального дома, поля, дороги, — вообще ничего, что цивилизованный человек видит каждый день и даже не замечает. Он вообще ничего в жизни не видал, кроме овец и черномазых! А тут ему про огороды, парники и трибуналы по отсрочкам! Ну и все остальные вокруг только из бутылки отхлебывают и ржут себе в ладошку. Чертовски весело было все это наблюдать, ну согласитесь же!

- О да, это точно, — хохотнул Ортон. Пол тоже ухмылялся.

- Ну вот. И однажды — а мы тогда окопались посреди птицеферм неподалеку от Дулена, — я иду, смотрю, Хикмот как бы лепит куличики из грязи на птичьем дворе рядом с укреплением, а Берт смотрит. И он там уже успел сделать полный макет всей нашей деревни, по описаниям Берта. То есть он его составил у себя в голове, пока Берт ему рассказывал о жизни дома, а потом — раз! — и построил макет, прямо со всеми домами, с домом Маргетта, с садом, домом старого Вигорса, с обоими пабами, мастерской моего папаши, — ну, короче, все, про что ему успел Берт рассказать, он выложил из глины и грязи, ну, там, еще с вкраплениями камней и деревяшек разных. Надо было фельдмаршала Хейга позвать на это посмотреть. Но я-то как сержант должен был ему взыскание назначить за то, что он боевым штыком в грязи копался. Но вы себе только представьте: парень, который жил в пустыне со своими овцами, оказывается, имел природный дар картографии и сбора разведданных, — а то бы он там у себя просто не выжил. Я сроду ничего подобного не видал. Ну просто точка в точку все скопировал, по одним только рассказам Берта. А когда мы в следующий раз пошли на передовую, Хикмот сразу словил пулю в ногу — и всё.

- Что, конец истории? — спросил я.

- Да ты что! Только начало. Значит, это был декабрь шестнадцатого. А в январе Вигорса пристрелили. Я его похоронил и только стал закапывать — как тут бомбежка. Ну всё вокруг разворотили. Но я все равно решил его перезахоронить, просто из принципа. Я ж тоже если что решил — так будет по-моему. Просто дело в том, что похоронный обоз отказался его брать, места у них не было, куда класть. Но мы его похоронили хорошенько, так, как все родственники обычно просят сделать. Я им и написал все как положено, мол, и капеллан у нас был, и отходная молитва, и все по полной форме, и капитан, мол, про Берта хорошие слова говорил перед строем, что Берта, мол, представили к новой звездочке, что это невосполнимая потеря, ну и так далее. Это, значит, был уже январь семнадцатого. А в феврале я спасся. У меня специальность была — минирование и ночные вылазки. Для молодого свободного человека — самое оно, но всему же есть предел. У всех всё по-разному. Меня начал бесить шум, и я под конец просто стоял и думал: интересно, сколько я сейчас своих положу, если они не перестанут орать, пока я делом занят. У меня и привкус во рту появился железный, и шум в голове, - короче, все то, что врачи называют траншейной лихорадкой, и у меня каждый приказ, который я отдавал или слушал, по двадцать раз в голове повторялся, как эхо, и я в нем вычитывал какой-то особый смысл. Ну, вы понимаете, нет?

- Понимаем, понимаем, давай, продолжай, - нетерпеливо бросил Пол таким тоном, что Ортон внимательно посмотрел на него.

- Ну и вот, сами видите, у меня было три пути: или в атаку на гансовы траншеи за Крестом Виктории, или в тридцать какой-то там лагерь отдыха, или пуля от расстрельной команды на рассвете перед бруствером. Но Бог меня спас. В последние два года войны я с Ним очень подружился. Всех остальных как-то слишком быстро убивали вокруг. В тылу потребовался инструктор по гранатам и минам в учебку, и Бог вбил им в тупые головы, чтобы они выбрали меня. Они мне минут пять объясняли, я все в толк не мог взять, чего они от меня хотят. А как понял, сблевал от нервов, а потом разревелся как дитё. Ну, вы понимаете.

Толстые щеки Бевина вдруг запали и покраснели, а руками он рефлекторно пытался нащупать и поправить португею.

- Я гранаты никогда не любил, - сказал Пол. - Но учить ими пользоваться — это вообще смертоубийство.

- Не спорю, это бывает опасно, особенно когда новобранцы чеку выдернут и начнут руками трясти, примериваясь, как лучше кинуть, ну точь-в-точь китайцы из тыловых подсобных частей в лесах под Боти со своими пилами. Но зато жизнь пошла легкая, как у сержантов-ополченцев, плюс на выходные — домой. Я сразу поторопился жениться на сестре Берта, а потом началось: вот лежу я на кровати, а сам все не могу перестать думать о своем взводе, который там — на Сомме, и о том, какая я все-таки свинья. За неделю на передовой я успел заработать два Креста Виктории, ничего особо не делая, просто свои обязанности исполняя, но это же совсем не то. В общем, я был скоро уже снова готов уйти с первой маршевой ротой, просто потому что больше так не мог.

- А что стало с твоим парнем из Квинсленда? - безжалостно спросил Ортон.

- *Ту де свит. Пронто.*⁴ В мае мы получили письмо от сестры-хозяйки военного госпиталя в Брайтоне, которая писала, что у них на излечении находится солдат по фамилии Хикмер, который ждет не дождется вестей от меня, и не получив их,

⁴ Сейчас, момент (*франц., ит.*).

ни в какую не желает ехать в Рогемптон за своей новой ногой. Ну и конечно, мы потребовали, чтобы его после выписки отправили к нам. Берт о нем много писал своей сестре — моей суженой, буквально в каждом письме с фронта, ну а что такое женщины, мы все знаем. А Берт был уж такой человек — он про него очень хорошо и тепло писал. Ну я заранее ей про него все рассказал, предупредил, в общем, кто он и что он. Она не верила сначала. Потом поверила. Он же совсем не изменился. Мы было решили, что он у нас в деревне будет как белая ворона, больно уж он был ни на кого не похожий, а он наоборот — снова слился с местностью, его снова никто не замечал. И не видно его, и не слышно, и если он не хотел, чтобы его видели, его и не видели. Он действительно просто растворялся в местности. Я знал, что ему удастся это проделывать с мужчинами, но тут я снова не мог скрыть удивления: ему это и с женщинами тоже удавалось! Как ему это, черт возьми, удавалось, ума не приложу! Женщины — они же любопытные, взять хоть мою жену, и мать мою тоже. А так он и кур кормил, и дрова пилил, стоя на одной ноге, - а вместо второй у него была деревяшка, - и бегал, ну, то есть прыгал, по всяким делам для миссис Бевин, то есть моей матери, собака наша в нем души не чаяла с самого начала, хоть я ни разу не видел, чтобы он ей хоть слово сказал или погладил. Но своего места у нас в доме у него все равно не было. И вообще он был как кролик, или как фазан в овраге — пока с места не двинется, и не заметишь. А вы помните ведь, что в доме было две женщины, и обе страсть как хотели хотя бы что-нибудь про него узнать, - но так ничего и не узнали за две недели, что он у нас прожил. Ну, женщины, они такие, вы понимаете... Потом он уехал в Рогемптон за протезом. Это было в субботу. А в пятницу он пришел, молча, как обычно, на полигон, где я как раз обучал свой клуб самоубийц. А это в полудне поездом от деревни. А он был в плаще, и вот только он поближе к нам подошел — всё, опять полный *мафиш*⁵, пропал, нет его. Как кролик в кустах. Не видать ниоткуда. Он, оказывается, присел у хранилища учебных мин, куда их складывают, когда подготовят. Вообще-то это строго запрещено — там находиться. Но его же не видел никто, когда он туда забрался, как всегда. Вот посидел он там, посмотрел на нас, а потом выскочил наружу и поскакал обратно к нам домой — кур кормить в последний раз.

- А откуда ты тогда узнал, что он там был? — спросил Ортон.

- Оттуда, что я увидел, как он туда залезает, когда сам спускался в траншею. А потом у меня это вылетело из памяти начисто, и снова я это вспомнил, только уже когда на поезде обратно ехал. Да и какая разница? Если уж Хикмер решил, что его не будет видно, то и не будет. Так просто, для приличия, я спросил других сержантов, не заметили ли они кого постороннего на полигоне. Никто, конечно, никого не постороннего не видел. А в субботу днем он уехал в Рогемптон, мы его сами посадили на поезд, миссис Бевин коробку с завтраком ему в руки сунула. Такой приметный парень он был: одноногий, на костылях, в голубой инвалидной форме и защитного цвета плаще, с коробкой подмышкой. Я потом подсчитал: он за тринадцать дней, что у нас прогостил, сказал не больше дюжины слов, честное благородное слово.

А потом вот что произошло. Между двумя и тремя часами ночи с субботы на воскресенье дул сильный северный ветер, было темно, хоть глаз выколи, а я проснулся от страшной силы взрыва. И вокруг уже кричали: «Налет!». При первом же взрыве все на улицу высыпали, как черви после дождя. Через пару

⁵ Конец (*араб.*)

минут раздался второй взрыв, и мы с одним сержантом-отпускником из Шропшира стали всех загонять в убежище. И загнали. Потом была пауза, все уж утомились ждать, а потом и третий бабахнул. И все, включая меня, только тут услышали самолеты. До того их не слышно было, а потом...

Бевин замолчал.

- Что потом? – спросил Ортон.

- А потом сразу много всего случилось одновременно. Сначала мы увидели... мы – это я и шропширский сержант... ну вот, сначала мы увидели, что за домом Маргетта горит стог сена, а северный ветер раздувает его прямо в сторону другого такого же маргеттова стога, и вот они уже оба запылали. Потом при этом свете я разглядел, что у Маргетта в крыше дома дыра от бомбы, а вокруг валяются обломки, ну, как они обычно валяются, когда разлетятся в стороны. Мы туда кинулись, конечно, и сразу натолкнулись на Маргетта, который в одной ночной рубашке носился и звал мать и на чем свет стоит ругал жену. Ну так все делают обычно, когда такое случается. Вы сами разве не замечали? Миссис Маргетт скоро нашлась, она прибежала тоже в ночнушке и сразу напомнила Маргетту, что сено у него было не застраховано. Женщины – они такие, они всегда найдут время и место проявить заботу о хозяйстве. Тут же появился и старший их сын, он, правда, был в штанах, но в домашних тапочках, придерживал правую руку левой и просил вызвать врача. Ну и они помчались все вместе мимо нас к доктору, вопя, как из фламмерверфера⁶ ошпаренные.

Ну а нам что оставалось делать? Стояли и смотрели, как оно все горит. У нас же ни шлангов не было, ни огнетушителей, ничего. Там кое-кто забегал с ведрами, а еще кто-то начал вытаскивать маргеттовы пожитки из дома, но их младший сын начал орать: «Не трожьте! Не трожьте! Этак все разворуете!». Ну они и бросили это дело. Дом догорел, крыша обвалилась. Если честно, и дом-то был – плюнуть да растереть, махонький, грязный, тесный, его бы сильным порывом ветра начисто сдуло, но для нашей деревни он был чуть ли не виллой, куда там! Остальные-то еще неприметнее да хуже. Мы сразу поняли, что к стойлу маргеттову пробиться не сможем, потому что там как раз его стога горели, но потом увидели, что лошадям кто-то когда-то раньше двери открыл и теперь они пасутся на новом маргеттовом огороде, который он для расширения производства взял в аренду у старого Вигорса, когда у того дела пошли на спад. Я всегда лошадей уважал за то, что они никогда не забывают поесть, прям как артиллеристы. Они там тоже спокойно так паслись и завтракали морковкой да луком, пока младший Маргетт не примчался с оглоблей и не погнал их с огорода, а они тогда ломанулись прочь, потоптали парники и порезались осколками стекла. Ну, в общем, у нас такой был тогда кавардак, прямо как в России, все бегали, сталкивались, каждый лучше всех знал, что делать, и всем приказывал, но никто никого не слушался. А когда рассвело мы подсчитали потери. Дом, два стога и стойло – полный *мафши*, в большом парнике побиты стекла, и система отопления выдрана с мясом. Все лошади и штук пятнадцать коров – с соседнего поля, которым мясник владел, – опять пасутся на новом огороде. В общем, поле битвы после битвы: лошади, обломки, осколки, трава, овощи, – все всмятку.

- А в остальной деревне что-нибудь пострадало? – спросил я.

- Я как раз к этому подвожу. Вот что странно: я бы не сказал, что были еще какие-то серьезные разрушения. Я тогда тоже держал в аренде кусок поля для

⁶ Огнетет (нем.)

своих кур недалеко от Миркрофтской усадьбы. Купил его под застройку, а там была канава на спуске, и я все хотел ее плотинкой перегородить, чтобы пруд налился для уток миссис Бевин.

- А-а, - сказал Ортон, поворачиваясь вместе со стулом.

- Так ты думаешь, они мне дали это сделать? Не с моим счастьем. Прискакал правительственный агент и начал орать, что я государственную водозаборную систему нарушаю. А я всего-то и хотел, что берег немного срезать в той части, где канава сужалась, и я бы тогда из трех досок сколотил бы для воды порожек, как мы в траншеях делали. И так вышло, что первая же бомба, та, которая меня разбудила, всю работу сделала за меня, да еще лучше, чем я сам бы сделал. Она упала прямо под бережок, и он аккуратно так в воронку сполз одним пластом. И вот у миссис Бевин появился пруд для уток, а правительство уже ничего не могло сделать против действия непреодолимой силы.

- А что Хикмот? – спросил Ортон, ухмыляясь.

- Подожди! Собрался, конечно, местный совет, чтобы подать прошение о компенсации ущерба, и полисмен со мной вместе пошел по развалинам рыскать, а потом еще около трех часов дня в понедельник приехал на машине из города эксперт-подрывник. Он пошел с Маргеттами переговорить, а они все в больнице и ну просто вне себя от злости и страха. А потом он пошел обратно и увидел, что утиный пруд у меня как раз налился.

- И что он тебе сказал? – спросил Пол.

- Он все сразу понял. Вечером пошел в деревню поужинать и рассказал. Он сказал, что все улики указывают на то, что это просто повезло какому-то немцу, который летел себе домой и наудачу сбросил оставшийся боезапас на нас. Мол, ничего страшного, не берите в голову. Ну никто и не брал, кроме Маргеттов, конечно. Он еще сказал, что, по его мнению, это были какие-то зажигательные бомбы нового типа, а он, мол, уже давно там у себя всем говорил, что гансы такие начнут делать. Не думаю, что человек, по натуре своей, злее, чем Бог ему назначил. Нет, не думаю. Но шропширский сержант говорил...

- А сам-то ты что думал по этому поводу? – перебил его я.

- А я не думал. Я уже знал к тому времени. Я, конечно, не Шерлок Холмс, но я два года их на завтрак и обед ел, просыпался с ними и спать ложился, собирал и разбираю, кидал и поднимал, так что уж чем начиняют ручные гранаты Миллса, я хорошо знаю. И как осколки учебных мин выглядят – тоже. И я нашел их все три. Там со второй получилось смешно, которая взорвалась в парнике у Маргеттов. Хикмот, судя по всему, открыл заслонку в бойлере, угли выгреб, ее туда засунул, а заслонку назад вернул. Она сработала просто на отлично. Ни одной целой стены не осталось – все кирпичи по двору разлетелись вперемешку с овощами. Было похоже на то, что немцы оставили от той деревни, где мы в войну окопались, от Сент-Фирмина.

- А как ты тогда объяснишь, что этого парня, как бишь его, в руку ранило? – спросил Пол.

- Да это костыль! – сказал Бевин. – Если бы ты или я захотели сделать то, что он тогда сделал, мы бы потом изошли, на одной ноге шкандыбая да раскачиваясь, ну и нас непременно бы словили еще на полпути к первой цели. А вот Хикмот сумел. Причем я уверен, как Бог свят, что он даже не посчитал нужным особенно как-то прятаться и все делал, стоя во весь рост, а росту в нем было под метр девяносто. Я вот как это вижу. Сначала он обустроил для миссис Бевин утиный пруд. Мы же с

ней при нем это обсуждали десятки раз, вот он и запомнил, что нам нужно. А нужен нам был пруд. Вот он на досуге пошел и нам его обустроил. Потом он, наверное, пошел к Маргеттам и там поджег им первый стог, отлично понимая, что ветер за него это дело доделает и подожжет второй. Тогда старший маргеттов сын увидел, что стог горит, и выскочил во двор, а Хикмот уже успел схорониться у задней двери под порогом, и как только тот на него выскочил, он его за ногу костью-то и сдернул. Мы так с гансами делали, когда они из схронов вылезали. Они еще так шурились смешно от света... Ну вот, а потом он пошел и открыл двери стойла, чтобы лошади вышли и не перемерли. Потом он бросил на крышу маргеттова дома первую мину, потому что сначала поглядел, увидел, что второй стог тоже занялся, и решил, что к этому моменту уже все из дома-то повыскочили. Понимаете?

- А зачем тогда тратить мину на дом? - не понял Ортон. Его стеклянный глаз победно сверкал, как живой.

- Для прикрытия, естественно. Он же имитировал воздушный налет. Когда Маргетты высыпали из дому во двор, он направился от дома к парнику, потому что для Маргеттов это был главный источник заработка. После этого - иначе просто непонятно, откуда взялось столько чужого скота, который мы нашли на огороде, - он пошел на соседнее поле, к мяснику, открыл там загон и погнал коров на помощь к лошадям. А уже потом, когда закончил все дела свои, которые на эту ночь назначил, я вам чем хотите поручусь, что он затаился где-то, забился в ямку метрах в пятидесяти оттуда, как объевшийся вомбат, и хихикал, глядя на все это огненное представление, которое перед его глазами разворачивалось. А мы вокруг него все это время бегали и снова не замечали. А потом он поспал немного и пошел на поезд до Рогемптона, прямо как спланировал. А я уверен, что спланировал он все заранее, еще за много недель.

- Он что, все поезда там знал? - спросил Пол.

- Спроси что-нибудь полегче. Я только точно знаю, что если уж он решил откуда-нибудь уехать и куда-нибудь приехать, и чтобы его при этом никто не видел, то он так и сделал.

- А мины у него откуда? Он же явно их у вас стащил, - продолжал Пол.

- Ну а ты думаешь, я не понял? Он не меньше часа сидел на полигоне, пока я учил новобранцев, наблюдал за нами из канавы у хранилища учебных мин, прикрывшись плащом. Конечно, у нас он их и спер. Взял ровно столько, сколько было нужно, ровно три, потому что больше ему было просто незачем.

- Ты когда-нибудь виделся с ним потом? - спросил Ортон.

- Да, в Брайтоне, где-то через месяц после того, как он уехал за ногой в Рогемптон. Ну, вы помните, как ребята в инвалидной форме сидели там рядком на пирсе и все вместе подпрыгивали, когда в гостиницы у них за спиной привозили уголь и ссыпали по рукавам в подвал? Я столкнулся с ним у «Старого корабля» и сразу рассказал про наш «воздушный налет». Я рассказал ему, что Маргетт совсем тронулся и ходит теперь, все время глядя в небо, и созывает собрания местного комитета по взысканию ущерба, да сам один на них и ходит. Еще рассказал, что старый мистер Вигорс скупил то, что осталось от дела Маргетта, - а там не очень много осталось, - и что утки миссис Бевис чувствуют себя отлично в новом пруду. Это все ему, как мне показалось, было не шибко интересно. Он отказался еще у нас погостить. Мне показалось, что мы для него уже такое давнее прошлое, что и возвращаться смысла нет. Это же по человеку

всегда видно. Он хотел на своей новой ноге как можно скорее вернуться в свои места, затерянные в пустыне, к овцам и черномазым. Наверное, он уже туда добрался, и никто по дороге его не заметил ни разу. Но под конец он все же проговорился, Богом клянусь! Уже стоя на остановке в ожидании трамвая, которым мы добирались до вокзала, я обмолвился, мол, мы благодарны тому фрицу, который в одну ночь и Маргеттов прищучил, и нам прудик сообразил. И миссис Бевин меня поддержала. Ну не могли мы сдержаться, что ж поделать. И тут Хикмот открывает рот и говорит так тягуче, словно он язык успел позабыть: «Да горите вы все в аду. Берт был моим другом». И больше ничего. Я вам точно передаю, что он сказал, слово в слово. Очень не хотел бы я, чтобы австралиец меня посчитал своим врагом или врагом своего друга, вот что я вам скажу. То есть я ничего не имею вообще против австралийцев, брат Ортон, но уж что правда – то правда, вы не такие, как мы, или как вообще все остальные.

- Ну а тебе это надо? – спросил Ортон.

- Нет, нет, пусть все будут разными, так мир интереснее. Ну а теперь... - Бевин достал из кармана золотые часы. - Если я сейчас не выйду, то опоздаю на последний поезд.

- Да пусть себе уходит, - спокойно сказал Ортон. - Тебе же не привыкать ловить попутки, а, сержант?

- Ну я тогда был килограмм на двадцать полегче, сапер... - улыбнулся Бевин.

- Да ладно, я тебя подброшу до дома еще до рассвета. Я же теперь грузоперевозками занимаюсь на линии Лондон-Оксфорд. У меня сегодня одна машина порожняком пойдет до Оксфорда по шоссе Воксхолл, так она и к тебе может завернуть.

- Господи! И я что же, снова увижу рассвет? Столько лет не видал... - улыбнулся Бевин. - Мда-а, а ведь и у нас в аду бывали иногда веселые деньки, правда, Австралия? – И он снова потянулся поправить несуществующую португую.

У Врат

Если Порядок наверху есть лишь отражение Порядка внизу (как утверждает древний мудрец, который кое-что понимает в Порядке), то беспорядки в Департаменте Смерти – тоже в Порядке вещей. Неуклонно падающий уровень смертности в мире, неуклонный же рост количества смертельных болезней, течение которых наука выучилась продлевать, тем самым держа в томительном ожидании все заинтересованные стороны, - все это ослабило стремление Некрологического департамента проявлять какую бы то ни было инициативу. Начало Войны застало его сотрудников врасплох, точно так же, как и все цивилизованное человечество, и, как и человечеству, им пришлось действовать на собственные страх и риск и стараться свалить вину друг на друга пред Небесным Взором.

Сам Ангел Смерти сказал Святому Петру, который на минутку отошел от Врат передохнуть:

- Ну что же делать, приходится работать с тем, что есть, и стараться не опозориться, но...

- Да знаю я, - сочувственно отозвался добрый святой. - Даже при условии, что я собрал всех, кого мог, приходится самому стоять на воротах по двадцать четыре часа в сутки.

- Ну а что там добровольцы у вас, есть от них какая-то польза? – продолжал Ангел Смерти. - По-моему, проще самому всё делать, так, по крайней мере, будешь уверен, а если...

- От этой привычки нужно отказываться, - возразил Святой Петр. - Конечно, в чиновничьей работе постепенно костенеешь, уж сколько их упало в эту бездну... Ну что еще? - Он наконец обернулся к ходившему за ним по пятам серафиму с обиженно поджатыми губами, который все пытался подсунуть ему на подпись

рапорт об отчислении. Петр просмотрел бумагу. - Рядовой Р.М. Бакленд, - прочел он, - по обвинению в говорении, что Бога нет. Это всё?

- Он говорит еще, что готов это доказать, сэр, а согласно Правилам внутреннего распорядка...

- Если бы вы сами выучили в свое время Правила, вы бы знали, что «сказал безумец в сердце своем: нет Бога». Вот вам и решение: наверняка контузия. Рефлексы проверяли?

- Никак нет, сэр. Но он все время повторяет, что...

- Отставить! Пропустить немедленно! И скажите там кому-нибудь, пусть с ним подискутируют, что ли. Приведите ему доводы там, не знаю, потяните время, пока Святой Лука не освободится. Еще есть что-нибудь?

- Характеристика на медсестру, сэр. Она проработала в госпитале два года.

- Долгонько, - сурово протянул Святой Петр. - Наверное, успела подрастерять Усердие.

- Вот ее гражданская характеристика, сэр. Я решил, что лучше ее сначала вам показать. - Серафим протянул ярко-алый листок.

- В следующий раз, - ответил Святой Петр, сложив листок пополам и подписав уголок, - заполняй на таком... ну, другого цвета... не помню, другого... бланке, а потом ставь гриф Q.M.A. и сразу пропускай. И не думай о всяких глупостях.

Серафим вспорхнул и скрылся за сияющими Вратами.

- Что это за отдел такой — Q.M.A.? - недоверчиво прищурился Ангел Смерти.

Святой Петр хохотнул:

- Это не отдел. Это статья: «*Quia multum amavit*»⁷. Очень удобная статья. Уж я ее так научился растягивать... Так, ну а интересно, от чего все-таки умерло это дитя.

- Сейчас спрошу, - сказал Ангел Смерти и отошел к телефонной будке. - Барышня, мне Отдел военной регистрации и аудита. Да, английская сторона. Нестроевые. Последние поступления. Да вовремя подавали заявление, вовремя! Да... да... медсестра... госпиталь... Франция... Нет! Нет, не «природная и приравниваемая к ней». Я вам говорю... - Он обернулся к Святому Петру: - Так какая, говорите, там у вас записана причина... так сказать, поступления? Ну что «какая причина»? Что у вас там написано? Ага, ну вполне естественная причина: острая сердечная недостаточность вследствие развившегося от недосыпания и переработки плеврита.

- Отлично! - потер руки Петр. - Значит, пойдет на усиленный паек по норме НБТЛ: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих». Но могли бы, вообще-то, и раньше моим людям позвонить.

- А что это у тебя за сотрудник? Ну, который сейчас тут был? - спросил Ангел Смерти. - Он у тебя весь такой правильный, да?

- Да они все сейчас пошли такие, - ответил Петр. - Молоденькие Власти с недоделанной Вселенной под началом. Жизни еще вообще не знают, витают в облаках.

Ангел Смерти вздохнул:

- Вот у меня то же самое со стариками — начальниками отделов. Этих живых ископаемых, особенно в отделе Стандартной Гражданской, ну ничем не убедишь, что в это новое время мы просто последнее издыхаем. Да ты заходи — поглядишь на них. Тебе понравится.

- Отчего же не зайти. И зайду, вот только... подожди, сейчас, минутку, тут мой

⁷ За то, что возлюбила много (лат.)

аккуратист снова пикирует с фланга.

Серафим рапортовал о прибытии к Вратам крайне перегруженного конвоя и испросил у Святого Руководства совета, что с ними всеми делать.

- Значит так, я сейчас отбываю на межведомственную инспекцию, и некоторое время меня не будет, - сказал Святой Петр. - Учитесь работать самостоятельно. Поэтому сейчас я на пару часов оставляю вас здесь за старшего и ненавязчиво вам советую, совершенно не пытаюсь задушить вашу производственную инициативу и не стараюсь оказать влияние на принятие вами решений, все-таки пригласить Святого Павла, Святого Игнатия... да-да, именно Лойолу, и... ну, скажем, Святого Христофора, чтобы они как Надзирающие Заседатели Приемной комиссии вам помогали. Игнатий — один из самых утонченных умов в наших краях, офицер, джентльмен, его слово дорогого стоит. Уверяю вас... - Святой повернулся к Смерти. - ...что он весьма искусен в диалектике. Если ему не чинить препятствий, он любого грешника простит. А Святой Христофор пропустит вообще кого и что угодно, только б оно было мокрое и грязное.

- В новых поступлениях они почти все такие, сэр, - сказал серафим.

- Тем лучше. И как я уже говорил, Святой Павел — подон... подобно многим нашим сотрудникам, очень крепкий работник. Но у всех нас свои слабости. Может быть, время от времени потребуется ему напоминать о том, что сам он плывал моряком по Средиземному морю... и посмотрите еще, как там назывался его корабль, вам же не трудно, да? Порт приписки по реестру — Александрия, если мне не изменяет память. Реестр бывает полезно почитать, особенно ввиду этих участвовавших морских катастроф. И конечно, даже не буду отдельно повторять: не будьте так жестоковыжны. Это ваш бич... ну, то есть недостаток. В смысле, на публике — пожалуйста, укоряйте их и стыдите, сколько хотите, но... - Голос святого дрогнул. - Но дитя мое, вы и представить себе не можете, как это — ждать прощения. Будьте с ними поласковее... очень сильно поласковее!

Метнувшись молнией падающего света, серафим облобызал сандалию святого и был таков.

- Ха-ха, - без особой радости сказал Петр. - Не особенно он теперь и разгуляется с такой Приемной комиссией-то.

И они пошли к огромному главному зданию отдела Стандартной Гражданской Смерти, которое по крыши утопало в строительных лесах и напоминало поэтому сложенную шахматную доску, заваленную костяшками домино. Они шли по кварталу, разделенному прямыми улицами, пересекавшимися под прямыми углами и застроенными по обе стороны приземистыми длинными зданиями, под завязку забитыми трудящимися не покладая крыльев серафимами.

- Это нам такие временные помещения выделили, - объяснял Ангел Смерти. - Все расширяются и расширяются. Вон там — Военный отдел. А в отделе Стандартной Гражданской ничего не меняли. Они там человечнее человек.

- И у меня язык не поворачивается их за это осуждать, - сказал Святой Петр.

- Само собой. Мне еще надо отработать одну душу, для которой даже ты не найдешь оправдания, - ласково сказал Ангел Смерти. - Но я, правда, и комиссий особых по приему не формирую.

- Если руководитель не помогает персоналу, персонал сам себе помочь не может, - рассмеялся Святой Петр, между тем как они уже вступили в тень, отбрасываемую главным входом отдела Стандартной Гражданской Смерти.

- Ну и фасад у вас, прямо как в Ватикане, - заметил святой.

- В любом случае, в консерватизме мы от них не отстаем. Сейчас увидишь – у них форма еще гольбейновская. Доброе утро, сержант! Как оно? - воскликнул Ангел Смерти, распахивая пыльные двери и кивая швейцару, действительно облаченному в мрачную ливрею - «одежды смерти», по эскизам еще Ганса Гольбейна.

- Печально. Очень печально, сэр, - ответил швейцар. - Столько поступает несчастных дам и господ, сэр, которые еще ой как могли пожить пару годков. А их сюда теперь шлют буквально пачками отовсюду, да еще и наспех, без достойных похорон...

- Ну вы только подумайте... - сочувственно протянул Ангел Смерти. - Да и мы с вами не молодеем, а, сержант?

Они поднялись по резной лестнице, завешенной продукцией погребальных контор со всего света. Ангел Смерти остановился на лестничной клетке чистого абердинского гранита и кивнул вестовому у дверей.

- Сегодня очень много дел, сэр, - прошептал вестовой, - но я думаю, его величество вас примет.

- Как так? Если не ты начальник отдела, то кто? - прошептал Святой Петр.

- Хочешь – сам спроси, - ответил его спутник. - А я только... - и запнулся, но потом продолжил. - Ну, короче, дело в том, что нашим отделом Стандартной Гражданской Смерти руководит некое Существо, которое является всем тем, чем являюсь я и гораздо больше того. Это Смерть как ее придумали люди – по своему образу и подобию. - Он указал на медную табличку рядом с завешенной черной портьерой дверью. Там значилось: «Стандартная Гражданская Смерть, Ц.П., Ц.У., Ц.Д., Б.П. и т.п.». - Человек человеком, если честно.

- Оно и видно. Я сразу понял по этим буквам. Что они значат вообще?

- Как что? Звания, которые ему наприисваивали в разное время: Царь Призраков, Царь Ужасов, Царь Духов, Бледный Покоритель, ну и тому подобное. Нет, возразить нечего, он их все заслужил. Он человек исключительного ума, но вот только чуть-чуть выскоч...

- Его величество расположены вас принять, - сообщил вестовой.

Его Величество Гражданская Смерть оправдал все их ожидания и вполне соответствовал своим имени и титулу. Никто из земных владык не принял бы их с таким величием и такой милостью, а также – в случае Святого Петра – со свидетельствами такой выдающейся избирательной памяти на лица, отличающей истинных королей. Но стоило Ангелу Смерти спросить его, как идут дела в учреждении, он мгновенно сдулся и снова стал просто начальником отдела, обуреваемым хлопотами и заботами.

- Из-за этой войны, - начал он брюзгливо, - мы тут в СГС постоянно вынуждены теперь бороться за существование. Этот ваш новый Военный отдел, судя по всему, думает, что, кроме войны, теперь вообще ничто не важно. У меня оттяпали две трети архивных ангаров в подвале, от Е-7 до Е-64, под вновь созданный департамент Регистрации и аудита польских жертв среди гражданского населения. Какая нелепость! А мне куда прикажете архивы девать? Только мы их каталогизировали!

- Насколько я понял, - вставил Ангел Смерти, - Военный отдел подавал заявление на конторское помещение у вас в подвале, а архивы ваши они обещали оставить там, где были.

- Ну а как иначе? Они же могут нам понадобиться в любую минуту! Ну вот,

пожалуйста, например, прямо сейчас есть дело, которое может представлять интерес для всех нас: некая миссис Оллерби из Вустершира. В настоящий момент умирает от наследственного заболевания, может умереть в любой момент. То есть нам может понадобиться ее личное дело, а где нам его взять, если наш подвал отдают чужим сотрудникам, на которых мы не в состоянии оказывать никакого административного влияния? Они просто пользуются этой войной, чтобы прикрывать халатность и безответственность на местах.

- Действительно, - согласился Ангел Смерти. - Просто удивительно. Я думал, СГС всё это не коснется...

- Пару лет назад я бы с вами согласился, - ответил руководитель СГС. - Но после этого... этого недавнего неуправляемого всплеска смертности, к нашему отделу попросту утратили всякое уважение, даже какое раньше было. И это отражается на работе. И на престиже самого отдела. Ведь чиновник есть то, чем его считает общественность. Вне всякого сомнения, это лишь временное явление, но любой человек со стороны может это заметить, попав сюда. Может, хотите сами посмотреть? - Он наклонился к Святому Петру, который уже начал смущенно ерзать на стуле и сразу спросил, не отнимает ли он время у такого занятого человека.

- Ни в коем случае! Если я не слуга народа, то кто же я? - воскликнул глава СГС и повел их вниз по лестнице в конторские помещения. - Значит так! - говорил он, пропуская их вперед себя в тускло освещенную комнату. - Здесь у нас Международный Погребальный подотдел, МПП, как мы говорим. Он на постоянной связи с регистрацией и аудитом. Просто плакать хочется, когда подсчитываешь, сколько миллиардов мы теряем по всему миру и среди всех народов в эти дни на последних почестях. - Он остановился за спиной совсем лысого клерка, сидевшего за столом. - Но мы все равно здесь учитываем каждую копейку, правда? Ну вот что у вас сейчас, например?

- Погребальная смета покойного мистера Джона Шенкса Тэннера. - Клерк отодвинулся от лежавшей на столе толстой тетради на пружине. - Урезана душеприказчиками со 173 ф. 19 ш. 1 п. до 47 ф. 18 ш. 4 п. в связи с войной. С вашего позволения, это плачевно, ваше величество.

- А как к этому отнеслись живые? - спросил руководитель.

- Очень спокойно. - Он понизил голос: - Мотокатафалк, ваше величество.

- Вот видите, дурной пример подхватывают и низшие классы! - пробормотал тот. - Вечная спешка, отсутствие благоговения перед Страшной Вестью, небрежность при отдаче Последних Почестей и...

- Ну а что люди по-настоящему чувствуют? - перебил его Петр вопросом к клерку.

- Это не входит в сферу нашей профессиональной компетенции, сэр, - ответил клерк. - Однако что нам точно известно, сэр, так это что они теперь, знаете ли, даже не всегда закупают в должном количестве открытки с траурной каймой.

- Боже мой! - даже раздулся от гнева начальник СГС. - Не закупают открытки! Нужно самому этим заняться. Простите, Святой Петр, но мы, слуги человеческие, как вы знаете, себе не принадлежим. Открыток они, значит, не покупают!

Он довольно официально помахал им рукой и ушел в стенную панель.

- Ну пошли, - сказал Ангел Смерти. - Наконец-то отвязался.

И они пошли дальше, и дошли до конца большой плохо освещенной комнаты. Клерки за столами даже не пытались притворяться, что работают. Вошел

посыльный и шваркнул на стол маленький валик для фонографа.

- Эй, кто там? - крикнул он. - С пылу с жару, последние слова умиравшего мистера Уилбрахама Латтимера в записи. Концовка ему удалась.

- Латтимер — молоток! - раздался молодой голос из глубины комнаты. - Выкладывай!

- Значит так, - сказал посыльный, - Латтимер говорит брату: «Берт, у меня сейчас нет времени беспокоиться о таких пустяках, как то, что я помираю, да и у тебя его тоже нет. Так что давай возвращайся себе на Сомму, а я уж как-нибудь с тетей Марией со всем этим тут управлюсь. И ей будет приятно, и тебе полегче». Вашему шефу понравится.

Посыльный присвистнул и вышел. Валик со стоном взял со стола клерк.

- Ну как его теперь, черт меня возьми, приобщить к делу? - сказал он. - Подай-ка сюда дело нашего любимого Гэнтри Табнелла, думаю, придется опять с него списывать.

- Ты поосторожнее там, - прошептал ему коллега, передавая через стол лист машинописи: - Я с утра уже раза два Табби попользовал.

Покойный мистер Табнелл явно успел нагрешить перед принятыми в этом учреждении нормами делопроизводства, потому что листок с его анкетой был порядочно захватан пальцами. Ангел Смерти и Святой Петр с любопытством наблюдали за происходящим.

- Не впихивается сюда тетя Мария, ну никак! - наконец выдохнул клерк. - Так, слушайте все сюда! У нее порок сердца. Она умирает, поднимая страдающего водянкой Латтимера с кровати, чтобы сменить простынь. Она говорит: «Прости, Вилли! Из меня никакая сиделка». Потом присаживается на кровать и дает дуба. Вот это, я считаю, повезло! А теперь я попытаюсь спихнуть это всё в Военный отдел под видом косвенной жертвы и хоть немного передохнуть.

- Вот и передохнешь в котле тогда, - сказал ему сосед по столу.

- Мне не привыкать, - отмахнулся тот.

- Да неужто? - вмешался Ангел Смерти, внезапно выходя на свет из-за высокого попитра для настенных карт. - Вы кто вообще?

Клерк закутался в свою робу с изображением костей.

- Я не в штате, сэр, - промямлил он. - Я... я доброволец, просто хотел проверить, как люди себя ведут в нештатной ситуации.

- Правда? Тогда берите бумаги покойных мистера Уилбрахама Латтимера и мисс Марии Латтимер и бегом в справочный стол Военного отдела. А когда их у вас примут, доложите дежурному, что направлены в штрафной наряд... скажем, в отдел жертв Дружественного огня, 7ЖД.

Клерк немного пришел в себя и зашевелил пересохшими губами:

- Сэр, но я... я, сэр, вообще-то из Нижнего подразделения.

Долго объяснять не потребовалось. Его всего трясло, как при падучей, с головы до ног, а ведь никто под Небесами не трясется так, как принадлежащие к роду, который «верует и трепещет».

- Вы мне это говорите как официальное лицо или просто как тварь — твари, - после паузы осведомился Ангел Смерти.

- Неофициально, конечно, неофициально, сэр, просто чтобы вы тоже были в курсе.

Его пораженные ужасом коллеги не смогли сдержать улыбку, видя, что, оказывается, Ангел Смерти тоже не всеведущ. Ангел Смерти прикусил губу.

- Не думаю, что Военный отдел будет возражать, - сказал он. - И да, кстати, они там больше не носят эту форму.

Не успел Ангел Смерти договорить, как балахон полетел на пол, и вместо совершенно обычного рядового клерка отдела Стандартной Гражданской Смерти перед ними стоял, расправляя затекшие перепончатые крылья, кудрявый остроухий бес из Пекла. На лопатках у него, однако, прямо в месте крепления крыльев, наблюдались несколько сизых перьев, которые словно грозили постепенно распространиться на всю спину. Святой Петр улыбнулся: это считалось признаком особой Милости.

- Слава Богу! - воскликнул бывший клерк, схватил дело Латтимера и грянул вниз сквозь пол.

- Аминь! - ответили Ангел Смерти и Святой Петр и вышли в дверь.

- Ты, по-моему, что-то там говорил чуть раньше про то, что я на все смотрю сквозь пальцы? - невинно спросил Петр через пару минут.

- Если руководитель не помогает персоналу, персонал сам себе помочь не может, - парировал Ангел Смерти. - Ну что же, теперь придется провести жесткое полуофициальное расследование, чтобы понять, почему это они в СГС принимают на работу черт-те-кого без должного освидетельствования, причем с этим нужно будет управиться до того, как они опомнятся и начнут писать всюду жалобы на меня за то, что я вмешиваюсь во внутренние дела отдела. Прямо как люди! Если думаешь, что тебе пора к Вратам, то короткий путь — вот здесь, через казармы.

Через боковую дверь они снова вышли в Сияние Полного Света Небес. Фаланга блистающих воинств с песней маршировала по плацу.

*Тот, кто небо сотворил и его светила,
Тот, кто море нам налил, Чья святится сила,
Он престол Свой утвердил прямо в самом небе...*

Ангел Смерти остановился и козырнул их начальнику. Тот подбежал:

- Осмелюсь доложить, сэр, строевая подготовка добровольческой вспомогательной бригады, - отчеканил серафим. - Поступили через отдел Нестроевых потерь, получили приказ помогать своим, чем смогут.

Коробка воинов промаршировала дальше. Вокруг по одному и группами носились Силы, Власти, Престолы, Господства, Славы, Чести, Веры и Любви в таких количествах, которые не снились даже самым отъявленным праведникам. Ангел Смерти и Святой Петр не торопясь двинулись в казарму отдела Нестроевых потерь, где, судя по всему, работа застопорилась.

На стенной панели телефонной линии высветилась строка: «Миссис Артур Бедотт, Портсмут-авеню, 317, Брондесбери. Муж тяжело ранен. Один ребенок». Далее следовал ее диагноз.

Серафим, сидевший на возвышении перед рядами собравшихся у входа добровольцев из вспомогательного подразделения, кивнул и поманил одного из них пальцем. Один из новеньких с нашивками исполняющего обязанности Веры сорвался с места и унесся в направлении Земли.

- Можешь забрать себе, - сказал Ангел Смерти Святому Петру. - Там сейчас начнется сочинение целого эпоса про то, как рядовой Бедотт понес ранение за своих жену и крошку-Бедотта. А нам... - протянул он, снова слышав хлопанье

крыльев, - нам тут не светит.

Влетел и грузно приземлился на пол серафим, перья у него топорщились во все стороны, меч был погнут и зазубрен, на лице еще играли страсти нижнего мира, из которого он только что вернулся, а от грязной хламиды отчетливо несло спиртным. Он хрипло произнес какое-то женское имя и продолжил:

- Провал, полный провал! Вот, полюбуйте! - Он показал всем свой меч. - Чуть совсем не обломал об ее бутылку!

- Тоже мне воин! - брезгливо ответил Старший Серафим. - Что ж, попробуем еще раз.

Он снова поманил пальцем, и из толпы вышел тот самый бес, которого Ангел Смерти погнал из отдела Стандартной Гражданской.

- Пойдешь ты! - приказал серафим. - С волками жить — по волчьи выть. Гордыни тебе хватит?

Это был лишний вопрос. Бес буквально излучал ее, она со свистом вылетала из его раздувавшихся ноздрей. Даже не отдав честь, он распахнул крылья и бросился вниз, а за ним, закручиваясь в вихре, устремились стопки машинописных анкет, сложенные на столах.

Святой Петр одобрительно хмыкнул:

- Этот-то ее научит гордыне, не сомневайся. Этот-то станет всем для всех, как говаривал наш добрый друг Павел. Ну, правда, я его обычно поправлял, мол, хорошо бы «всем, чем положено, для всех, кому положено». Красота!

- Это очень трудно, - прошептало откуда-то Терпение с печальными глазами. - У меня прокол за проколом. Мне теперь только к старым девам дорога.

На стенной панели снова загорелось сообщение, на этот раз срочное и множественное: «Несколько тысяч человек, измождены телесно и душевно». Конечно, вызвали Терпение.

- Ну вот, опять! - Оно пожало плечами, комично изображая отчаяние, и упорхнуло, легко и небрежно, как рассветный бриз.

- А почему все это идет в отдел мирных жертв? - спросил Петр. - Они же там в траншеях сидят, я слышал, как грязь чавкает.

- Да это опять что-то связисты напортачили, - ответил раздраженно серафим. - У них постоянно там волны накладываются или что.

- Да, судя по всему, - кивнул Петр, между тем как в громкоговорителе раздалось приглушенное абсолютно безголосое пение под аккомпанемент беспорядочных хлопков.

- Только люби, только люби, как ангелы любят. В небо гляди, в небо гляди... чик!

Песня оборвалась. На панели снова появилось имя. Серафим строго прищелкнул крыльями, и все посмотрели на него.

- Вольно, - сказал серафим. - Он ее встретил.

- Кого ее? - спросил Святой Петр.

- Мать его. Ради романтики позабудешь про болезнь, - сказал Ангел Смерти. В толпе добровольцев раздались приглушенные смешки.

- Ну и слава Богу, - сказал Святой Петр. - Я-то сам — нет. Но извини, мне уже пора.

- Подожди минутку, здесь у нас проблемка, кажется, - остановил его Ангел Смерти.

Панель часто замигала: три коротких вспышки, три длинных, три коротких.

Времени раздумывать не было.

- Имя! Имя! - крикнула какая-то молодая Вера. - Имени не разобрать!

Но никакого имени не высвечивалось, только сигнал «SOS».

- Наверняка ложная тревога, - примирительно проговорил Труд с грубо вытесанными чертами лица: он явно был привычен к причудам человеческой природы. - Небось какой-нибудь дурак внезапно обнаружил, что у него, оказывается, имеется душа. Теперь она у него обязана трудиться. Полечу-ка я его полечу.

- Тихо! – крикнуло Добро, потрясая кулаками. Все прислушались.

- Ну что, всё плохо? - спросил наконец Ангел Смерти.

- Не регистрируется, сэр. Имя не сообщают, - отрапортовал Старший Серафим. Сигнал «SOS» становился все отчаяннее, пока не затих внезапно на самой душераздирающей ноте. Добро поежилось.

- Расстрельная команда, - шепнуло оно Святому Петру. - Этот звук ни с чем не спутаешь.

- Что? - не понял Петр.

- Дезертир, шпион, убийца, кто-то типа того, - весомо произнес Старший Серафим. - Они их из-под нашего надзора вывели. Так мне тут! Смирно! Имя высветилось.

И действительно, оно появилось на пару секунд, помигало и снова исчезло, но на этот раз его уже успели записать с полдюжины служащих. Святой Петр, не говоря ни слова, подобрал полы хламиды и целеустремленно зашагал к двери и дальше – в направлении Врат.

- Не торопись, - ухватил его Ангел Смерти за локоть. - Тут такая заваруха, что твои еще не скоро хватятся.

- Разве в наше время угадаешь? Да и в любом случае, сейчас эти из Нижнего подразделения на него набросятся как стервятники. Им как раз такой и нужен для рекламы. Дезертир, предатель, убийца... С дороги, с дороги, детки!

Группа хохочущих детей, окружавших рыжеволосого мужчину, который рассказывал им сказки, разбежалась в стороны. Мужчина обернулся к Петру.

- Дезертир, предатель, убийца... - повторил он. - Помощь не требуется?

- Еще как! - обрадовался Петр. - Марш-марш аллюром «три креста» к Вратам и скажи им там, что я налагаю прещение на отчисления вплоть до моего прихода. - Мужчина бегом устремился в указанном направлении, а Петр кричал ему вдогонку: - А потом сам встань у входа во внешний двор и никого не выпускай, чтоб и муха не пролетела, смотри мне!

Но Ангел Смерти был прав: торопиться было некуда. Толпа у Врат собралась такая, что пропускная способность Приемной комиссии, вне всякого сомнения, упала до нуля, а по прибытии Святого Петра помощник сообщил, что за время его отсутствия очередь выросла вдвое.

- Мы и так делаем все, что в наших силах, - оправдывался серафим. - Но задержки просто неизбежны, сэр. Я уже удвоил стражу сопровождения и послал запрос на новое подкрепление. Вот список откомандированных, сами посмотрите: Д'Арк Ж., Брэдли Ч., Баньян Дж., Кальвин Ж. Список передан мне сей момент Искаротом И. на ваше утверждение, и если позволите, они будут посланы сюда. Также Шекспир В. и...

- Да оставьте! - сказал Петр. - Я сам пойду. А вы тут пока разбирайтесь с анкетами, и смотрите не валяйте дурака: приду – проверю. И да, дайте-ка мне

пару чистых бланков.

Он не глядя подхватил со стола стопку бумаг, кивнул сгрудившимся у паспортного стола людям в хаки, мгновенно отметил старшему офицеру пропуск с пометкой «офицер в сопровождении команды» и передал его солидно выглядевшему сержанту-квартирмейстеру, чтобы тот сам проставил количество. Смерть следовала за ним по пятам, а он понесся, продираясь сквозь толпу навстречу новой толпе, ломившейся по двору к Вратам — всех рас, наций и народностей, всех наречий и вер, - простиравшейся куда только хватало глаз по всей равнине.

Прорезая строй впервые побрившихся новобранцев, навстречу ему курсировала пожилая дама, намертво вцепившаяся в португальскую курносого майора средних лет. Она загородила ему путь и свободной рукой схватила его той самой мертвой хваткой любящей матери, разжать которую до сих пор не удавалось никакой Силе или Власти.

- Я его нашла! Я. Его. Нашла. Пропускайте! - приказала она.

Челюсть у Святого Петра отвисла. Ангел Смерти усиленно делал вид, что рассматривает окрестности.

- Ну, у нас тут есть некоторые формальности... - начал Петр.

- Формальности у них! А если Джерри нехорошо? Бред! Мужчины... Мой мальчик мне ни разу не подавал повода волноваться, а тут...

- Ну не надо, не надо, ну что ты... - Майору было так же неудобно, как Святому Петру.

- ...а вот теперь может подать, если его не пропустят!

- А это не ваше пение я наемни слышал? - светски осведомился Ангел Смерти, чтобы хоть как-то сгладить неловкость.

- Естественно! - отчеканила мать. - Он прекрасно поет. Вот еще и поэтом! Ты же бас, правда, дорогой?

Святой Петр сочувственно поглядел на майора, который готов был сквозь землю провалиться, и поспешно подписал ему пропускной лист. Не сказав и слова благодарности, мать, фыркнув, потащила его прочь.

- Ну и под какую же статью ты его подведешь? - спросил Ангел Смерти.

- ДВ, Докучливая Вдова. Барда-а-ак! - простонал Святой Петр. Он оглядел равнину перед Вратами и потемнел лицом. - Не нравится мне все это. Нижнее подразделение совсем сегодня разгулялось, пашет как в последний день месяца. Надеюсь, стража выдержит.

Толпа постепенно проредилась и составила в нечто вроде нестройной очереди, вдоль которой тенями метались взад-вперед старавшиеся быть незаметными посланники Нижнего подразделения, пытаясь выцепить из нее то одного, то другого, но их самих отпихивала от людей бдительная стража. Поскольку большинство стоявших в очереди были в хаки, вся сцена очень напоминала то, что на Земле творилось в былые дни у общественного туалета под аркой на вокзале Виктории, когда там останавливался армейский поезд. Лицо Петра просветлело, потому что из Нижнего подразделения раздались петушиные крики, которыми обычно встречали его приход.

- Самая поганая работа — на границе полномочий, - сухо заметил Ангел Смерти.

- Но я же это заслужил! - самодовольно хмыкнул Петр. - Ты только подумай, каково теперь Иуде.

Он с разбегу вломился в самую гущу, где стража с трудом удерживала толпу, и угрозами, криками, убеждением, а иногда – грубоватыми толчками и пинками, начал пропихивать усталых мужчин и женщин вперед, отмахиваясь от полупрозрачных, слабых, но очень настырных духов, пытавшихся ухватить кого-нибудь и утащить в сторону.

Какой-то шропширский егерь только что получил поддельный пропуск вместе с заверением от легконогого посланца Нижнего подразделения, что вход на Небеса расположен вот тут прямо, за углом, и теперь его настойчиво подталкивали в этом направлении, - но могучая рука ухватила его за шиворот и рванула назад, а другая рука ухватила посланца за грудки, а над его головой раздался громовой рев: «А ну пшел вон, гаденыш!». Тут же солдату объяснили, что происходит, обычным казарменным языком.

- А меня-то за что, начальник? - перетрусил егерь. - Я и бабы-то не видал, кроме ангелов, месяцев хренадцать. Я сам из Яффы. А ты откуда будешь?

- Из Нортгемптона, - ответили ему. - Давай назад шагом марш и держись ко мне поближе.

- Э, слушай, а ты не Чарли Брэдли, про которого мне папаша рассказывал? Я помню, ты еще говорил...

- Я тебе еще не то скажу. Это, ты смотри, там твой сержант треплется с бабой в красном – видишь? Хватай его и тащи сюда, бегом.

В это время какого-то офицера-шотландца с глубоко запавшими глазами, словно выпавшего на время из всеобщего гвалта, держал за пуговицу некто очень благочестивого вида, объяснявший ему, что, по логике его древней родовой веры, горец не только безвозвратно проклят, но что это его проклятие было предопределено еще до Сотворения Мира.

- Да, на это нечего возразить, нечего возразить, - печально лепетал молодой человек. - Что ж, пойду с вами.

И он уже сделал шаг в сторону, когда между ним и его собеседником вклинилась худая низенькая фигурка, державшаяся, впрочем, с большим достоинством.

- Месье, - сказал коротышка, - вас успокоит, если я вам скажу, что я... что я был Жаном Кальвином?

Благочестиво выглядевший собеседник чертыхнулся, как положено всем пропащим душам, плюнул и отошел, а шотландец повернулся к Кальвину и по пути к Вратам погрузился в обсуждение тонкостей и разночтений, встречающихся в литературном труде под названием «Наставление в христианской вере».

С другими бывало сложнее. Некая Женщина, простоволосая, с голыми руками, глазами, пускающими молнии, танцующей походкой шла вперед, хотя и видно было, что очень устала, гоня перед собой толпу сомневающих, хрипло крича на них. Когда кто-то попробовал крикнуть ей что-то обидное, вроде «А ты им скажи, кто ты такая! Ты всем скажи, пусть слышат!» - она не полезла в карман за ответом. С другой стороны толпы ей вторил Иуда, подзадоривавший людские души в очереди раскатистыми криками, как торговец армянскими коврами на рынке:

- А вот он я, самый я, самый-пресамый настоящий! - кричал он. - Я именно такой, как про меня говорят. И еще хуже, ребята, гораздо хуже! А это значит что? А это значит, что у вас-то, ребята, рай в кармане! Сюда проходим, пожалуйста. Обителей много, господа и дамы, мест полно! Хар-р-рошие обитатели! А на этих

позорников даже не смотрите, все к нам, все к нам! Вера и надежда! Уповать не забываем, господа!

Когда ему приходилось сталкиваться со сложными случаями, например, когда к нему обращались те падшие, кто устал терпеть жизнь и нашел выход сам при помощи ружья или ремешка, он становился перед ними и начинал рассказывать о своем собственном конце, и делал это столько раз, сколько требовалось, чтобы они настолько его возненавидели, что поднимались с земли и посылали ко всем чертям. Здесь в дело вступал Святой Лука с вальяжными спокойными манерами, который уводил Иуду в сторону и постепенно заглушал его восточный поток красноречия.

Так медленно, но верно, шаг за шагом они провели все новые поступления дня через опасный перешеек, где силам Нижнего подразделения, по причинам, нам неизвестным, было дозволено вмешиваться в судьбу душ. Стражники отступили к предвратному кордону, расслабились и начали вспоминать, кто что заметил.

- Вот что меня всегда поражает, - делился Ангел Смерти впечатлениями со Святым Петром, - так это простота рационального ума, ну как у барана.

Он с интересом наблюдал, как один из стражников явно тушевался под градом аргументов, извергаемых каким-то образованным атеистом, который так увлекся спором, что не обращал никакого внимания на обещания посланца Нижнего подразделения сделать его богом. Он топал ногами, возвышал голос, а стражник все отступал и отступал перед ним, шаг за шагом ведя его за собой по дороге во Врата.

- Он мне выдал весь спектр истасканных старых баек, - горделиво хмыкал потом этот стражник. - Им только дай выговориться, они себе горланят, а ты делай с ними, что только душе твоей угодно, они так за тобой и пойдут, как овцы за собакой.

- А Жан несмотря ни на что сохранил рай в душе, а душу - в раю, - раздался насмешливый молодой голос.

- А почему бы и нет? - ответил стражник Жан.

- Несомненно, в твоём понимании это так. Твои слова меня несказанно трогают. Если бы вы, сударь мой, были бы так же стары, как я, то могли бы, подобно раку, идти задом наперед, в то время как человек молодой знай себе нанизывает слова, слова, слова, хотя между тем уже в шаге от адского зева и не видит этого. Смотрите-ка! Кто это там, Жанна?

- Да еще один ваш, англичанин. Всегда они опаздывают. - Девушка с коротко остриженными волосами указала мечом на одинокую спотыкающуюся фигуру, которая металась по равнине, сначала пытаясь догнать конвой, а потом завернув влево, где ее уже издали приветствовали, восторженно размахивая руками и подбадривая, служащие Нижнего подразделения.

- Это ж мой предатель! - воскликнул Святой Петр. - Нечего ему болтать с Нижними, пока не отметился в конвое.

Приближаясь к аплодирующей группе Нижних, фигура замедлила шаги. Потом солдат пару раз оглянулся на них через плечо, вдруг сорвался с места и бегом бросился к поджидавшему конвою.

- Мне никто доброго слова ни разу там не сказал, - с места в карьер начал он сквозь всхлипы, всплескивая руками. - Они все сразу были настроены против меня. А мне и нужно-то было всего одно доброе слово. Это был настоящий заговор против меня, но я им всем показал, на что я способен! Я им всем показал!

И... и... - он запнулся. - Господи! Что вы теперь со мной сделаете?

Никто ему не подсказал ответ. Он заметался по равнине, а вокруг радостно галдели сотрудники Нижнего подразделения. Все посмотрели на Святого Петра.

- Не могу припомнить, - медленно пробормотал он себе под нос, - на данный момент никакой статьи, чтобы подходила.

- Ну здравствуйте, а моя? - Иуда снова оказался под рукой.

- Нет, не тот случай, птица не того полета. Но все же...

- Пожалуйста, побыстрее! - простонал солдат и тут же рассказал всем в подробностях, что именно он наделал, завершив речь плаксивым заявлением, что никто никогда не ценил его достоинств, ни узколобые родственнички, ни бездарные начальники на работе, ни высокомерные идиоты-офицеры на службе.

- Понимаешь ли, - сказал под конец Святой Петр. - Это же все тцета. Тут же даже женщина не замешана, на которую можно было бы сослаться как на смягчающее обстоятельство.

- Нет, женщина-то как раз есть, если не ошибаюсь, - вмешался стражник с приятным голосом, ранее похваливший Жана.

- Какая? Где? - Петр обернулся к говорившему. - Что за женщина?

- Умная женщина из Фекон, - ответил тот. - Я ее отлично помню, потому что этот стих красной нитью проходит по всем моим пьесам... ну, хотя бы по некоторым.

Но Святой его уже не слушал:

- Я понял уже! Ты что думал, я забыл? Вторая Царств, четырнадцать-четырнадцать: «Мы умрем и будем как вода, вылитая на землю, которую нельзя собрать; но Бог не желает...». Значит так! Слушай меня!

Человек сделал шаг вперед и встал по стойке смирно. Кто-то взял у него пилотку, а Иуда и Жан встали у него за спиной.

- «Но Бог не желает погубить душу и помышляет (ты понял, нет?), как бы не отвергнуть от Себя и отверженного». Это был твой приговор. Не знаю, как его исполнять. Это ты сам решаешь. Там тебе все скажут. - Он мотнул головой в сторону Нижних и не глядя подмахнул пропускной лист. - Берешь эту бумажку и идешь к ним, доложишься по форме. Там тебе придется нелегко, но они тебя задержат максимум на день против того, как принято у меня. Увести!

- А это, - промямлил человек, - а это значит, что у меня есть хоть малая надежда?

- Да, есть. Пошли, - прошептал Иуда. - Я там у них жил уже, и довольно долго.

- Я тоже составлю тебе компанию, - отозвался Жан, шедший слева от него. - Тебе там придется иметь дело с Отчаянием, так что крепись, слабак.

Троица уходила все дальше, и стражники смотрели, как их фигуры становятся все меньше и меньше, пока совсем не скрылись вдаль. Святой Петр удовлетворенно улыбнулся и потер руки.

- Ну, коли теперь мы можем отдохнуть от трудов своих, - сказал он, - что ж, господа, по казармам? Разойдись!

Стражники сломали строй: теперь они были как обычно — просто компанией хороших приятелей и коллег. Они двинулись в сторону Врат по широкой прямой дороге, перешучиваясь и что-то выкрикивая.

Святой и Ангел Смерти задержались и тоже немного расслабились. Стоял просто райский вечер. Откуда-то доносился щебет низко летящего херувима, чистый и звонкий. Ему вторил трепет крыльев серафима на ветру, когда тот,

исполнив какое-то поручение, устремлялся из-за третьей-четвертой отсюда звезды прямоком в прохладные глубины у Геркулесовых столпов. Раздавался размеренный гул, издаваемый планетами, неуклюже поворачивающимися на осях, среди которых то и дело раздавался удивленный вздох очередного новорожденного солнца где-то в паре вселенных отсюда. Но мыслями Святой и Ангел Смерти были все еще с теми, на кого был устремлен их прощальный взгляд.

Наконец Петр с гордостью сказал:

- Если б мои люди слышали, что мы не даем тому человеку, который стоит перед нами, ни единой надежды, они бы и шагу с того места не сделали. А теперь как шагают, а? Погляди! Ну ведь человеки человеками, правда?

- Ты это кому говоришь? - ответил Ангел Смерти с усталой улыбкой. - Я сам чуть ли не человек. Мне самому придется когда-то умереть. Но все тварные существа потом...

- Я знаю, - мягко остановил его Петр. - За это я и люблю тебя, Азраил!

Они теперь были одни, и Ангел Смерти вернул себе облик истинного и единственного в своем роде величия — облик единственного существа из всех тварных существ, обреченного на окончательную и бесповоротную Смерть, и знающего это.

- Но уж что мое, то мое, - усмехнулся Ангел Смерти, видя, что Петр встает, и, оглядывая бесплодную долину, откуда уже ушли даже служители Нижнего подразделения со своим осужденным, закончил: - Но Он не желает погубить душу и помышляет...

Внезаветные милости

Если Порядок наверху есть лишь отражение Порядка внизу (как утверждает древний мудрец, который кое-что понимает в Порядке), то значит, при управлении Вселенной все департаменты должны стремиться к сотрудничеству.

Это отчасти объясняет, почему Азраил, Ангел Смерти, и Гавриил, первый слуга Адама и посланник Престолов, беседовали с Князем Тьмы в конторе Архангела Англичан, который — только Бог знает, почему — переангличил бы любого своего подданного.

Архангелу поступило донесение про двоих духов-хранителей, вопреки отданным приказам позволивших своим обязанностям пересечься. В деле оказались замешаны Гавриил — как официальный руководитель духов-хранителей и Сатана — поскольку духи-хранители суть бывшие человеческие души, переоборудованные в Нижней Иерархии для повторного использования. Возникли сомнения, были ли приказы, отданные этой парочке, абсолютными или относительными. Кроме того, дух женского пола Руяэль отказывалась сообщить Архангелу Англичан, что сказала или подумала ее подопечная, встретившись с мужчиной, подлежащим надзору со стороны духа мужского пола Калкаила. Калкаил точно так же упорствовал. Духи кивали друг на друга, прикрываясь тем, что «кто знает: дух сынов человеческих восходит ли вверх, и дух животных сходит ли вниз, в землю?». Архангел Англичан, изо всех сил старавшийся поддерживать свою репутацию очень справедливого судьи, конечно, сразу же пригласил для участия в следствии Азраила как ответственного за отделение духа от плоти. Все

четверо приступили к делу ответственно, вникая во все подробности.

- Боюсь, духи-хранители не обязаны, - наконец сказал Гавриил, - раскрывать... хм... ну как там это говорится у людей?.. разглашать свои обязанности. Но, - повернулся он к Ангелу Смерти, - какая тут может быть статья?

- Екклесиаст, три-двадцать один, - подсказал Сатана.

- Большое спасибо. Надо сказать, в ней все зависит от истолкования слова «кто», - заметил Азраил. - И насколько я могу понять, кто бы ни был этот Кто... - Нимб его побледнел, он пригнул голову. - ... Он не относится ни к одной из Иерархий.

- Я именно так это всегда и понимал, - вставил Сатана.

- Я полагаю, - начал слегка раздраженно Архангел Англичан, - что такое пренебрежение... скажем, лояльностью в рядах служащих ГС проистекает из нашей губительной и нетерпимой практики поручения таких деликатных дел переоборудованным душам повторного использования.

Это был камень в огород Сатаны, и тот улыбнулся в знак того, что понял.

- У них есть, конечно, некоторые чисто человеческие слабости, - признал он. - Кстати, а где вообще этим мужчине и женщине позволили встретиться?

- Под часами... на перроне, как я успел понять.

- Как интересно! По предварительному стовору?

- Совсем нет! Руяэль утверждает, что ее женщина остановилась, чтобы порывшись в сумочке, найти билет. Калкаил утверждает, что его мужчина натолкнулся на нее. Чистая случайность, но сопряженная с нарушением приказов... с моей точки зрения, довольно явным, потому что...

- Короче, нарушение Предначертания Жизни имело место? - спросил Азраил прямо.

Он имел в виду пророчество, обозначающееся на фронтальных швах черепа всякого трехлетнего ребенка, которое в менее прогрессивных департаментах и службах все еще считают подробным описанием будущей жизни человеческой единицы.

- Если это так важно, - сказал Архангел, - то Предначертания Жизни в обоих случаях идентичны. Вот копии. Но мы в последнее время скорее полагаемся на методики обучения и окружающую среду, чем на такого рода неавторитетные предположения.

- Ну хорошо, давайте проверим. - Сатана взял машинописную страницу и громко зачитал: - «Если такой-то встретит такую-то, положение их в этом случае станет таким, что само Зло восплачет». Хм, ну что же, это не запрещено, абсолютно. Так что приказы надо считать относительными. В этих ваших «если» много хорошего... и всё оно станет моим, - закончил он уже шепотом.

- Чушь! - ответил Архангел. - Я предназначил этих мужчину и женщину для гораздо лучших дел. В наши дни Предначертания Жизни все уже считают архитектурным излишеством, разве не так?

Но угрюмо сдвинувший брови Гавриил, в чьем ведомстве и занимались подобными вещами, был непреклонен.

- Надеюсь, вы правы, - отвечал между тем Сатана. - Значит, вы назначили им лучшую долю?

- Да! - Архангел Англичан гневно прочистил горло. - Есть у меня для этого основания или нет, но я оптимист. Я верю в общевосходящий вектор развития жизни. Само собой, это сопряжено с некоторой нестабильностью в среде моего народа — англичан, но вам это и так известно.

- Да, про англичан мне известно, - сказал Сатана.

- Но по моему скромному разумению, они развиваются на новых планах бытия. С ними нужно общаться, равно как и править ими, с использованием новых методов. Естественно, что при обращении с... со, скажем так, самыми темпераментными из них, вы не могли не заметить расширение их кругозора, правда?

- В некоторой степени да, - отвечал Сатана, - но это же всё то же самое, что было по изобретении книгопечатания. Ваши люди приходили ко мне, буквально брызжа словами. У них мозги были насквозь прогугтенбержены. Кое-кто из них пребывал в убеждении, что изобрел парочку новых грехов. Да уж. Варя и свежуха... да, нам пришлось и этим немножко заниматься, а что такого? Так вот, варя и свежуха их, мы сумели выяснить, что и всего-то новенького было – малые да робкие вариации на тему Великогрешной Семерки: гордыня, зависть, гнев, лень, чревоугодие, похоть, алчность. Изошренности – мое почтение. Оригинальности – ноль. И то же самое у них теперь с этим, как его – Духом Времени.

- Ах, вы такой пессимист! – с улыбкой ответил Архангел. – Мне бы хотелось вас познакомить с двоими моими избранниками. Очаровательные люди. Культурные, способные, преданные, оказывающие самое благотворное влияние на окружающих, практичные, честные и... ну и так далее. Они – каждый в своей сфере – обеспечивают как раз то, в чем так нуждается для своего развития Мой Народ в настоящее время. Поэтому я, со своей стороны, обеспечиваю им все преимущества для поступательного развития и самореализации. Это включает в себя безупречное окружение, достаток, культуру, здоровье, счастье, - ведь несчастные люди не могут сделать счастливыми других людей, не правда ли? – ну и все прочее, сообразно величию их предназначения, для которого я их... я их предназначил.

Архангел Англичан лучезарно оглядел собравшихся, потирая пухлые руки.

- Надеюсь, вы хорошо все обдумали, - сказал Сатана. – Но полностью ли вы уверены в том, что ваш метод, сводящийся к тому, чтобы их баловать, если можно так выразиться, заставит их проявить все самое лучшее, что в них заложено?

- Я тоже как раз про это подумал, - вставил Азраил. – Иногда наоборот, доводилось добиваться отличных результатов методом меча к горлу, но даже тогда они пытались торговаться. С ними бывает нелегко.

- Да хоть взять случай Иова, - продолжал Сатана. – Он так и не достиг предела своего развития, пока мне не дали с ним немного поиграться, правда ведь?

- Может быть, и так. Для своего времени. Но в наши дни мы не ставим высоких оценок Человеку из земли Уц. С точки зрения литературы – это чистая риторика. С точки зрения теологии – антропоморфизм, банальщина. Нельзя закрывать глаза на тот бесспорный факт, что новые стандарты работы требуют новых методов, нового видения и, превыше всего, расширенного одобрения – расширения границ того, что мы принимаем и одобряем. Это напоминает мне... - Архангел Англичан наклонился к Азраилу. - ...что я послал вам... ну, может быть, еще не дошло... полуофициальное письмо, где спрашивал, не могли бы вы немного изменить подходы и методологию производства в своем департаменте, в той части, которая касается, хм, конечного результата? Уровень жизни Моего Народа, как вы знаете, возрос, и они начали жаловаться на... ну, вы понимаете... на некоторую недостаточную утонченность и мягкость некоторых жизненных

явлений, относящихся к сфере нашей с вами профессиональной деятельности.

Азраил на мгновение поднял исполненные надежды глаза на Архангела Англичан, но ни один мускул не дрогнул на его лице, когда он ответил:

- Смерть вообще грубовата. Впрочем, как и Рождение. Но уж так повелось, что они ходят парой. Вы могли бы обратиться в межведомственный комитет...

- Да-да, или комиссию... как это сейчас называется, в общем, то, что имеет для этого полномочия? И там попросить их изучить все возможные пути укрепления и упрощения практической координации? - перебил его Архангел. Именно это мне и было нужно. У меня в конторе даже уже разработали пакет предложений в этом направлении, которые можно было бы выложить комиссии. Давайте их вместе рассмотрим, если у вас есть свободная минутка...

- С огромной радостью! - поспешно воскликнул Сатана. - Но, к сожалению, я не всегда хозяин своему времени.

Он встал. Другие последовали его примеру и, степенно выйдя из кабинета, канули в Пустоту, царившую за окнами конторы.

- Итак, - начал Сатана уже в трех вселенных от конторы, - перед нами отличный пример того, как ходить у воды и не замочить ног. «Мы не ставим высоких оценок Человеку из земли Уц», - это ж надо! Я так рад, что всегда обращался со школьными учителями так, как они того заслуживают.

- И он еще осуждает мои методы! - пробормотал Азраил. - Не будь он бессмертен, к сожалению, я бы... я бы показал ему пару интересных штук.

Это так развеселило их, что Владыка созданной начерно галактики, пролетавшей мимо, окликнул их со своего престола:

- Эй, на борту!

Сатана ответил ему: «Власти в полете, курс мимо, офицерский состав отсутствует, без остановки!», - и удостоился вежливого «благословение на вас».

- Вообще-то мог добавить и про мир, - сварливо пробормотал Азраил.

- А зачем? Их в этих краях совершенно не волнует ничье бытие, - пояснил Гавриил на правах существа, свободного от любых форм бытия.

- Правда, что ли? - Азраил, казалось, был слегка ошарашен. - Вот бы нашему английскому другу попроситься перевестись сюда. Да и я тоже, наверное, вскоре за ним сюда попрошусь.

- О нет! - хохотнул Гавриил. - Раньше он тебя потихоньку искоренит методиками воспитания и благотворным влиянием окружающей среды. Ты ведь всего лишь элемент восточного колорита, ну, как Предначертание для души на лбу у человека. Думаешь, у него в конторе нет никого, кто знал бы, что такое кисмет?

- Думаю, нет, судя по качеству продукции, которую он спускает к нам вниз, - пожаловался Сатана. - А вы заметили, как он меня пытался уязвить замечанием о «нашей порочной системе» духов-хранителей? Я рук не покладаю, стараюсь хоть что-то переклепать из проклятых душ для повторного использования, а они...

- Ты действительно трудишься на совесть, - успокоил его Гавриил. - Я это отдельно отметил в своем последнем отчете о состоянии персонала.

- Спасибо. Это гораздо сложнее, чем принято думать. Если у тебя выдастся свободная минутка, я тебе с радостью покажу, как трудно...

- А ты думаешь, это не будет... - начал Гавриил.

- Ни в коей мере. Так, заходим на посадку... занимаем пространство...

отстреливаем время... простите, я первый... пуск!

Троица вошла в пике в той самой точке, где Бесконечность замкнулась на саму себя, и наконец приземлилась в истоке Времени и Пространства, чей двойной вес обрушился на них через все абсолютные нули Ночи и Тишины. Гавриил с трудом перевел дух, ведь чем больше величие, тем тягостнее воспринимается несовершенство.

- Это все перегрузки, - успокаивал его Сатана. - Мы снижались слишком быстро. Поглотаи, отляжет. А мы пока прольем немного света на подданных.

Сияние нимба, который он имел право носить на своей территории, прорывалось сквозь Ужас Великой Тьмы.

- Мы что, уже вне досягаемости Милости? - прошептал Азраил, пугаясь того, насколько мало сиянию удалось отвоевать пространства у Тьмы.

- Это все уже принадлежит мне, - ответил Сатана.

- А разве здесь не должно быть таблички с предупреждением, чтобы все сюда входящие оставили надежду? - вглядывался в непроницаемую тьму Гавриил.

- Мы ее решили снять, - ответил Сатана. - Мы теперь работаем над отсроченными надеждами, это прибыльнее.

- Но я что-то не вижу вообще никакой работы, - заметил Азраил.

- Это, в основном, умственный процесс. Но бывает время от времени... да вот, пожалуйста!

Раздался одиночный едва слышный звук, похожий на то, как разлепляются запекшиеся губы у горячечного больного в бреду, но Тишина многократно усилила его и превратила в гулкий гром, как в ночном кошмаре.

- Это переоборудование идет, - пояснил Сатана.

- Страшновато. Даже мне иногда бывает не по себе, - сказал Азраил.

- А мне — все время. Наверное, потому, что мы их слуги, - добавил Гавриил.

- И из вас всех я самый трудолюбивый! - заявил Сатана.

- Но ведь зато в твоём распоряжении механизмы любого рода, чтобы самому ручки не марать, ведь так? - осведомился Гавриил.

- А от ответственности меня какой механизм избавит? Взять хотя бы дело того мужчины и той женщины, которые мы только что обсуждали. Какой вывод, например, вы сделали из показаний духов-хранителей?

- Тут может быть только один вывод, если уж они встретились, - ответил Гавриил. - Ты же тоже читал их Предначертания.

- А что сказал наш юный друг? Снова рассыпался блестящими банальностями на тему идеалов и совершенствования, а потом осыпал их обоих всеми возможными милостями и радостями под тем нехитрым предлогом, что «несчастливые люди не могут сделать других счастливыми». Нет, вы слышали? Он безнадежен, - возмущенно закончил Сатана.

- Ну, я бы не стал утверждать так категорично, - улыбнулся Гавриил. - Он же англичанин.

- Ну хорошо, а вы обратили внимание, - не унимался Сатана, - как он посмотрел на меня, когда я прочитал, что само Зло восплачет? Это значит, что если и когда все пойдет действительно из рук вон плохо, мне придется снова разгребать все эти мусорные кучи. Опять окажется, что всю грязную работу буду делать я, конечно, неофициально, в то время как официально на меня будут валиться все шишки. Мне придется тащить эту парочку в Ад, а наш юный друг поставит себе за них галочку!

- Ну, это не только у вас так принято, - заметил Азраил. - К примеру, о-о-очень мало кто сумеет убедить нашего достойного друга Михаила в том, что у него меч ничуть не тупее моего.

- Но я могу это доказать! - Сатана обернулся к Гавриилу. - Если позволишь... нам они оба не нужны, но женского духа-хранителя Руяэль можно вызвать для доклада прямо сейчас. В Англии сейчас ночь. Я могу ей забить мозги ночными кошмарами в отсутствие духа. Мы ее можем допросить, прямо как в этих их детективных фильмах на Земле, правда, не знаю, смотрели вы их или нет.

Гавриил дал разрешение, без которого никакой дух-хранитель не мог оставить свой пост даже на секунду, и в тот же миг - невероятно, впрочем, растянутый в Пространстве Безвременья, - зажмурившись от осиявшего ее нестерпимого блеска, пред ними предстала Руяэль в своем последнем по времени облике земной женщины.

Азраил вышел вперед.

- Минутку! - сказал он. - Кажется, я уже имел счастье вас видеть, миссис... - Он назвал ее имя, адрес и дату смерти. - Вы тогда призвали меня. И кажется, были рады меня видеть. Почему?

- Потому что я хотела увидеться с Грегори, - был ему бесцветный и спокойный ответ.

- Так вот в чем дело! - обрадовался Сатана и продолжил допрос сам: - Итак, вы находились в нашем ведомстве на переоборудовании, миссис... Для чего?

- Из-за Грегори.

- ...каковой Грегори был нами выпущен в виде Калкаила. И он был направлен на переоборудование из-за вас, да?

- Да.

- Каковы были условия вашего назначения духом-хранителем?

- Не было никаких условий. Мы с Грегори имели право встретиться при исполнении, если для этого представится возможность. Мы и встретились. Он ни в чем не виноват.

- Кстати, именно это мне сказала Ева напоследок, - прошептал Азраил Гавриилу.

- Конечно! - воскликнул Сатана. - Вы просто встретились, и точно так же просто ваши обязанности пересеклись. Думаю, здесь у нас... стоп, одну минутку. Вы знаете... - И он назвал номер железнодорожного пути на вокзале.

- Да. - Ее веки дрогнули.

- Это в Лондоне. Там еще часы.

- Не надо, перестаньте! Да, знаю! - Слеза покатилась, поблескивая, по ее щеке.

- Извините. Спасибо. Больше я вас не задерживаю.

- Значит так, вот что я думаю по этому поводу, - сказал Сатана остальным. - Наш юный друг должен был собрать все эти данные до того, как начать официальное расследование. И призвав меня, он был обязан все это мне сообщить. Тогда хотя бы было ясно, с чего начинать. Но он этого не сделал. Он вдесятеро утяжеляет мою работу, попросту не заботясь о предварительных мероприятиях, а потом втыкает мне нож в спину, выдвигая совершенно безумные идеи об усовершенствовании процесса, а при этом еще хочет, чтобы я делал все за него!

- Боюсь, я вынужден признать, что мой департамент несет ответственность за ошибки в первоначальной аттестации этих двух духов-хранителей и их приписку

к данным людям, - сказал Гавриил. - В любом случае, я признаю эти ошибки и приношу извинения.

Сатана рассмеялся:

- В этом нет необходимости. Наши ведомства не очень хорошо ладят между собой со времен Адама. Ошибки – дело привычное. Я просто хотел показать, что наш юный друг не во всем идеален как руководитель.

- Ну хорошо, а что теперь делать с мужчиной и женщиной? – спросил Азраил.

- А что тут сделаешь? Пока остаются какие-то временные меры... Слушайте!

Сатана поднял руку. К ним с трудом пробивался звенящий шепот, словно бывший одним целым со всем Пространством:

- Боже мой, Боже мой, для чего Ты меня оставил?

- Это что, эхо такое? – спросил Гавриил. – Или повтор?

- Скорее, повтор. Мы обычно не придаем этому выражению большого значения. Наверное, обычное проявление истерии или суетности. Только гораздо позднее можно понять, в чем, собственно, дело.

- А что это за странный металлический лязг по окончании сигнала? – спросил Азраил.

- В случае с женщиной, - пояснил Сатана, - это было звяканье кольца о диадему, которую она надевала, чтобы идти ко двору. А во втором случае это лязг звезды какого-то ордена, который мужчине вручал его монарх. Лишнее доказательство того, что они вполне счастливы.

Прошло какое-то количество человеческого времени.

- А теперь какая-то музыка, - снова прислушался Гавриил. – Да еще со словами...

И та, и другие были тихими, но вполне различимыми:

Я спою тебе песню, о-о-о!

И ты спой мне песню, о-о-о!

Щелчок, пауза, а потом на практически невозможно высокой ноте, словно сыгранной на рвущихся струнах самой души:

Горе мне, горе, ла-ла!

Ради любви – и в море, ла-ла!

И звук падения тела.

- А! Так это на сцене где-то! – воскликнул Сатана. – Видимо, они решили побаловать себя театром. Они все делают по-своему. «Несчастливые не могут сделать других счастливыми», видите ли. Ну что же, мы их послушали, а теперь мне пора. Увидимся... Азраил знает дату и время, когда им придет время отчитаться, и вот тогда посмотрим!

Заглянув в будущее, Азраил назвал дату и время, как они значились в памяти Земли, и они расстались.

Ангел Смерти возвратился в свою сферу, срезав путь через галактику, которой было отказано в знании о его существовании. Владыка этой галактики слышал доносящиеся до него разлитые во Вселенной слова, но не понимал их смысла:

Тяжкой ношей снабдили время,

В уста жизни вложили дыханье,

*Трудом и плодами труда наделили людское племя,
Дав ему смерть и в смертной тени молчанье⁸.*

Архангел Англичан, который, подобно своему народу, с годами все умнел, был как никогда преисполнен оптимизма. На этот раз он сообщил троице, что в полном соответствии с новейшими веяниями в области работы с массами он сам отобрал и обучает целый батальон душ, чьи коллективные усилия в направлении упрочения благосостояния мира, в сочетании с предоставленными им самим усовершенствованными средствами санитарной гигиены и системой стерильного бесплатного общественного транспорта, вскоре принесут желаемые плоды.

- Как же вы дальновидны и деятельны! – воскликнул Сатана. – А кстати, помните мужчину и женщину, которыми вы с таким интересом занимались некоторое время назад? «Мужчину и женщину сотворил их», не так ли? И насколько я помню, духом-хранителем женщины была Руяэль.

- Отлично помню, - ответил Архангел Англичан, который явно был готов к такому повороту разговора. – Они в некоторой степени... не в такой, конечно, как они сами считают, но все же в определенной степени проложили дорогу этим нововведениям. Я только имел честь немного подправить их, направить, подкорректировать со своего незаметного места за кулисами жизни...

- Хорошо. Я помню, вы о них положительно отзывались.

- Тем не менее... - Архангел сцепил руки на немного округлившемся животе. – Тем не менее, я бы не стал спешить с присвоением этим двоим титула спасителей общества. У нас в департаменте говорят: есть два типа общественной службы – спасители и служители, ха-ха!

- Как тонко! – Сатана тоже рассмеялся.

- Вы так считаете? Вообще-то это пошло от моих заметок на полях реестра иерархии. Все же я считаю, что эту парочку следует отнести в первому подклассу второго класса служителей общества.

- А что с ними было дальше? – продолжил Сатана.

Архангел Англичан посмотрел на Азраила.

- Оба прибыли, - ответил тот.

- Ну извините, извините, - раздраженно бросил Архангел. – Конечно, я пытался извлечь из них максимум пользы, насколько это было вообще возможно при условии их природных ограничений, и при этом практически ни в чем не поступаясь своей методологией. И я во многом преуспел. Кстати, я только что сочинил пропагандистский материал о взаимозависимости Истинного Счастья и Жизненных Усилий. Это займет не больше десяти минут...

Но снова оказалось, что его слушателей влекут прочь неотложные дела. И снова они встретились через некоторое время на Грани Бездны.

- Будь у меня чувства, - сказал Сатана, - наш юный друг меня бы потешил, как он сам выражается. Что он там тебе говорил, когда мы ушли?

- Да ну, - нехотя ответил Азраил. – Наша межведомственная комиссия не оправдала его ожидания. Мы не достигли консенсуса при попытке сформулировать *modus moriendi*⁹.

- А потом, - добавил Гавриил, - он добавил, что Азраил мыслит не как юрист.

⁸ А. Суинберн «Аталанта в Калидоне». – Прим. перев.

⁹ Образ смерти (лат.) – Прим. перев.

- Да с какой стати-то? – воскликнул Азраил. – Я же исполнитель, и всё. И у меня инструкции: распределять Милость. *A propos*, что было с той парой, которую вы обсуждали?

- Сейчас, минуту. – Сатана огляделся по сторонам. Свет от его нимба пронесся по всем отделениям Ада, где при приближении луча вспыхивали ответные отблески, чем дальше – тем ярче. Он задал в Пространство бессловесный вопрос и через мгновение утвердительно кивнул. – Ну и чудно, – сказал он. – Она уже тут у нас в одном цеху, проходит испытания на предельную деформацию. И он тоже на подходе. Мы... – Сатана изобразил Архангела Англичан, сложив руки на животе. – Мы взяли на себя смелость предположить, что из него можно еще кое-что извлечь в связи с исполнением им на Земле обязанностей служителя, уже после того, как наш юный друг сбросил его сюда. Вот мы и решили: пусть отработывает. Он сейчас коротает срок в благотворительной ночлежке с неизлечимой болезнью на средства своих друзей. На наш взгляд, за последние пять лет его самореализация на выходе окупилась все издержки на переоборудование.

- А он знает? – спросил Гавриил.

- Вряд ли. Он совсем пал духом, как говорят на Земле. Я вам их обоих покажу через минуту. Впервые они встретились... на перроне, да? Отлично. Пойдемте со мной и проверим.

- Так, посмотрим... перрон. – Гавриил указал на стенд с приклеенными газетами: - «Всё заповедь на заповедь, заповедь на заповедь, правило на правило, правило на правило, тут немного и там немного». В общем, всё реконструировали?

- Ну конечно же. Мы не болтаем о прогрессе, мы его делаем.

- А тогда почему... – Гавриил закашлялся, потому что локомотив выпустил огромный столб дыма. – Почему вы не электрифицируете свою систему? И что это за топливо? Сроду такого не нюхал.

- А я нюхал, – заметил Азраил, настоящий специалист и практик, – по-моему, – он еще раз принюхался, – закись азота, веселящий газ, своего рода анестетик.

- Он самый, – сказал Сатана. – Этот запах освежает память.

- А в чем смысл? – спросил Гавриил.

- Всё просто. Довольно значительное число лиц во Времени имеет слабость брать на себя различные обязательства, точнее клясться, как ни грустно это признавать, в том, что будут любить то или иное другое лицо всю Вечность. Большинство этих обязательств забываются или постепенно меркнут под наслаениями последующих событий, которые приобретают первостепенную, по сравнению с ними, важность. Но остаток – скажем, процента два, – попадает сюда. Естественно, они представляют собой особый тип, с высоким уровнем развития личности, страстей, постоянства, а ведь именно такие люди и обладают потенциально наивысшим уровнем реакции на наши методы работы с клиентами. Сначала мы их сажали в колодки и пороли. С изобретением дилижансов мы стали набивать их, как сельдей в бочку, в точные копии самых дешевых придорожных гостиниц. А с дальнейшим развитием транспортной сети нам пришлось воссоздать здесь точные копии всех лондонских станций, – вам стоит как-нибудь навестить парочку из них в субботу вечером. Но это всё детали. Сама суть нашей идеи состоит в том, что здесь эти души вечно ждут поезда, который привезет – или не привезет – к ним ту, другую, душу, которой они

обещали провести с ней Вечность. Здесь очень буквально воспроизводится земное выражение «ждать – не дожидаться».

Сатана усмехнулся и снова оглядел перрон. Он выглядел точь-в-точь так, как положено выглядеть перрону в конце жаркого, безветренного, липкого, пропитанного запахом бензина летнего вечера в конце августа, когда неясно, полседьмого или полвосьмого, но людям на платформе это совсем не все равно.

Подошел поезд. Дежурный выкрикнул номер пути, часть толпы сгрудилась за перилами, но кое-кто остался под часами: мужчины затягивали узлы галстуков, женщины поправляли шляпки. Какая-то пожилая дама с хозяйственной сеткой в руке сказала стоявшему рядом господину: «Я считаю, лучше всегда стоять там, где сказал. Так меньше шансов разминуться». «Да-да, конечно, - ответил ей собеседник. – И я всегда так делаю». А потом оба внезапно дернулись в направлении перил, словно их за веревку потянули.

Пассажиры высыпали на перрон. Они и ждущая толпа пожирала друг друга глазами. Кто-то, кому показалось, что он увидел знакомое лицо или услышал едва журчащие нотки знакомого голоса, бросался вперед, вытянув перед собой руки и выкрикивая имя, а потом, поняв свою ошибку, неуклюже делал вид, что просто помахал рукой или поправил одежду, и тут же старался смешаться с остальными встречающимися, затереться в толпу. Когда из виду скрылся последний пассажир, над толпой разнесся стон разочарования. Тучный еврей внезапно резко развернулся и пошел прямо на контролера, который выходил с платформы, чтобы перейти на следующую.

- Да все вышли, все до последнего, сэр, - отбивался контролер. - Да, сэр... спасибо, сэр, конечно, можете сами проверить.

Еврей уже рыскал по вагону, заглядывая под каждую полку и открывая каждую закрытую дверь, и только пройдя через пустой багажный вагон и ничего там не найдя, в слезах выскочил наружу. За ним по пятам бежал расхристанный молодой человек в костюме для гольфа, всем по пути объяснявший, что ищет футляр с ключками. Он разразился руганью, когда старушка тихо спросила его в спину: «Подружку потерял, милоч?».

Объявили о прибытии следующего поезда. Толпа двинулась в другую сторону: кое-кто уверенно и с надеждой, другие с одержимостью неисполнимого и страстного желания. Кто-то упрямо уставился в газету или журнал на стенде с прессой, стараясь отвлечься, но ни у кого не получалось сконцентрировать внимание на статье, да и люди все время бегали вокруг, толкались и терлись о спины.

- Здесь поддерживается средний уровень стресса, - пояснил Сатана. - Пойдемте в гостиницу: там уютнее, да и спокойнее, а то вдруг кому-нибудь из них станет невтерпеж.

Архангелы медленно пошли по платформе, пока дорогу им не преградил какой-то жалкий человечек, крутивший за пуговицу начальника станции, буквально запертого между двумя неостребованными чемоданами без ярлыков. Он что-то настойчиво говорил служащему, но тот умело отбивался:

- Точно так, сэр. Понимаю, сэр. На вашем месте я бы переместился в гостиницу, где вы сможете присесть и спокойно подождать, сколько нужно. Можете быть совершенно уверены, сэр, как только ваша знакомая прибудет, я немедленно сообщу вам лично.

Пожимая плечами и что-то бормоча, человек ушел.

- Это он, - сказал Сатана. - И он ведь был в руке моей для мести! Вы слышали, как он пытается поразить начальника станции своими титулами?

- Что с ним теперь будет? - спросил Гавриил.

- Ни в чем нельзя быть уверенным. У меня начальники отделов действуют по своему усмотрению, у каждого свои задумки. Они чего только не придумывают. Вон той, например, там, впереди, никогда не будет разрешено перейти на другой путь, вон туда, повыше.

Женщина с концертно и жестяной для мелочи заняла свое, видимо, привычное место в начале платформы № 1, где собралась толпа встречающих. После короткого и печального вступления она запела:

*Солнце с небес не уходит,
Землю от ночи храня.
У горла лезвием водит
Убийца юного дня.
Силы мои иссякли.
В мире остались лишь муки.
Услышь! Услышь! Жизнь испита до капли.
Тянутся смерти руки.*

Песня, вероятно, не пользовалась спросом, потому что в ее жестянку упали от силы пара монет.

- В свое время люди были готовы платить любые деньги, чтобы услышать ее пение, - сказал Сатана и добавил ее имя. - А теперь она копит гроши, чтобы уехать отсюда.

- А кому-то это удается? - спросил Гавриил.

- О да, и часто. Они все уезжают — до последнего. А потом снова попадают сюда. Старые добрые методы Инквизиции. Но зато всегда срабатывают. Пошли, посмотрите, как они в гостиничном фойе обсуждают, куда поедут, как листают путеводители... Кстати, мы взяли на себя смелость обустроить гостиницу по-своему, вам, наверное, понравится.

Он пропустил их вперед себя в беспредельно расширенную и надстроенную гостиницу с бесчисленными фойе, коридорами, комнатами отдыха, залами ожидания, за которыми взгляду открывались новые и новые хитросплетения коридоров и комнат. По этому лабиринту блуждали, перешептываясь, мужчины и женщины. Одни открывали попадавшиеся на пути двери, и там неизменно вежливые и предупредительные служители направляли их в другие двери, чтобы только они не прерывали ни на минуту свой цикл безнадежных поисков. Другие, сидя за столами в бесконечных душных салонах, писали бесконечно длинные письма близким с дороги, чтобы потом бросить их в бездонные почтовые ящики без всякой надежды на отправку, планировали свои медовые месяцы, делая выписки (как ранее верно отметил Сатана) из путеводителей. Время от времени кто-то выскакивал из здания гостиницы и бросался к отъезжавшему такси, обманутый подозрением, что видел в окне машины знакомое лицо. Мимо ходили женщины, извлекавшие из сумок, сперва основательно в них порывшись, мятые пожелтевшие письма и снова и снова перечитывавшие их, поднеся к окну и смахивая набежавшие слезы.

- Все включено, согласно их собственным представлениям, - не скрывая гордости, заметил Сатана. - Интересно, что еще им наши приготовили...

Незвучный человек, встретившийся им ранее, что-то ожесточенно царапал на листке бумаги, когда подошедший служитель протянул ему телеграмму. Тот повернул к нему лицо, озаренное неожиданной для этих мест радостью, прочел, уставился на служителя остановившимся взглядом и через мгновение грохнулся в обморок. Сатана поднял бланк и прочел: «Пересмотрено. Прощено. Забыто». Сатана цокнул языком:

- Ну кто ж так себя ведет... - протянул он. - Но все равно интересно, что будет дальше.

Ничему не удивлявшиеся расторопные лакеи быстро унесли подергивавшееся храпящее тело в соседнюю маленькую комнату и уложили там на кушетку. Войдя за ними следом, Сатана с друзьями увидели там уже подоспевшего врача, выглядевшего солидно и уверенно.

- «Кто согрешает пред Сотворившим его, да впадет в руки врача», - подытожил Сатана. - Все же интересно, каков будет его выбор.

- А он у него есть? - спросил Гавриил.

- Как и всегда. Это последнее испытание. Не могу сказать, что полностью одобряю применяемые методы, но если препятствовать инициативе снизу, подчиненные растеряют рабочий энтузиазм.

- То есть ты хочешь сказать, что телеграмма фальшивая? - гневно воскликнул Гавриил.

- Ну это же духи лжи, в конце концов, - был ему тихий мягкий ответ. - Подожди. Сейчас вместе посмотрим.

Мужчину привели в чувство при помощи нюхательной соли и бренди. Очнувшись, он застонал.

- Вспомнил, всё вспомнил... - прошептал он.

- Да зачем же? - вмешался врач. - Давайте мы сейчас вам память сотрем...

- Если... если... - тихо подсказал ему Сатана, словно учитель ученику на школьном утреннике.

- Если пожелаете, - раздраженно добавил доктор и уставился на Сатану, шепча одними губами: - Кто с ним беседует, я или вы?

- А не все равно? - тоже одними губами ответил ему Сатана.

- Если пожелаю? - прохрипел человек на кушетке.

- Да, и если уполномочите меня сделать это, - ответил врач.

- А что тогда станет со мной?

- Вы просто избавитесь от всех видов боли. Итак, вы меня уполномочиваете?

- Нет, будьте вы прокляты!

Доктор просиял, но продолжил сухо и грубовато:

- Тогда можете идти.

- Идти? Куда, черт возьми?

- Это уже не мое дело. Эта комната мне нужна для других пациентов.

- Ну если так, то действительно, наверное, я... - Он застегнул воротничок мятой фланелевой рубашки, скатился с кушетки и проковылял к двери, где обернулся и весомо обронил: - Слушайте, я хочу сказать кое-что. Я хотел сказать, что я заклинаю вас сохранить сие без предубеждения... на Страшном суде... я заклинаю, чтоб вы знали... заклинаю...

Какое требование он выдвинул, троица не расслышала, потому что доктор, побалтывая в бутылке коньяком, вытеснил его из комнаты, и они удалились, продолжая что-то обсуждать вполголоса.

- Ну что же, - сказал Сатана. - Вот вы и насладились во всей полноте испытанием на предельную деформацию разрыва.

- И что теперь? - спросил Гавриил.

- А тебе зачем знать? - ответил Сатана вопросом на вопрос.

- Затем, что сказано: «и Зло восплачет».

- Я уже говорил: все равно все в конце концов вернутся ко мне, - горько ответил Сатана.

Сохраняя видимое спокойствие, но изнутри лучась радостью, вмешался Азраил:

- В мои обязанности входит распределение Милости. Где она здесь?

Сатана только рукой махнул.

Трое остались ждать в комнатке с фаянсовым умывальником и стеклянными шкафами, заставленными баночками и бутылочками. Под кроватью лежали кислородные баллоны, а воздух был пропитан эфиром. Они сидели там так долго, что спертый дух томительного ожидания и безнадежности постепенно проник и к ним, наложив на все вокруг свою мягкую лапу, сперва приглушив свет их нимбов, затем пригнув их головы к груди и, наконец, наложив нестираемый отпечаток тусклой тени на все их фигуры, хламиды, мечи и крылья, оставив в конце концов гореть только их глаза.

Первым издал стон Азраил:

- Ну сколько еще? Сколько?

Сатана прикрыл голову крыльями и молчал. Из-за приоткрытой двери доносились шум и крики. Потом вошла медсестра, ведя за руку неуверенно ступавшую женщину.

- Я не могу! Нельзя! - Женщина сопротивлялась и пыталась освободиться от рук медсестры. - У меня здесь назначена встреча! Я должна встретить поезд в семь-двенадцать. Правда, должна. Вы не понимаете, это очень важно! Отпустите, а? Пожалуйста, отпустите. Можете забрать мои бриллианты, все-все!

- Сейчас полежите чуть-чуть и успокойтесь. А я принесу вам чаю, - ворковала медсестра.

- Чаю? А откуда мне знать, что это не отрава? Вы же меня отравите! Точно отравите. Отпустите, иначе я позову полицию. Я им скажу... я скажу... Боже мой, кто же меня выслушает наконец? Дик, Дик! Они меня хотят напоить чем-то! На помощь! Помогите мне, Дик!

Постепенно отчаянный крик уступил хриплым всхлипам, она, задыхаясь, шептала медсестре:

- Сестричка, простите за то, что я так раскричалась. Я больше не буду, честное слово, не буду, но только отпустите меня, а? Можно, я только встречу поезд в семь-двенадцать – и всё? Через минуту сразу буду у вас. Я буду хорошо себя вести. Уберите руку, пожалуйста. Ну можно?

Но было нельзя. Медсестра подула ей на лоб, седеющие волосы разлетелись, и под ними проступило Предначертание. Тело женщины обвисло: она засыпала.

- Ну что за глупости, - бормотала она. - Хорошо, но только на минутку... главное – чтобы я не опоздала к поезду в семь-двенадцать, потому что... потому что... не забудьте!.. Я заклинаю вас сохранить сие без предубеждения... до Страшного суда... заклинаю... - Она замолчала. Медсестра посмотрела, как до нее – Калкиил, прямо в глаза Сатане и приказала:

- Давай!

Сатана кивнул. В дверь постучали, поскреблись, и а потом в нее протиснулся потертый человечек, который недавно вышел из нее с заклятьем на устах.

- Извините, - сказал он. - Кажется, я забыл здесь шляпу.

Женщина на кушетке проснулась и повернулась к нему из-под руки:

- Какое это теперь имеет значение, дорогой?

Трое снова оказались в вихре всепоглощающей Пустоты: двое были слегка потрепаны, третий выглядел виновато.

- Что это было? - разглаживая перья, спросил Гавриил.

- Ну вообще-то нам попросту указали на дверь, - ответил Сатана.

- Указали на дверь? - воскликнул Азраил.

- Это если еще не говорить о твоём начальстве, - заметил Сатана. - Ты сам то видел, что медсестра — это Руяэль? Я буду жаловаться, в письменной форме и официально.

Но Азраил только взглянул на него — и он осекся.

- Мне кажется, что выяснится, что она находится под защитой статьи, которую ты так доходчиво объяснил нашему юному другу. Там все завязано на толкование слова «кто».

- Даже если и так, - сказал Гавриил, - это не объясняет скорость, с которой нас вышвырнули, как в кино, раз — и нету.

- Боюсь, это уже моя личная инициатива, как сказал младенец, срыгнув на няньку, - улыбнулся Князь Тьмы. - Но братья мои, неужели вы действительно думаете, что мы там были еще кому-то нужны?

1932
